ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:
В. Н. Бараков
Н. В. Возжаева
В. В. Гончарова
В. Г. Захарченко
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
В. В. Касьянов
Д. А. Ковальчук
Ю. В. Козлов
В. Ю. Лапина
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
А. В. Пиценко
Н. Г. Пугачёва
Л. А. Сычёва
А. В. Татаринов
А. А. Фокин
Е. В. Хомутов
В. И. Шульженко

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Юрий Михайлович Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Н. И. Крижановский

РЕДАКТОР ОТДЕЛА
Д. К. Диденко

ДИЗАЙН
И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА
Е. А. Быковченко

КОРРЕКТОР
Л. А. Мирошникова

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал
№ 4 (109) 2025 г.

Адрес редакции:
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

СОУЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского края, ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора публикации.

Заказ № 2045
Тираж номера 630 экз. **Свободная цена.**

Подписано в печать 05.12.2025 г. Формат 84x106/16.

Дата выхода 05.12.2025 г.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано АО «Издательство «Советская Кубань».
Адрес типографии:
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250 от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

ВИКТОРИЯ МОЖАЕВА
«...ПУСТЬ ГОСПОДЬ БУДЕТ МЕРОЙ ДЛЯ ВСЕХ» 6

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА
«МЫ НОСИЛИ ЛЮБОВЬ В УТРОБЕ…» 14

ПРОЗА

АНАСТАСИЯ ЛОМАЕВА
ПАПА И Я 24

ВИКТОР ОЗЕРСКИЙ
МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ ТКАЧЁВА 30

ИЛЬЯ ЧЕСНОКОВ
ПАПА 38
ЛЁША И ПУШКИН 39
ВМЕСТЕ В ПУТИ 41

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ

МИХАИЛ ЛОБАНОВ
ЦЕРКОВЬ – ЭТО ВСЕ МЫ 44

ГОСТЬ НОМЕРА

«РОССИЯ ПЕРЕЖИВЁТ И ЭТОТ ИНОРОДНЫЙ МУСОР»
Беседа Андрея Нейжмака с писателем Александром Можаевым 56

РОДИНОВЕДЕНИЕ

ОЛЕГ МАТВЕЕВ
ЖЕМЧУЖИНА ЮЖНОГО ПРИАЗОВЬЯ 62

ДАНИИЛ ПЕРЕНИЖКО
ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ: НАЧАЛО ПУТИ 70

ПАМЯТЬ

«…Я ГЛЯДЕЛ НА НЕГО, КАК ГЛЯДИТ ХЛЕБОРОБ НА ТУЧУ…»
Беседа Николая Дорошенко и Юрия Кузнецова 78

СОБЫТИЕ

ДИАНА ГАЛКИНА
СЕЛЕЗНЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНОГО
И НРАВСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ КРИТИКА 86

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

МИХАИЛ ЛОБАНОВ
ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ТИХИЙ ДОН» 96
МИЛОСЕРДИЕ 114

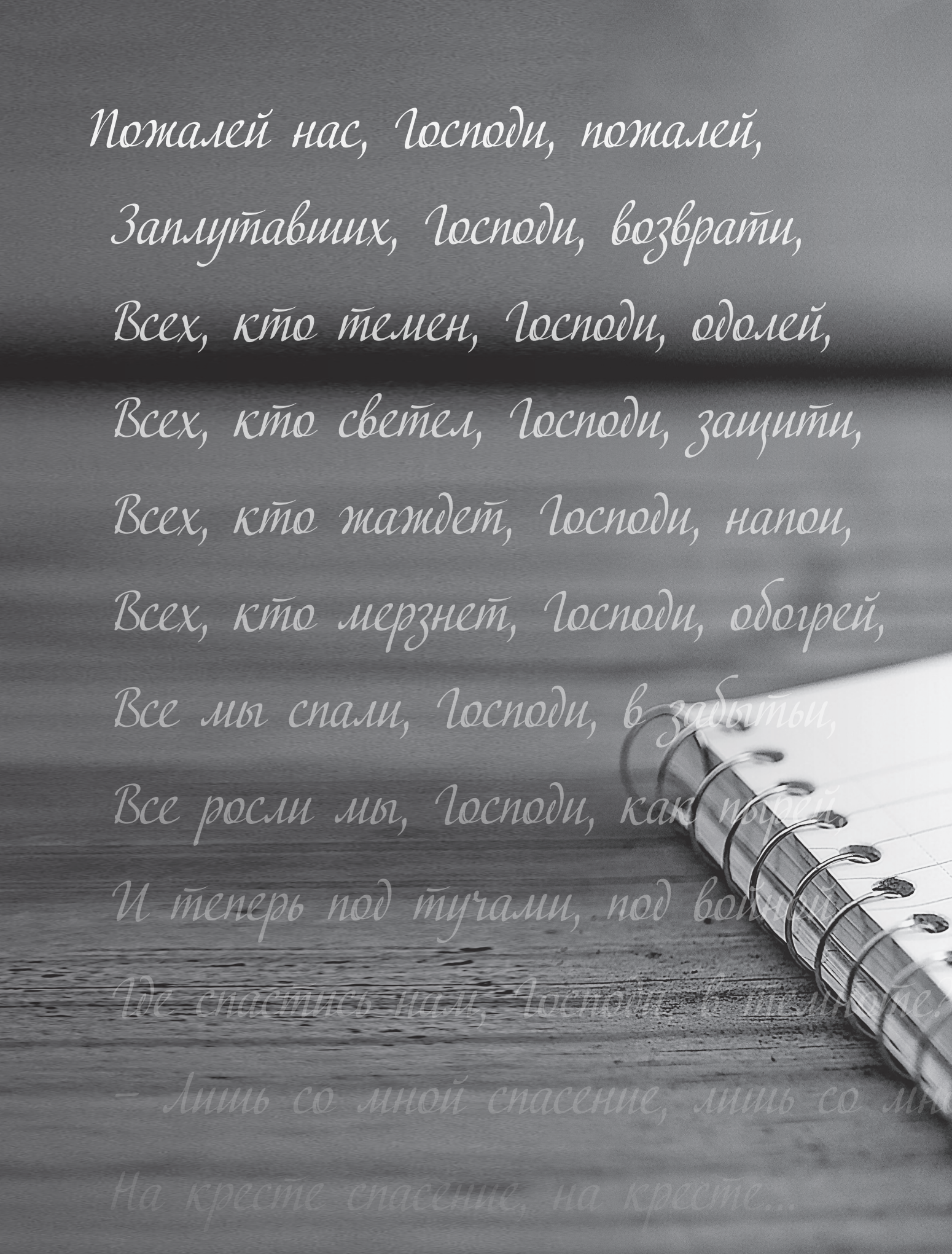
НИКОЛАЙ КРИЖАНОВСКИЙ
ДВА ПОДХОДА К СОЗДАНИЮ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ
В СЕРИИ ЖЗЛ: Ю. СЕЛЕЗНЁВ И М. КУЧЕРСКАЯ 118

ЭДВАРД ЧЕСНОКОВ
О МНОГОЛЕТНЕЙ АНТИРОССИЙСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ 126

ЕЛИЗАВЕТА УТКА
КАК ЛЮК БЕССОН В «ДРАКУЛЕ» ОСКВЕРНИЛ СВЯТЫНИ 134

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВА
АЛЛА ПУГАЧЁВА: ГОЛОС ПРЕДАТЕЛЯ РОДИНЫ 136

КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ 140

Пожалей нас, Господи, пожалей,
Заплутавших, Господи, возврати,
Всех, кто темен, Господи, одолей,
Всех, кто светел, Господи, защити,
Всех, кто жаждет, Господи, напои,
Всех, кто мерзнет, Господи, обогрей,
Все мы спали, Господи, в забытьи,
Все росли мы, Господи, как пырей,
И теперь под тучами, под войной
Где спастись нам, Господи, кроме Тебя?
– Лишь со мной спасение, лишь со мной
На кресте спасение, на кресте...

ПОЭЗИЯ

ru.freepik.com

Архив Виктории Можаевой

ВИКТОРИЯ МОЖАЕВА

Родилась в посёлке Поспелиха Алтайского края. В 1989 году окончила Литинститут, семинар Анатолия Жигулина. Член СП России. Публиковалась в журналах «Дон», «День и Ночь», «Молодая гвардия», «Подъём» и многих других. Лауреат премии имени М. А. Шолохова. Проживает в хуторе Можаевка Ростовской области.

«...ПУСТЬ ГОСПОДЬ БУДЕТ МЕРОЙ ДЛЯ ВСЕХ»

***

У края невидимой битвы
В последнем дозоре стою,
Не помня чужие молитвы,
Одну повторяя свою.
Столкнутся ряды бестолково,
Коснутся зарницы земли,
И поле вздохнет Куликово
Дыханьем единым вдали.
Подлесок, от солнца соловый,
С травинки глядит стрекоза,
У Дона бессмертник лиловый
Поднимет живые глаза,
Прольется в кровавом развале
Святая живая вода.
Как люди меня называли –
Не вспомню уже никогда.
И сколько крестов ни носи я,
В немое уйдя забытье,
Но слово – Россия, Россия –
Запомню, как имя свое.

***

У людей изменяются лица,
Городов затухают огни...
Чтобы мы научились молиться,
Нам даны эти горькие дни.
Чтобы мы позабыли о лени,
О веселье, еде и тепле,
Чтобы падал народ на колени
В судный час на родимой земле,
Чтоб забылись и сроки, и даты,
Кроме дня, что уже начался,
Чтоб поэты, монахи, солдаты
Устремляли глаза в небеса...
Это наша беда, это с нами:
Зла и горя клубящийся ком,
И старушка, несущая знамя,
И ведьмачка с кровавым серпом,
И размятая траками каска,
И разбитая взрывами твердь...
И грядущая красная Пасха,
Крестной смертью поправшая смерть.

***

Глядит в окно мое луна,
А мне темно.
Десятый год глядит война
В мое окно.
То хрип, то стон в моей груди,
То жар, то лед...
Я говорю ей: «Уходи!» –
Десятый год.
Плету, как кокон, забытье,
Но все равно
Глазницы черные ее

Глядят в окно.
Гремят разрывы по реке,
Поля красны...
Стоит мой дом на островке
Среди войны.
Ее ухмылки нет кривей,
В грязи, в крови:
«Отдай мне только сыновей...
Сама – живи...»
Мне не по силам с ней в борьбе,
Не по годам...
Но сыновей своих тебе
Я не отдам!
Они не сгинут, не падут,
Не смей, не тронь!
И невредимыми пройдут
Через огонь...
Моя молитва – им стена,
И в стынь, и в зной...
И тенью падает война
Передо мной.

***

На моем берегу
Может всяк человек
Пришвартовывать:
Здесь найдется ночлег,
И беседа и ночью, и днем.
Я стрелять не могу.
Я могу только перебинтовывать,
И молиться за всех,
Кто сегодня опять
Под огнем.
Я могу только ждать.
И другого не знаю усердия.
Только плакать могу,
Как княгиня со стен в старину.
Может, стану и я
Для кого-то сестрой милосердия,
И платком с головы
Чью-то смертную боль оберну.

***

В новогоднюю ночь
Напеку пирогов,
Всех ушедших за край
Помяну.
Помолюсь за друзей,
Помолюсь за врагов,
За распятую нашу
Страну.
Помолюсь, а в ответ
То ли стон, то ли вой,
То ли скрежет по тонкому
Льду,
То ли бодрый наш хор
Про союз вековой
В девяносто зловещем
Году.
С Новым годом, друзья,
С Новым годом, враги,
Пусть Господь будет мерой
Для всех.
В мавзолее темно,
Только в склепе шаги
И безумный оборванный
Смех.

***

Вот и осени выход готов:
Не жара, а скупая теплынь.
Там, где были поляны цветов,
Только пыльно-седая полынь.
Ветер стебли колышет едва,
Тонко птица степная кричит,
Некрасивая эта трава
Вековыми слезами горчит.
Отчего мне так крестно знаком
Этот запах полынной земли?
И глаза под монашьим платком,
И следы по горячей пыли?
Словно в серых полях полына
Тихо дышит сквозь смерть и былье
Та, открытая небу, страна,
Не забывшая имя свое.

***

Принимаю всю твою печаль,
Как дитя больное обнимаю,
Словно сердцем ножевую сталь
Принимаю,
Все твои снесенные мосты,
Все твои разбитые дороги,
Все твои поклонные кресты
И остроги.
Всех твоих невинных стариков
И мальчишек, скачущих на прутьях,
Всех твоих Иванов-дураков
На распутьях.
Все твое богатство и нужду,
Всю твою жестокость и участье,
Все твое спасенье и беду,
Словно кровь Христову на причастье.

***

Сестра моя, сестричка,
Пшеничная косичка,
В глазах твоих застыла
Днепровская вода...
Так как же это стало,
Что быть ты перестала
Такою, как любила,
Любила я всегда?
А помнишь, как, бывало,
Плясала и спивала,
И в хате половицы
Ходили ходуном...
Так как же так случилось –
Зачем ты обручилась,
Как в сказке, обручилась
С проклятым колдуном?!
Сестра моя, сестричка,
Кровь русская – водичка,
Усеяны погосты
Могилами детей...
Как оборотень, воешь,
И их уже не скроешь,
Те страшные порезы
От ведьминых когтей...
Подняться нету мочи,
Закрылись кари очи,
Отравленное зелье
Из лап змеиных пьешь...
Сестричка Украина!
Душа у нас едина,
И ты, в меня стреляя,
Саму себя убьешь.
У них – костры да плахи,

Расшитые рубахи,
Кровавые знамена,
Чубов лихой завей...
Они дождались часа,
Не слышен клич Тараса,
Уже сбивают ляхи
Кресты с твоих церквей.
Мы были две сестрички,
Как в паре черевички,
И счастье, и несчастье
Делили наравне...
Раскрыты мрака жерла,
И панночка померла,
А я еще не верю,
Что это не во сне...

***

Вот и стало понятно, что важнее всего
Перед дальней дорогой, перед ликом огня…
Вышли Каин и Авель из гнезда одного
Принести Богу жертву до скончания дня.
Жертва Каина тлела, покрываясь золой,
А другая сияла, как под солнцем роса.
Каин черную душу схоронил под полой,
Авель чистую душу распахнул в небеса.
Позавидовал Каин и нахмурил чело,
Первой кровью невинной осквернилась земля.
И свершилось на свете небывалое зло,
Все на «до» и на «после» той минуты деля.
…Черно-красные флаги небо застили вновь,
И кричат галичане: «Москалей на ножи!»
Черный – Каина совесть, красный – Авеля кровь.
Как же это случилось? Украина, скажи!..
…Вот и стало понятно, что дороже всего:
Плачет проклятый Каин, смерть свою сторожит.
«Каин, Каин, где брат твой?» Только нету его.
Под Донецком, Славянском, под Луганском лежит.

***

Города далеки,
Зимний ветер гудит расставаньем,
Хорошо, если есть
Где укрыться в уютном тепле...
Я живу у реки
С неразгаданным древним названьем,
Только небо вокруг,
Словно ты не совсем на земле.
На речном рубеже
обрываются тропки кривые,
И хранит тишина
Чьи-то песни, шаги и бои...
Здесь нас мало уже,
И с умершими вместе живые
По пасхальному дню
На погосты приходят свои.
А река как текла,
Так течет, от лучей золотая,
И расскажет она
Тем, кто после пройдет над водой,
Как красива была
Эта жизнь моя, вроде простая,
В лопухах и цветах,

И в сиянье листвы молодой.
И опять соловьи
Ту же райскую радость приносят:
Не для смерти живем,
Только с узкой тропы не сойди...
Распинают свои,
А чужие лишь гвозди подносят,
Но ни тех, ни других –
Не суди, не суди, не суди...

***

Отцвели, как ромашки,
Иные года,
И душа, как одежда,
Истлела.
Я уже и не помню,
Как было тогда,
Чтобы сердце мое
Не болело.
Все, о чем я забочусь,
О чем я пишу,
Словно пляжный роман,
Пролисталось.
Каждый день на коленях
Прощенья прошу
За страданье, что мне
Не досталось.
Где ты, тихий наш путь?
Где ты, мирный наш хлеб?
Ангел смерти устал от рыданий.
В Вифлеемской пещере
Сложили вертеп
Из обломков
Разрушенных зданий.

В черном поле донецком
Не видно огня,
Или что-то случилось
Со зреньем.
Лишь Мариины очи
Глядят на меня
Со спокойным и горьким
Смиреньем.
Где-то снова волхвы
Собираются в путь,
Где-то в небо уходят
Колонны.
Все апостолы спят,
Только Ей не уснуть,
Материнские ночи
Бессонны.
Разлилась от дождей
На границе река,
Теплый ветер кружит
Над ярами...
Мне бы только дойти
До того огонька,
Что мерцает
В покинутом храме,
Где простой иерей
Воспоет Рождество,
С ним четыре
Блаженных старухи,
Где на службе не будет
Почти никого
По причине военной
Разрухи,
Где приложится все,
Словно пальцы в щепоть,

Где и зло в эту ночь
Подобреет...
Где возьмет мое сердце
В ладони Господь,
Как птенца на морозе
Согреет.

***

Запеклись в душе слова, как на ране,
И не сплю до петухов я до третьих...
Дай мне, Боже, выносить с поля брани
Во единый лазарет тех и этих.
Чтобы свечи в лазарете горели,
Чтобы стражники стояли, крылаты,
Чтоб в глаза они друг другу смотрели,
Заключенные в пространство палаты.
Чтобы понял тот, кто взял меч неправый,
Братской кровью свою душу чернивший,
Что под Киевом сидит семиглавый
Змей поганый, христиан полонивший.
Чтобы те вдруг сокрушились, как эти,
Чтобы плакали до дна, до одышки,
Чтобы спели им донецкие дети
Прямо с неба про рисунок мальчишки...
Запеклись в моей душе эти грезы,
И смешны они, конечно, и странны...
Дай мне, Боже, отирать эти слезы,
Дай мне, Боже, омывать эти раны...

***

Станет воздух золотисто невесом,
Заскрипят на детских скрипочках сверчки,
Август скатится горячим колесом
По тропинке, мимо дома у реки.
Пламень красный, виноградное вино,
Разливают неземные сторожа,
Очищая наши души, как зерно,
Меру тяжкую в руках своих держа.
Степь широкая лежит у блокпоста,
Камень вещий тот да буйна голова...
Словно молится у каждого креста
Суховеем обожженная трава.
И сквозь толки, и насмешки, и навет,
Сколько коршуну над степью ни кружить,
Кто-то знает: после мрака будет свет,
Кто-то помнит: после смерти будем жить.
И стоит она под тучей воронья,
Во успении приявшая живот,
Богородичная родина моя...
Тихой радости сияющий кивот.

Когда-нибудь, когда придет конец
Кровавому оплаканному бреду,
Приеду в город-мученик Донецк
И в Горловку воскресшую приеду.
Ведь где-то там, когда свершится суд
Над бросившими мир в апостасию,
Поставят крест и надпись нанесут:
«Собою заслонившие Россию».
Пусть тихий свет от этого креста
Увидит каждый из российской стыни...
А не увидят – что же, и Христа
Спасенные не приняли доныне.

***

Вы же донецкие, вы же из стали,
Видят же ангелы, как вы устали,
Как вы молитвами в небо врастали...
Видимо, сроки еще не настали...

Знание кончилось, смолкли пророки,
Видно, еще не исполнены сроки...
Розы донецкие, красные с кровью,
Снова примерили шалочку вдовью,
Черные розы из черного дыма,
Снова не около, снова не мимо...
Вы же донецкие, вы же прорветесь!
Вы же от счастья потом нареветесь...
И прибежит она с песнею деда –
Русская девочка, наша победа.

***

Вот и рухнула жизнь, как кабинка пляжная
Под ударом внезапного урагана...
Как идет вам эта форма камуфляжная
И глаза ваши из балаклавы
Смотрят так же, как смотрели
Глаза ваших прадедов,
Ваших прапрадедов из-под
Касок, фуражек, кубанок...
И нет в них ни лихости, ни удали,
А только лютая усталость
И огрубевшее терпение...
Врут казачьи песни, врут...
Они только душу дерут...
«Ты ж моя пташка, канарейка...»
Умереть бы за вас за всех мне одной,
Чтобы больше жизни ни одной
Не отдать страшной бабке с вонючим ртом...
Тяжелые бои в городе Золотом...
Сыночки мои, сыночки,
Вы уходите группами и поодиночке,
Помните, вы учили, что сумма квадратов катетов
Равна квадрату гипотенузы?
И тянутся, тянутся, тянутся
Кровные кровавые нервущиеся узы...
И глаза ваши из балаклавы,
Как перед ударом казачьей лавы...
Я ведь всего лишь женщина, Господи...
Отведи эту чашу от них, отведи...
Лучше меня одну, Господи,
Лучше меня одну...

***

Пожалей нас, Господи, пожалей,
Заплутавших, Господи, возврати,
Всех, кто темен, Господи, одолей,
Всех, кто светел, Господи, защити,
Всех, кто жаждет, Господи, напои,
Всех, кто мерзнет, Господи, обогрей,
Все мы спали, Господи, в забытьи,
Все росли мы, Господи, как пырей,
И теперь под тучами, под войной
Где спастись нам, Господи, в темноте?
– Лишь со мной спасение, лишь со мной,
На кресте спасение, на кресте... ■

Архив Натальи Возжаевой

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА

Родилась в городе Грозном.
Окончила в 1993 году Ростовский государственный университет.
Автор двух стихотворных сборников.
Публиковалась в журналах «Родная Кубань», «Москва», в газете «Завтра» и других СМИ.
Лауреат литературных премий.
Живёт в Новороссийске.

«МЫ НОСИЛИ ЛЮБОВЬ В УТРОБЕ...»

***

Мне бы сердце твое в ладони.
Что слова? Все не то, не те.
Горше нет материнской доли,
Хуже нет – хоронить детей.
Я твоими слезами плачу,
Я чернею твоим лицом.
Мне он тоже родной, твой мальчик,
Что запаян сейчас свинцом.
Ты стоишь над сыновьим гробом
И молчишь, не молчи – реви.
Мы носили любовь в утробе,
Мы рожали их для любви.

И от плача, от рева, воя,
Содрогаясь, мы знаем то –
Если сын, то сначала воин.
Остальное уже потом.

***

И зачем поэтам
Членские билеты?
И какие плюсы
У таких союзов?
Раздуваться спесью,
Пропитаться лестью,
Голосить со сцены…
Нет, другое ценно –
Пропитаться светом,
Побрататься с ветром,
Быть в союзе с небом,
С камышом, со снегом,
С воробьиной бранью
Летним утром ранним.
Пить дожди и ливни,
Быть хмельным, наивным
Толмачом Вселенной…
Из поэтов-«членов»
Кто-то спросит строго:
– Взнос какой?
– Не много.
– А конкретно, сколько?
– Жизнь одна. И только.

СЕМЕЧКО

Прими меня в свой чудный сад,
Где яблок розовые темечки
Покрыла слезная роса.
Прими не женщиной, а семечком.
И я, возможно, прорасту
Меж теплыми его ладонями,
Меж елей, яблонек и туй

Травинкой, колоском, бегонией.
Покоя, больше не прошу,
И тишины, в которой слышится
В саду чудесном ровный шум,
Что от небесной лейки-ижицы.
А ласточки глядят на юг,
И только я глаза закрыла и
Пред воротами стою –
Куда ж еще идти, бескрылой мне.

ОЗЕРО АБРАУ

Спокойно озеро Абрау,
Качает облака, как в зыбке.
Какая милая оправа
Для чьей-то ласковой улыбки.
А помнишь ретро-пароходик
Под синевой на изумрудном?
Тогда был тоже август, вроде,
А, впрочем, пролистать не трудно
Ряд цифровых и лет, и фото,
Найти тот день, причал, перильца,
Катамаран и хлипкий плотик,
И лодок заспанные рыльца.
А треск такой стоял цикадный –
Читало лето сушь ковылью –
Не разобрали на цитаты,
Не записали и забыли,
А зря. Гляжу теперь на фото,
Где бронзовея гладкой кожей,
Глядит в меня счастливый кто-то.
На сотню лет меня моложе.

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

Нет-нет, о смерти мысли я гоню,
Но если вдруг – отдай меня огню.
Отпустишь, точно знаю, только с ровней.
Он схож с тобой горячечно и кровно,
И собственник, возможно, даже хлеще,
Чем ты. Я говорю простые вещи.
И ты не злись, не плюй через плечо.
Огонь, как ты, полюбит горячо.
А ревновать к нему – дурное дело.
Я вся твоя. Ему довольно тела.
Он зыбкий блик от твоего лица,
А пепел – то цветочная пыльца,
Пчелиный хлеб, степная пыль – не боле.
Огонь не знает радости и боли.
Вот почему и только потому
Отдай, нет, отпусти меня к нему,
Когда случится то, что неизбежно.
Пообещай, мой огненный, мой нежный.
А если вдруг – и эту мысль гоню…
Я тоже подарю тебя огню.

ТО БЫЛ МНЕ СОН

Все тянется и тянется за мной,
Как долгий шлейф из старой занавески –
Так я играла маленькой в невесту
Или царевну – голос твой родной.

То был мне сон – секретик под стеклом,
Обрывки смеха, солнце в старых липах –
Не часто просыпаешься от всхлипа,
Но почему? О чем? Или о ком?

Звала меня, а я в ответ: «Ну, баааа!
Пожалуйста, еще чуть-чуть, немного!»
Но ты звала настойчиво и строго,
И горько мне до соли на губах.

А двор звенит и лупит по мячу,
Воюет с липой, спрятавшей воланчик…
Проснулась, понимаю все и плачу:
«Пожалуйста, бабуль, еще чуть-чуть»…

СТРЕКОЗА

Я лето прожигаю – пью
Июльский мед, душистый зной.
Ох, поквитается со мной
За «одержимолость» мою
Зима и прихвостень ее –
Студеных северных кровей,
Мороз – стеклянный муравей.
И обездвижит, закует
Надолго в четырех стенах
За то, что кровь моя тепла,
За лед, не тающий, крыла,
За верность лету в зимних снах,
За то, что пелось и жилось
Не «про запас». Полет и свет…
За то, что променяла снег
На жи-мо-лость.

ЗНОЙ

Такое варево и марево,
Уже с утра не жарко – знойно.
Глядит инжир глазами карими
Сквозь зарослей окно резное,
И задыхается дородная,
От собственного аромата,
Купчиха – черная смородина.
Парит чеснок, лаванда, мята…
Вокруг густое и тягучее
Над просыпающимся садом,
И только новые огурчики
Свежи и матово-прохладны.
Ни ветерка, и ни движения,
И ни следа дождливой ночи.
И только мира отражение
В зрачке у поливальной бочки.

РЫБКА

«Моя», – ты шепчешь в ухо мне, – «Моя!»
Пока идем по пирсу на маяк,
И облака на цыпочках уходят,
Краснея: «Вот, не молодые вроде,
А видишь ты – целуются оне!»
И рыбы ухмыляются на дне.
Один рыбак, примерно лет восьми,
Такую нам протягивал: «Возьми!»
У рыбки золотые плавники,
Отпустим – ах, какие дураки –
Малец вздыхает, явно огорчен,
Но счастье не поймаешь на крючок
И ни на спиннинг, и не сетью даже,
Но мы тебе, малыш, о том не скажем.
Лови, лови надежду на уду,
А город тонет в липовом меду.
Вот так стоять бы тут,
стоять, стоять…
Нет, не случайны мальчик, пирс, маяк.

К ПЛЮС Б РАВНО

Стою неподвижная, как под гипнозом,
А мимо проходят каштан и береза.
Каштан из штанин – оп-па! –
кнопочный ножик,
И – чик! – мне по коже.

Я только подумала: сбрендили что ли?
Я только руками всплеснула от боли –
холодная капля с виска –
А он плюсует Бэ с Ка.

От резвого ножичка две параллели
– Вы что, обалдели? – на коже алеют.

Каштан на березу смотрел,
Врезая в меня букву эЛ.

Мое же сознание гаснет от боли –
Идите вы к дьяволу с вашей любовью!
Проснулась, лежу и дрожу.
Не сон, а какая-то жуть.

А ветер ночной хулиганит над садом
И воет надсадно и что-то так саднит,
Ах, что же так саднит,
и что же так ноет?
Пойду-ка я хлипкую раму прикрою.
Все раны уже затянулись давно,
Но… ноет на знаке «равно».

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Ты ищешь следы, однако
За восемь десятков лет
Их скрыли полынь и маки
На Малой святой Земле.

Присядь, помолчи, послушай
Беззвучные голоса –
Так в мае идет на сушу
Февральский морской десант

Туда, где готов к Параду,
Торжественен город, тих.
И встанут неслышно рядом,
Пускай и не видно их.

России покой неведом
И мертвым не стало сна,
И правнук старее деда,
И сам уже в орденах.

Смотри, как идут из света
Сквозь травы и звон пичуг.
Сливается Полк Бессмертный
С живыми плечом к плечу.

Волнуются маки ало –
Куда же вы, где же вы?
И сердце мемориала
Стучит в унисон с живым.

***

Звякнули стекла. Сидим впотьмах
Я и собака. С нами
Рядом сидит животное – страх
С выпученными глазами.

Делаю вид, что не вижу его,
Пса поцелую в морду.
Тиснуть не дал, мотнул головой.
Тоже, зараза, гордый.

Все понимает, по-песьи мудр,
Он не скулит, не воет.
«Нет никого», – говорю ему, –
«Двое нас, милый, двое».

Вот рассветет и махнем с тобой
К морю – одна дорога.
Ну а пока подождем отбой –
Не навсегда тревога.

После насытимся тишиной,
Ты погоняешь чаек.
Смотрит в лицо, понимает, но
Гордо не отвечает.

Море приветливо встретит нас,
Розовое спросонья.
Видишь, лохматый, вода из глаз
Тоже с морской солью…

***

Куда ж без них, без «золота-багрянца».
Вокруг все полыхает, но не жжет.
Богачка-осень, поплевав на пальцы,
Шуршит свеженападавшей маржой.

Прозрачность взбаламутили норд-осты,
Предчувствие зимы в остатке дня,
Где гладкие платановые кости
Пустой аллеи ноют – не унять.

Счастливица она. А я в убытке.
Я снова – то не ново – в минусах,
Но нищенство свое несу с улыбкой,
Не жалуясь, не ноя, не прося.

Ей город весь – одна сплошная паперть,
Ей все, без исключений, бедняки.
И даже тем, кто был не прочь ограбить
Ее, она швыряет медяки.

НА ПОКРОВ

Дождь поморосил да перестал –
Будет дольше листопадный ливень,
И ладонь у мертвого листа
Совпадет с моей рисунком линий.
Тишины тончайшая струна
Чуть задета писком комариным,

Кажется, что отзовется на
Тень от серебристой паутины.
Опаданий мечется свеча,
Скоро-скоро догорит-погаснет.
Облако – небесная овча –
Растворится на закатно-красном.

***

Устав от говорильни, в сад
Идешь курить. Уединиться.
Какой-то молчаливой птицы
Вдруг встретишь удивленный взгляд.

Мол, кто ты есть, зачем ты тут?
Ты инороден в этом действе
Падения природы в детство –
Не в пустоту, а в простоту.

Тут тишины хлебнешь сполна
Такой, что слышно крик безмолвный
Сорвавшегося с ветки сонной
Листа. И снова тишина.

Так притворись глухонемым,
Чтоб только гулкий стук сердечный
Напоминал, что мы не вечны,
Как хорошо, что мы не вечны,
Как жаль – недолговечны мы.

ГАРЬ КОСТРОВ

Оскудела кровь заката,
Словно наложили жгут.
Частный сектор ароматен –
В ржавых бочках листья жгут.

Будто след уничтожают,
Соучастие свое.
Дым стоит над гаражами,
Над сараями плывет.
А и ладно, ветром сдует.
Север двинется на Юг.
Эх, читайте отходную
Истекающему дню,

Что недвижен, мрачен, стынет
В дымном воздухе сыром,
Убиенный подло в спину
Синим сойкиным пером.

Гарь костров средневековья
В горькой доле красоты –
Не спалят, так пустят крови.
Разве то не помнишь ты?

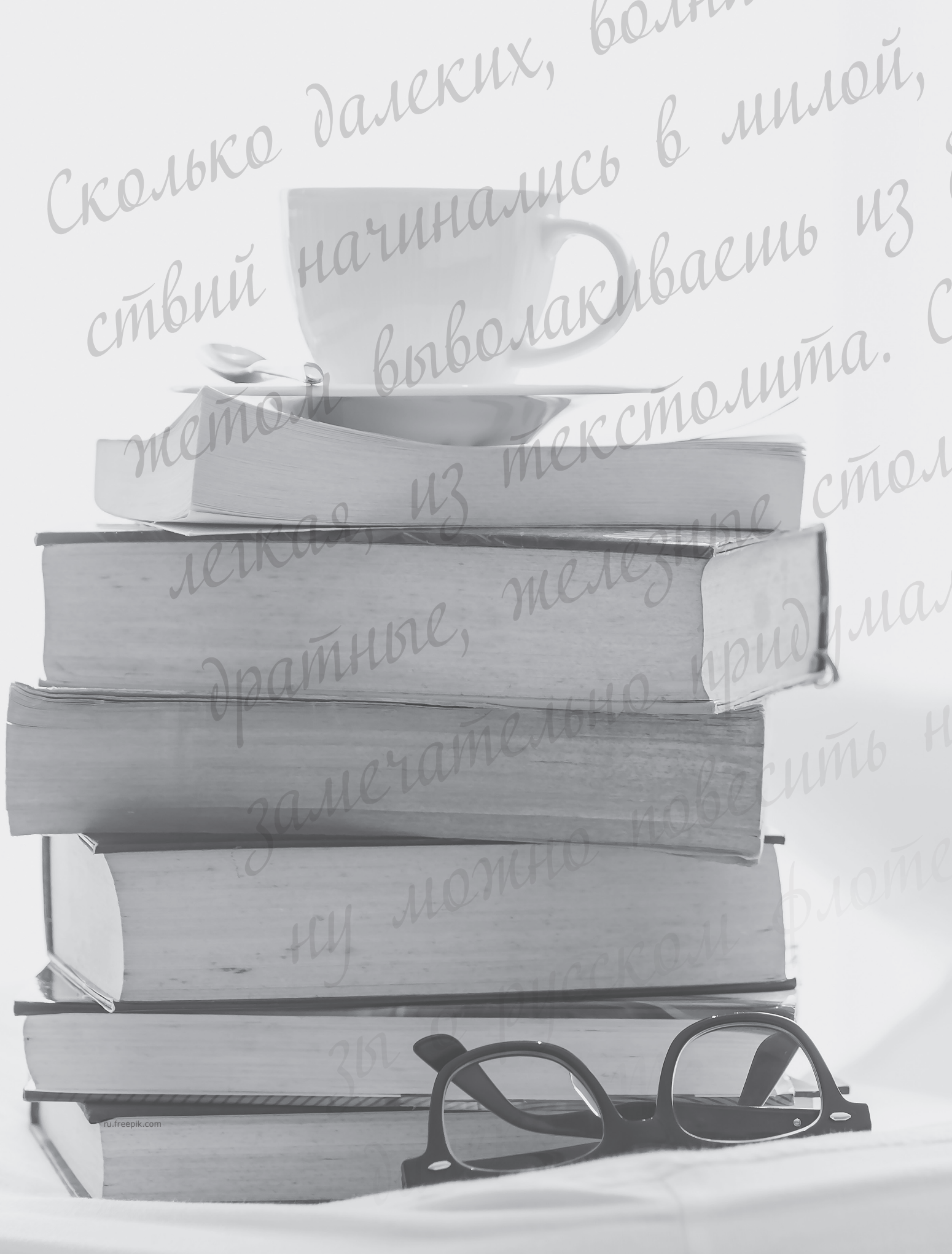
Осень, что ж ты натворила,
Не раздумывай, беги!
Видишь синий всполох крыльев?
Спину, спину береги.

***

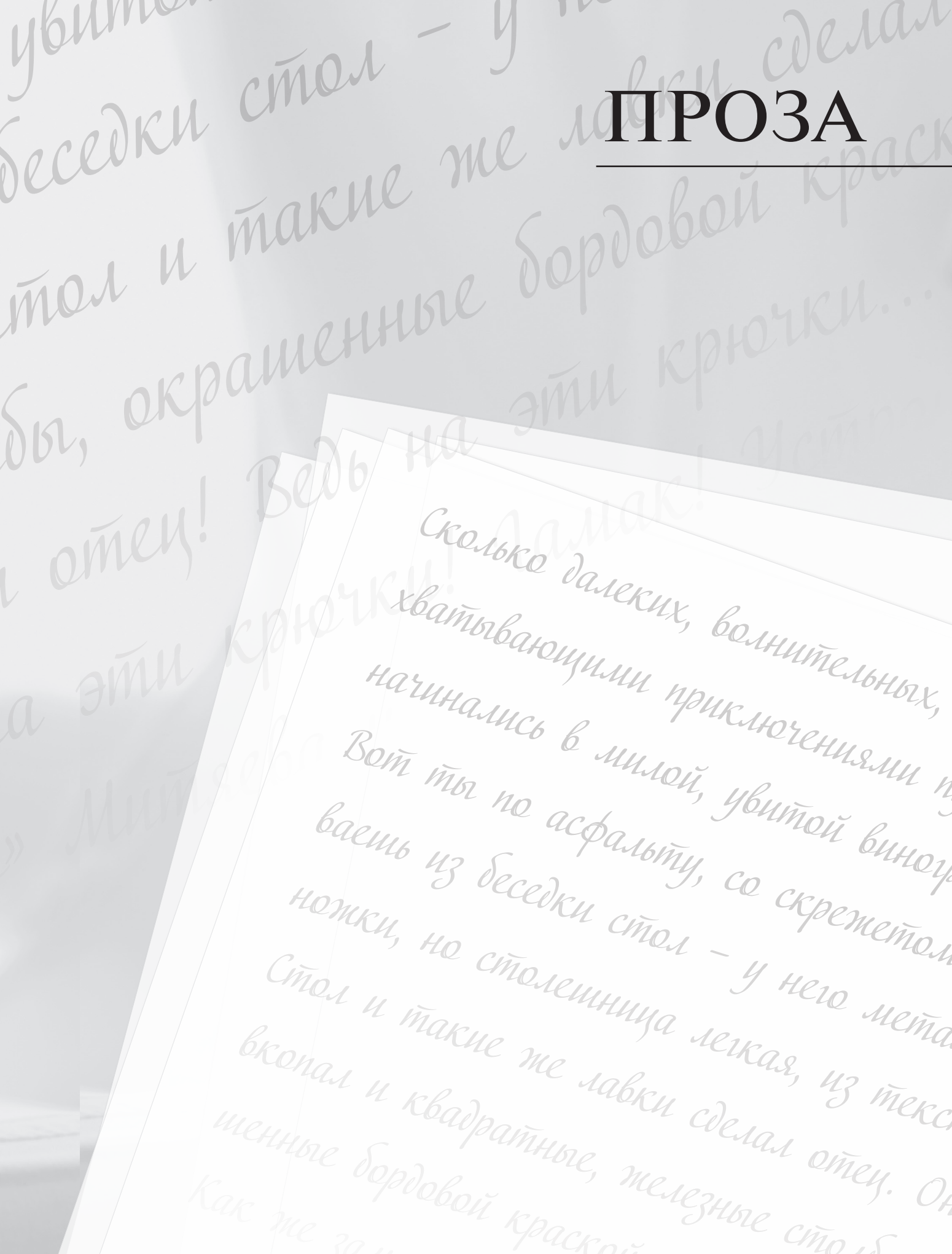
Тревожно и опять не спится –
в такое время что за сон.
Глазам не доверяешь – птица
в рассветном небе или дрон.

Полночный дождь, в саду нашкодив,
сиреной вспугнутый, слинял,
и новый день прицел наводит
на безоружную меня.

Наивный, безоружный тоже,
не веруя, что обречён,
май защищается как может,
взрывая розы, дурачок. ■

Сколько далеких, волн
ствий начинались в лилой,
тетой выволакиваешь из
легкая, из текстолита. С
ратные, железные
замечательно придумал
ну можно повесить н
ru.freepik.com

ПРОЗА

Архив Анастасии Ломаевой

АНАСТАСИЯ ЛОМАЕВА

Родилась в селе Успенском Краснодарского края в 2004 году. Студентка 4-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в журнале «Родная Кубань». Живёт в Краснодаре.

ПАПА И Я

Мне кажется, что я сижу в шкафу уже целую вечность. Воздуха становится все меньше, ладони стали липкими, ноги затекли. Сидя на корточках, я тихонечко толкаю тяжелую дверь шкафа и выглядываю в комнату. Пусто... Только лампа, стоящая на рабочем столе, мягко освещает комнату. Ну где же он? Папа уже давным-давно громко досчитал до тридцати и пошел меня искать. Закрываю дверцу, прижимаю колени к груди и кладу на них подбородок.

В шкафу совсем темно. Чувствую сладкий аромат маминых платьев: от нее всегда пахнет клубникой и карамельками. Карамельки... Вздыхаю и хмурю брови. Ну сколько можно?! Где папа? Я уже устал. Может, он и вовсе про меня забыл? Прислушиваюсь. Шагов не слышно... Он не ищет меня? Вдруг начинает неприятно щекотать в носу. Ну уж нет, плакать я точно не буду. Сильнее прижимаю к себе колени и упираюсь головой в деревянную стенку шкафа. Чувствую, как начинает трястись подбородок, а к глазам подступают слезы.

– Ну чего ты нюни распустил? – рассердившись, шепчу сам себе. – Глупости! Папа точно меня ищет, я знаю. В конце-то концов всегда находил.

Прошло еще несколько минут, но мне кажется, что часа два, не меньше. Время тянется невыносимо долго. Мне уже совсем надоело сидеть в душной темноте. Обида разрастается по меньшей мере до размера вселенной, и я представляю, как сейчас гордо выйду из шкафа, плюхнусь на мягкий диван и молча уткнусь в какую-нибудь книгу. Пусть переживают, пусть не понимают, пусть...

– Вот ты где! – радостно кричит папа, от неожиданности я подскакиваю на месте. Он широко раскрыл дверцы шкафа и, раскинув в стороны руки, смотрит на меня.

– Мишка, ты чего?.. – заметив красные глаза, папа напрягается. – Сынок, ну же, все хорошо, я нашел тебя! Смотри, как ты хорошо спрятался!

Отец легко, словно я ничего не вешу, поднимает меня сильными руками над головой и начинает кружить. Папа, как художник, по кругу рисует мной волны в воздухе. Я сначала старался сохранить серьезное лицо и даже пытался вырваться из отцовских рук, ведь я так долго просидел в темном душном шкафу, но потом из меня вырывается слабый хохот и я сдаюсь, заливаясь пузырящимся смехом.

Тяжело дыша, папа сел на диван, все так же держа меня на руках. Я чувствовал, как внутри разливается теплый золотистый свет. Папа обнял меня, и я подумал, что самое безопасное место в мире – здесь, в папиных объятиях. Я готов хоть тысячу лет сидеть в шкафу, чтобы снова и снова чувствовать силу и тепло отцовских рук.

***

– Ну, взгляни ты на себя! Сколько раз говорила, чтоб не лез в драку, ну сколько раз? – кричала мама, пока я переминался с ноги на ногу в коридоре.

Мне было стыдно, щеки покраснели. Я повернул голову и увидел свое отражение в зеркале. Потом совершил большую ошибку: тихо засмеялся. В зеркале я увидел, как смешно у меня были взъерошены волосы, а на рубашке, там, где локоть, красовалась большая дырка. От собственного вида мне стало вдруг так забавно, что я не смог удержать смешок.

– Ты посмотри на него... – ахнула мама. – Смешно, Миша? Ваня, иди сюда, сил моих боль-

ше нет! – мама последний раз осмотрела меня с головы до ног, качнула головой, тяжело вздохнула, махнула рукой и ушла в комнату.

Я услышал, как приближается папа. Так, надо что-нибудь придумать... Ага, точно, буду долго снимать обувь, чтобы не поднимать глаза. Потом сделаю вид, что нужно срочно вымыть руки, и, опять же не глядя на отца, удалюсь в ванную.

– Посмотри на меня, – спокойный и ровный голос раздался у меня над головой.

Что ж такое... И что теперь? Вот Генка! А ведь все из-за его длинного языка. Длинного, наглого и невоспитанного. А я что? Я-то и плохого ничего не сделал!

– Я жду, – снова сказал отец.

Я делаю глубокий вдох, медленно поднимаю голову и, глядя куда-то мимо отца, говорю:

– Папа, это он первый начал! Генка мусорил в классе... – я запинаюсь. Терпеть не могу оправдываться. Мне не хочется рассказывать, что было потом, и я снова опускаю голову.

– Дальше.

– Учительница сделала ему замечание.

– И?

– Генка обозвал ее... Я попросил замолчать.

– А он?

– А он толкнул меня!

– А ты?

– А я толкнул в ответ и завязалась драка, – говорю я и наконец смотрю на отца.

Он вздыхает и трет рукой глаза. Я резко осознаю, что папа только недавно пришел с работы. Я вижу, как он устал. Понимаю, что ему, наверное, больше хотелось бы отдохнуть от трудного дня, а не в тысячный раз учить меня правилам поведения. Мне снова становится стыдно. Я вспоминаю все те разы, когда обещал родителям больше не драться. Каждый раз они мне верят, каждый раз я подвожу их вновь. Я начинаю злиться не на глупую физиономию Генки, а на самого себя. Смотрю на грязные руки, которые из раза в раз сжимаются в кулаки быстрее, чем я успеваю их остановить. Злюсь на них тоже. Я расстроил родителей.

– Сынок, послушай, – начал отец. – Ты сделал правильно, – я удивленно уставился на отца, не поверив своим ушам, – заступаться, защищать других – это хорошо, в этом ты прав. Но кулаки — не выход. Пойми, что настоящая сила не в ударе, а в том, чтобы суметь держать себя в руках, когда так и хочется кинуться в бой. Умный всегда пытается решить проблему словами, – папа подошел ближе и постучал пальцем мне по лбу, – кулаки – дело глупого и слабого.

Папа не злился и не кричал. Я не расслышал в голосе и разочарования. Отец похлопал меня рукой по плечу и добавил:

– Приведи себя в порядок и извинись перед мамой. Она волнуется. Не исключено, что придется постоять в углу...

Я молча кивнул и поплелся в ванную. Оттирая грязь с брюк, я четко осознал, что в этот раз не подведу. Папа не запретил мне драться, но дал кое-что другое, нечто более ценное – причину этого не делать. Я понял, что быть сильным – быть умнее своих кулаков. И этот урок стал куда полезнее любого подзатыльника.

***

– У тебя тут божья коровка, – говорю я, указывая на плечо отца.

Утро было похожим на выцветшую фотографию. Пейзаж был тусклым и, кажется, чуть более хрупким, чем вчера. Мы шли на рыбалку. Проснувшись, решили, что машина нам ни к чему и лучше будет прогуляться до реки пешком. Но уже на полпути мы знатно устали и решили утроить передышку, усевшись на поваленное дерево.

– И правда, – отец разглядывает букашку, а потом с хитрой улыбкой смотрит на меня, словно ждет, что я скажу что-то еще.

– Чего? – не понимаю я.

– Божья коровка, улети на небо. Там твои детки... – начинает напевать отец, слабо покачиваясь из стороны в сторону.

– Ну па-а-п, я уже не ребенок, – стону я.

Ну какая «улети на небо»? Я вот-вот сдам последний экзамен, скоро получу водительские

права, через пару месяцев я уезжаю в другой город на учебу в университете. Да-да, я понимаю, что для родителей мы всегда дети и все в таком духе... Но я уже не маленький мальчик. Я даже немного обиделся.

– Ладно-ладно, молчу, сынок, прости... — улыбка сходит с папиного лица, он бережно берет божью коровку в руки и молча рассматривает.

Насекомое ползает по папиным пальцам, и я вдруг обращаю внимание на то, чего раньше не замечал. Руки отца все еще сильные, но уже не похожи на те, что с легкостью кружили меня в воздухе, когда я был совсем маленький. Кое-где уже виднеются морщины, костяшки на пальцах просвечиваются через тонкую кожу. Когда папа успел так похудеть? Когда несколько седых волосков расползлись по всей голове отца? Папа всегда был для меня нерушимой скалой. Только вот я не заметил, как ее края сгладило время, а болезни и усталость дали сотню трещинок. Даже гранит не вечен.

Божья коровка улетает, и мы оба наблюдаем, как из ярко-красного пятнышка в горошек она превращается в маленькую точку, а потом и вовсе исчезает. Отец хлопает ладонями по коленям и поднимается. Я встаю тоже. Мне отчего-то стало страшно тоскливо. Я чувствую себя так, будто открыл какую-то папину тайну, узнал то, чего не должен был знать. Мы молча идем к реке. Я слышу, как отец тяжело дышит и понимаю, что ему тяжело.

– Дай мне, – говорю я папе, показывая на рюкзак на его спине, – я донесу.

– Ничего, сынок, я сам, – отец неловко улыбается и продолжает идти.

– Папа, я донесу, – твердо говорю я.

Отец вздыхает и хмуро смотрит на меня. Я не отвожу от него взгляд, и папа сдается. Он снимает рюкзак, и мы, не сказав ни слова, идем дальше.

Мое сердце наполнилось пронзительной, тихой грустью. Отец наверняка обо всем догадался. В его взгляде была капля смущения, будто он извинялся за то, что уже не так силен. Мой мир, который казался таким устойчивым, вдруг пошатнулся.

***

Родители должны были вот-вот приехать. Я помыл посуду, которой, сказать честно, накопилось много, прошелся шваброй по полу. Тряпки у меня не было, поэтому я нацепил на деревянный скелет свою старую футболку. На стол я положил внушительный томик Толстого. Для солидности.

Я ходил туда-сюда по комнате, как перед важным экзаменом в университете. Только в этот раз преподавателем была мама, а дисциплина — «основы чистоты и порядка в доме».

В дверь постучали, и я кинулся открывать.

– Сынок, здравствуй! – обнимала меня мама, будто мы не виделись по меньшей мере года два, а не месяц. Я крепко заключил ее в объятия в ответ, чувствуя такой родной сладкий запах клубники и карамелек.

Отец стоял чуть позади и с огромным теплом и любовью смотрел на нас. Я заметил, что он стал будто немножко ниже. Или это я так вырос?

– Папа, привет!

Отец широко улыбнулся и протянул мне руку. Я сначала крепко пожал ее, а потом притянул отца к себе и тоже обнял. От него пахло сигаретами.

Уже вечер. Мама легла спать, а отец чем-то тихо занимался на кухне. Я осторожно выглянул из-за угла. Папа сидел на табуретке, которая по сравнению с ним казалась совсем крошечной. Интересно, ему удобно? Он копошился в моем свитере. Я сначала нахмурился, но потом понял, что папа аккуратно очищает свитер от шерсти Пушка, моего кота. Я вздохнул и подошел к отцу.

– Пап, не надо, ерунда. Чего ты сидишь тут, согнувшись в три погибели?

– Некрасиво, сынок, у тебя же гости бывают, а ты в кошачьей шерсти... Не дело, – не отрываясь, ответил отец.

– Какие еще гости, пап? Опять вы с мамой придумываете, – смутился я.

Папа отвлекся от свитера и посмотрел на меня так, как смотрел в детстве, когда я стащил коробку конфет и отчаянно пытался это скрыть. Его взгляд словно говорил: «Не лукавь, я все по-

нимаю». Потом папа посмотрел в угол кухни, на маленькую деревянную полочку на стене. Ой...

Полы протер, посуду вымыл, белье постирал, а убрать Катину заколку забыл. Она лежала там, в углу, предательски поблескивала.

Я покраснел, как школьник, которого поймали с сигаретой. Папа посмотрел на меня с щемящей нежностью. Он снова понял все без слов и объяснений. Понял, что мальчик, который раньше прятался от него в шкафу, теперь живет отдельной жизнью, в которой есть свои гости и свои неловкие заколки на деревянной полочке.

— Все-то ты замечаешь, — нервно сказал я, ковыряя пальцами край скатерти.

Папа снова улыбнулся и вернулся к своему занятию.

– Вот, держи, – через какое-то время протянул мне кофту папа, – теперь порядок.

Взяв в руки свитер, который был теплым от отцовских рук, я глупо улыбнулся и тихо засмеялся. Папа хотел, чтобы у меня было все «красиво» для той, кому принадлежит заколка. Отец не стал подшучивать надо мной, расспрашивать о Кате. Его отцовская забота заключалась в тихих действиях, в безмолвном устранении всего того, что, как ему казалось, могло помешать моему счастью.

– Ее зовут Катя, – начал я и рассказал папе все, о чем он и сам уже догадался.

***

– Ну, где она?

Папа стоял на пороге и был очень похож на ребенка, которому вот-вот подарят долгожданный подарок. В отцовских руках был огромный, метра полтора в высоту, плюшевый медведь. Мы с Катей переглянулись и расплылись в улыбках.

Мама вошла вслед за отцом и, заметив, как мы наблюдаем за папой, шепнула ему на ухо:

– Говорила же! Надо было что-то практичное купить, там столько погремушек, куколок было...

– Все хорошо, мам, – поспешно успокоил я ее, – погремушек у нас полно, а такого медведя нет. Спасибо вам, это отличный подарок, Анюте точно понравится!

Отец посмотрел на маму, словно говоря: «Вот видишь», – и благодарно кивнул мне, а я подмигнул ему в ответ.

– Тут мы, тут, – сказала Катя и рукой позвала родителей подойти поближе.

Родители поспешили к нежно-розовой люльке. Мне было забавно наблюдать за их нетерпением и легкой неуверенностью. Такие смешные, совсем как дети.

– Ах, малюточка ты наша! – пропела мама, рассматривая внучку. – Здравствуй, Анечка, здравствуй, милая...

Отец застыл в двух шагах и с совершенной нежностью наблюдал за мамой. Ее глаза быстро наполнились жемчужными слезами, но лицо сияло так, что казалось в комнате стало светлее. Мама сложила на груди руки и глубоко вздыхала, умиляясь внучке. Я и сам расчувствовался при виде родителей. С появлением Ани меня вообще, честно сказать, многое трогает. Даже неловко как-то.

– Подойди, Вань, – заметив застывшего отца, мягко позвала его мама.

Папа осторожно подошел к люльке и едва слышно ахнул.

– Совсем кроха, – прошептал он.

Я заметил, как трясутся его руки и понял, насколько для него это волнительный момент. Мама мягко взяла отца за запястье и аккуратно направила его к малюсенькой ручке внучки.

– Осторожно, вот так...

Шершавый, загрубевший от долгой работы, с глубокими морщинками палец отца и бархатная хрупкая ладошка Анюты встретились. Отец снова кротко ахнул, а мама положила седую голову ему на плечо.

Момент казался настолько волшебным, что я боялся произнести и слово. Я молча наблюдал за родителями. В их глазах я видел абсолютное счастье. Я понимал, что это не просто встреча дедушки и бабушки с внучкой, это нечто большее. То, ради чего они трудились, переживали труд-

ности, оставались верными друг другу, привело их сюда, к этой нежно-розовой люльке, к этому новому смыслу.

В момент всепоглощающего счастья мне хотелось громко плакать от осознания этой прочной, вечной любви, имя которой – семья.

***

– Еще одну. Давай, последнюю, – тяну я ложку с кашей к его рту.

В доме свежо и пахнет ромашками, которые принесли мы с Катей. Мама суетится на кухне, попутно рассказывая что-то Анюте. Я не знаю, о чем они болтают, но дочкин звонкий смех разливается по всему дому, и я понимаю, что им там вдвоем хорошо.

– Вот так, молодец, – я ставлю тарелку на прикроватный столик и поправляю под отцом подушки, чтобы он смог лечь.

Потом я сажусь рядом, уже зная, что будет дальше. Отец растерянно смотрит на нас с Катей, пытается что-то сказать, но будто боится. Я думал, что привык, но сердце продолжает всякий раз сжиматься до боли в груди при виде такого беззащитного, слабого папы. В его глазах плавали вселенский испуг и тотальная потерянность.

– Извините... – наконец заговорил он хриплым голосом, и я слабо улыбнулся. – Скажите, как вас зовут?

Каждый раз он задает один и тот же вопрос. Можно ли к этому привыкнуть? Можно ли свыкнуться с тем, что отец меня не помнит? В первые разы было катастрофически тяжело. Я уходил в ванную и, задыхаясь, тихо плакал, пока мама не начинала тихонечко стучать в дверь. «Все будет хорошо», – говорила она мне, но это «хорошо» все никак не случалось. Я чувствовал себя по-настоящему одиноким. Я узнал, что можно тосковать не только по прошлому, но и по настоящему. По настоящему, которое украла болезнь.

Я смотрю на Катю и вижу, как в ее грустных глазах начинают блестеть слезы.

– Простите, я сейчас вернусь, – тихо бормочет она и выходит из комнаты так, чтобы отец не видел ее лица.

Кате тоже тяжело. Она очень привязалась к отцу. Ее боль – это не просто боль наблюдателя. Папа стал и ее отцом тоже. Ее слезы льются за нас двоих, она выплакивает и свою, и мою боль.

– Меня зовут Миша, – говорю я спокойно, зная, что через пару дней скажу это снова.

В комнату забегает Анюта и ловко запрыгивает ко мне на руки. Я глажу ее по голове, а она, стесняясь, смотрит на дедушку.

– Это дочка ваша, да? – оживляется отец. Несмотря на то, что Аню папа тоже не помнит, он каждый раз смотрит на нее теми же глазами, как тогда, при первой их встрече.

– Да. Моя Анюта, — отвечаю я и целую дочку в макушку. Она хихикает и утыкается головой мне в шею.

– У меня тоже сын есть! Замечательный мальчишка, но хулиган он у меня, драться любит...

Папа указывает худой трясущейся рукой на фотографию, которая уже много лет стоит на столике рядом с кроватью. На фото – маленький я и отец.

– Знаю, – только и отвечаю я, с трудом проглатывая подкативший к горлу ком. ■

Архив Виктора Озерского

ВИКТОР ОЗЕРСКИЙ

Родился в 1956 году на Кубани.
В 1978-м окончил филфак КубГУ.
С середины 80-х начал печататься
в местных и региональных СМИ.
Автор книг «Правители России
от Рюрика до Путина», «Статс-секретарь
Н. В. Гулькевич», «Перед концом света».
Лауреат литературных конкурсов.
Живёт в городе Гулькевичи.

МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ ТКАЧЁВА

Историческая повесть
(продолжение)

7. РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Мучительным испытанием явился для Нади развод с мужем. Вскоре после отъезда из Кинакир, чтобы не родить от него ребенка, она пошла на преступление – сделала искусственный выкидыш.

Если дело доходило до суда, по российскому законодательству врачам за аборты предусматривались серьезные наказания – вплоть до каторги, а сами женщины освобождались от ответственности лишь в крайних случаях, когда имелись доказательства, что произошло это против их воли.

При здравом рассудке Надя никогда бы не решилась на этот шаг, но она была влюблена, и хотя загадывать, как сложится дальнейшая жизнь, боялась, ничего не желала привносить в нее из прошлого.

Яновский развода не хотел. Он по-прежнему кутил, разбрасывался деньгами, зачастую был душой компаний, где, пока не напивался вдрызг, поносил сбежавшую от него жену разухабистой бранью.

К счастью, сотник ничего не знал о беременности и тайной связи Нади с Ткачевым. Однако, чтобы добиться долгожданного развода, ей все равно пришлось признаться в измене и взять всю вину на себя.

В Тифлисе она пыталась зарабатывать репетиторством. Отголоски семейной драмы, естественно, докатились и туда. Слухи обрастали неприличными сплетнями, отчего общие их с Яновским знакомые стали ее сторониться. Считающие себя благопристойными горожане начали отказываться от услуг. Мать настоятельно требовала, чтобы Надя повинилась и вернулась назад к мужу. Не переставала колоть дочь упреками и после развода. Из этого кошмара помогла выбраться недавно овдовевшая сочинская тетка, которая позвала пожить у нее.

После ссоры с отцом Вячеслав решил ехать в Сочи. Василий вызвался проводить брата до Усть-Лабинской.

На следующее утро, чтобы меньше трястись по жаре, отправились затемно в экипаже с фордеком. Пока не рассвело, сидели молча; куняли, досматривая прерванные в связи с ранним отъездом сны, и синхронно покачивали головами в такт каждой колдобине. Кучер лошадей не гнал. Они бежали мелко-дробной рысью, изредка переводя дух шагом.

Едва солнце стало пригревать, остановились возле какого-то ручья, освежились, наскоро перекусили, подняли фордек и, взбодренные, отправились дальше.

– Ну, ты, брат, и заварил кашу, – начал разговор Василий. – Что собираешься делать дальше?

– Пока даже не представляю.

Старший брат достал из портсигара «Асмоловскую» папиросу, предложил Вячеславу, но тот отказался.

– Зря! Сам государь их предпочитает, только, правда, удлиненные, с золотым ободком.

После глубокой затяжки Василий, округлив губы, короткими прерывистыми толчками выпускал колечками дым изо рта. Это означало, что он о чем-то задумался. Не желая мешать ему, Вячеслав, откинувшись на спинку сиденья, стал прислушиваться к утренней перекличке перепелок в прилегающем к тракту просяном поле.

– Эх, ружье бы сейчас и на охоту!

Но Василий, даже не успев докурить папиросу, пресек его фантазии в самом зародыше.

– Знаешь, Слава, ты должен принять решение: оставить службу или расстаться с Надей! – заговорил старший брат голосом, не терпящим возражений. – Вспомни про случай с поручиком лейб-гвардии Преображенского полка Казакевичем, который вступил в брак с разведенной женщиной (кстати сказать, дочерью генерал-лейтенанта). Сам Казакевич ходил в любимцах у великого князя Константина, командовавшего этим полком. Но вопросы пристойности и офицерской чести оказались выше сложившихся обстоятельств, и поручика уволили в запас.

– Как же, как же! Помню! – вдруг оживился Вячеслав. – Только через несколько лет он восстановился и отличил-

ся в русско-японской. Представляешь, за два года – шесть орденов: три – Анны, два – Станислава, один – Владимира. И его снова зачислили в лейб-гвардию.

Когда Вячеслав отвечал брату, глаза его заблестели, словно ему открылась какая-то тайна, которую никак не мог разгадать прежде. Конечно же, он сможет доказать отцу, чтобы тот им гордился! Теперь это стало его тайной, но обо всем пока молчок.

– Вот ты, Вася, радеешь за порядочность и офицерскую честь. И я с тобой согласен, – медленно, словно подбирая каждое слово, а на самом деле, пытаясь скрыть нахлынувшие мысли, заговорил Вячеслав. – Да, у нас сейчас считается непристойным заключать брак с женщиной, пострадавшей от побоев мужа и сбежавшей от него. Но судьи кто? А посылать денщиков для поставки себе живого товара или быть завсегдатаем борделей – это пристойно? Ты же знаешь, наши отцы-командиры смотрят на подобные проделки сквозь пальцы и при хорошем исполнении службы внесут тебе в аттестационный список отметку: «В нравственном отношении – отличный». Не спорю с тобой, кашу я заварил, но пока ее расхлебывает только Надя.

Кучер чуть придержал лошадей, чтобы удачно разминуться со встречным транспортом. Мимо них проскрежетала груженная соломой двухколесная арба, которую тащили два огромных буйвола. Этот противно-скрипящий звук вдруг возродил у Вячеслава его детские восприятия, и он сказал брату:

– Отец когда-то просветил меня: черкесы не смазывают колеса, чтобы далеко было слышно – мол, едут честные люди, не разбойники.

– Ты вчера обиделся на отца? – вернул разговор в прежнее русло Василий.

– Нет, на его месте я поступил бы также. Но, к сожалению, обстоятельства бывают сильнее нас.

– А тот Яновский – человек азартный?

– Еще какой!

– Ну тогда выиграй ее в карты, – хитро прищурившись и улыбаясь в усы, посоветовал Василий.

– Что?!!

– Прости, пошутил... Однако в жизни подобное случалось! Помнишь пикантное происшествие с князем Голицыным и графом Разумовским?

– Нет.

– Помилуй бог! Этот известнейший случай оброс анекдотами. Даже Лермонтов на его основе поэму написал. Там еще есть такие слова, которые барышни обычно в свои альбомы записывают:

Язык любви, язык чудесный,
Одной лишь юности известный,
Тому, кто раз хоть был любим,
Не стал ты языком чужим...

– Читал я сию поэму! – стал раздражаться Вячеслав. – Да ведь она, скорей всего, авторский вымысел, шутка гения!

– Ладно, ладно, не кипятись, – Василий успокаивающе похлопал брата по плечу. – А история такова. Князь Голицын, богатейший человек, слыл транжирой и заядлым игроком. Свою жену Марию Вяземскую часто баловал роскошными нарядами, богатыми украшениями, но в отношениях с ней был грубым и жестоким.

На одном из московских балов она покорила Разумовского своей красотой, и тот влюбился в нее. Женщина ответила взаимностью. Чтобы соединиться с ней, граф придумал хитроумный план. Выбрав подходящий момент, предложил Голицыну сыграть пару партий. Азартный князь согласился. Игра затянулась на всю ночь. К концу дело дошло до того, что Голицыну нечего было ставить на кон. Граф предложил ему пойти ва-банк: поставить на кон жену, чтобы попытаться вернуть свое состояние.

Будто решив дождаться, пока закончится игра, старший брат достал портсигар. Теперь они закурили оба. Сделав несколько глубоких затяжек, Василий подвел итог карточной баталии:

– Из выигранного Разумовский не взял ни рубля, но в ту же ночь увез княгиню с собой. Затем добился, чтобы Святейший Синод осудил действия Голицына и одобрил развод, а с Марией Гавриловной они прожили счастливо до самой его смерти.

У Вячеслава папироса едва тлела. Он вытащил ее изо рта и грустно усмехнулся:

– Да, карточные долги – дело чести. Но поздно ты мне все это рассказываешь. Выигрывать не у кого. Развод уже состоялся, и Надю объявили виноватой...

– Тогда и нечего огород городить! – не дал ему договорить Василий. – Переводись в другую часть! Давай ко мне в

Одессу! Забирай с собой Надю и живи с ней в свое удовольствие. А дальше – как Бог даст.

На том и порешили. Правда, приказа от военного министра Сухомлинова для занятия должности офицера-воспитателя в Одесском кадетском корпусе Ткачеву пришлось ждать ровно год.

Начало совместной жизни незаконнорожденная семья провела в романтическом путешествии. Четверо суток добирались из Батума на «Принцессе Ольденбургской» в каюте второго класса. Их венчание ознаменовалось не звоном церковных колоколов, а размеренным шумом корабельных турбин под ярко-звездным черноморским небом с завораживающей красотой Млечного пути: «Пх-бум-шкряб-шкряб-трхр-пх-бум-шкряб...»

Поздним вечером первого дня плавания они, утомленные страстью после нескольких часов уединения, наконец, выбрались из душной каюты на палубу, чтобы подышать свежим морским воздухом.

– Вон, с неба звездочка упала! – неожиданно воскликнул Вячеслав, протягивая вперед руку. – А ты желанье загадала?

– Да-а-а...

– Вон, смотри, смотри, смотри! Не одна, а целых три!

– Где? Где? – Надя в поиске запрокинула голову. Лицо ее, нежное и милое, лучилось пьянящим восторгом, отчего он, забыв про звезды, обхватил женщину за плечи, прижал к груди и впился поцелуем в губы, жадно собирая языком пленительный нектар с возлюбленной.

Как все было желанно и необычно! «Пх-бум-шкряб...» – монотонно из трюмов пыхтела паровая машина, но молодые люди ее не слышали. Какое это счастье – не искать урывками тайных встреч, не прятаться от посторонних глаз, открыто, когда заблагорассудится, прогуливаться по палубе и просто быть вместе...

Августовская Одесса встретила их полуденным пеклом и солоноватой пылью. По этическому протоколу Вячеслав не стал поселяться в предназначенной ему офицерской гостинице, которая находилась в одном из зданий кадетского корпуса на пересечении улицы Канатной и Сабанского переулка. Василий в это время догуливал отпуск у родителей, поэтому заранее договорился для брата насчет квартиры на Молдаванке. Далековато от службы, но в выборе места были и свои преимущества.

Через подворотню старого двухэтажного дома, где проживало до десятка семей, молодые люди вошли в грязный с покосившимися сараюшками дворик, занавешенный сохнувшим бельем. Их встретила дородная словоохотливая женщина Марфа Гавриловна, вдова корабельного боцмана, и провела в крохотную коморку, в которую с трудом втиснули видавшую виды двуспальную кровать. Напротив – морской рундук, видимо, оставшийся от покойного мужа. У окна – стол с графином да два стула. Единственная роскошь – массивное круглое зеркало в дубовой оправе, которое висело над рундуком и игриво отражало супружеское ложе.

– Шо вы словно кислицы объелись! – пресекла женщина на корню возможные претензии, прочитав по лицу Нади ее первые впечатления от увиденного. – Я вас умоляю, мои хоромы не фонтан, зато устроенные с любовью и за недорогую плату. Нигде такой не найдете! А еще я торгую на рынке, поэтому всегда у вас будут, если пожелаете, свежие фрукты, овощи и вкусная вода.

– Не волнуйтесь, Марфа Гавриловна, все хорошо! – успокоил хозяйку квартиры Вячеслав и для пущей верности обратился к жене. – Правда, Надин? Мы остаемся?

Ответом от нее явилась учтивая улыбка, которую Марфа Гавриловна поймала в зеркале на стене, поэтому сама сказала за скромно молчавшую Надю:

– Значит, договорились! А хорошую водичку, прямо с фонтанов, я вам заранее приготовила. Вон на столе в графине.

Вскоре Вячеслав и Надежда с благодарностью оценили заботливость хозяйки. Вода в городе действительно была плохая, с солоновато-отвратительным привкусом, а нормальную доставляли на рынок из артезианских скважин (фонтанов). Оценили прямоту и бесхитростность Марфы Гавриловны, когда поняли, почему она, показывая квартиру, назвала ее «не фонтаном». Ведь по-одесски «не фонтан» означает что-то не совсем качественное. Но в те благословенные дни новоиспеченным супругам и шалаш показался бы раем.

Вдобавок, как выяснилось позже, главным достоинством выбранного места явилась его близость к Стрельбищному полю, где находились ангары городского аэроклуба.

8. ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИСТАНЦИИ

Пока Ткачев целыми днями пропадал на службе, Надя не теряла времени попусту. Она стала давать частные уроки двум темноглазым близняшкам из купеческой семьи среднего достатка, проживавшей на Торговой улице недалеко от магазина Канторовича, куда частенько захаживала в поиске книжных новинок. Там-то в один из сентябрьских дней и произошло ее знакомство с пышной толстогубой еврейкой.

Покупая географические карты, практичная женщина заодно присмотрела репетитора для своих дочерей. Цепкий природный ум подсказал ей, что глупые необразованные люди в книжном магазине не задерживаются, а эта скромная, с утонченными чертами блондинка вряд ли будет торговаться за лишнюю копейку.

– Я гляжу, вы дамочка интеллигентная, – бесцеремонным взглядом, словно проверяя на наличие каких-либо дефектов, купчиха ощупала Надю и, убедившись в отсутствии изъянов, предложила за недорогую плату позаниматься грамматикой, арифметикой и географией с ее замечательными девочками.

Близняшкам повезло: их домашняя наставница выгодно отличалась от строгих гимназических преподавателей и занудливых, застегнутых на все пуговицы классных дам. Когда-то в детстве, после увлекательных рассказов петербургского кузена о «майских жуках» (питомцах Карла Мая), она сама мечтала о такой школе, где царило бы правило «Сперва люби, потом учи» и можно поговорить с учителем «по душам», поделиться тайной, где не было бы муштры и бессмысленной зубрежки.

– Ой, девочки, я так переживаю, что мой муж мог опоздать сегодня на службу, – вместо устного счета такими словами начала Надя первое занятие по арифметике. – Обычно он выходит из дому в шесть утра, чтобы успеть добраться до Саранских казарм к семи, но сегодня на целых двадцать минут задержался, а расстояние аж две версты.

Среди какофонии звуков, раздававшихся за окном комнаты, где проходило занятие, наиболее четко проступало цоканье копыт по брусчатке, дребезжанье пролеток, громыханье конок, отчего сердобольная Роза быстро сориентировалась, чем можно успокоить наставницу:

– Не волнуйтесь, Надежда Алексеевна, он и глазом не успеет моргнуть, как извозчик доставит его к месту.

– Дело в том, Розочка, что Вячеслав Матвеевич, принципиально по утрам не признает извозчиков и предпочитает, как он говорит, пеший марш со скоростью шесть километров в час, – ответила Надя и, чтобы преждевременно не выдавать своей задумки, озадаченным взглядом встретилась с глазами девочки и для пущего туману поинтересовалась. – А представляешь, что могут перед уроками натворить кадеты, если не будет с ними воспитателя?

После ее последних слов у впечатлительной Розы зачесался затылок. И пока она соображала, как ответить, ей на помощь пришла скромно молчавшая прежде сестра:

– Все будет хорошо, Надежда Алексеевна! Он успеет вовремя к своим кадетам.

– Почему ты так решила, Симочка?

– Если его маршевая скорость шесть километров в час, то две версты (а мы знаем: одна верста равна одному километру шестидесяти семи метрам) он пройдет менее чем за полчаса, и у него в запасе остается еще больше десяти минут, – ответила рассудительная девочка.

– Вот видите, видите! Я же говорила – не стоит волноваться! – услышав слова сестры, воскликнула Роза и захлопала в ладоши. Глаза ее сияли. В этот миг, казалось, она была готова выпорхнуть со стула, чтобы обнять и на радостях расцеловать Надежду Алексеевну.

Вячеслав с такой методикой обучения не соглашался. С кадетских лет привыкший к воинской дисциплине, он считал, что воспитанников нужно держать на дистанции и не следует делиться с ними событиями из частной жизни.

– Тебе нельзя с девочками много сюсюкаться, а то вырастут неприспособленными к жизни жеманными кокотками, – заявил Ткачев, когда с женой на закате того дня прогуливался по Стрельбищному полю.

– Может, ты, Славик, и прав по отношению к мальчикам, но поверь – у девочек другая конституция, – мягко возразила Надя. – Вот мы гимназистками повально влюблялись только в тех преподавателей, от которых исходила теплота, а не «дистанция», как ты говоришь. Старались знаки внимания им оказать. Тайно отправляли записочки. К праздникам подарки делали – носовые платочки вышивали. Разве это плохо?

– Ну-ну, попробуй, моя дорогая, «понянчись» ради забавы. Посмотрим, что из этого получится, – не желая продолжать спор, ответил Ткачев и, убаюкав жену миролюбием, неожиданно подхватил за подмышки, закружил вокруг

себя, с восхищением наблюдая, как ее кудри, растрепавшись, золотились в лучах заката.

– Славик!.. Сумасшедший!.. Прекрати!.. Люди увидят!.. – радостно смеясь, умоляла Надя и заряжала его новой силой, отчего он с еще большим рвением продолжал кружить, да так, что под ногами среди тронутого осенью блеклого разнотравья, словно брызнувшие искорки из ее глаз, мелькали и мелькали небесно-голубые звездочки цикория.

– Глупенькая!.. Кто ж нас увидит!.. В чистом поле!.. – прерывистым то ли от смеха, то ли от физической нагрузки голосом проговорил Ткачев и вдруг среди звенящей предвечерней тишины он услышал посторонний шум, который с каждым мгновеньем усиливался все больше и больше, как будто где-то поблизости шмель колдовал над цветами.

Вячеслав, увлеченный кружением, сперва не обратил внимания на странные звуки, пока не увидел жужжащий высоко в небе предмет. Это был аэроплан, желтый, ребристый, с многочисленными перетяжками тросов между верхними и нижними крыльями. Такой они с Надей имели несчастье лицезреть несколько дней назад на ипподроме, где знаменитый одесский спортсмен – победитель множества авто и велогонок Сергей Уточкин на собственном «Фармане» собирался продемонстрировать «vol plane» – планирующий полет с высоты ста метров.

Его аэроплан, похожий на курятник или на поваленную этажерку, стоял чуть сбоку от заполненных до отказа трибун. Зрители разразились криками «Гип-гип-ура!» и шквалом аплодисментов, когда их любимец, рыжеволосый, приземистый крепыш в черной куртке, желтых крагах и такого же цвета ботинках на толстой подошве фасона «Вэра» пробирался между тросами по обтянутым полотном нижним рейкам «этажерки» к своему креслу. Поддавшись настроению толпы, Ткачев с Надей вскочили с мест и стоя рукоплескали спортсмену.

Решетчатое деревянное сиденье летчика свисало над землей, так как размещалось перед каркасом, на котором крепились крылья. Уточкин сел в кресло, водрузил на голову черный кожаный шлем и стал проверять действия рычагов управления. В это время за его спиной моторист не без труда накручивал пропеллер.

Трибуны смолкли в ожидании представления.

Наконец послышалось долгожданное «пшик». Двигатель чуфыркнул, заурчал, но тут же треск прекратился. Мотористу снова пришлось прилагать усилия для раскачки лопасти, пока та не завертелась и не превратилась в крутящийся диск.

«Фарман» тронулся с места: прихрамывая на кочках, пробежался мимо трибун и под свист и улюлюканье зрителей отделился от земли метра на два-три. Однако на большее его не хватило.

Неожиданно над ухом Ткачева раздался ободряющий возглас: «Держи фасон, Рыжий!» В этот момент летчик, словно вняв крику, рванул руль высоты на себя, отчего его «курятник» резко задрал нос, зацепив хвостом землю, потерял управление, а через несколько секунд, к величайшему разочарованию публики, неуклюже плюхнулся на поле и перестал кудахтать.

К счастью, пилот оказался невредим. Пострадал лишь хвост аэроплана, да треснуло ребро его нижней плоскости.

– Славик, ты такой грустный, поникший, будто сам потерпел фиаско, – сказала Надя, когда они покидали ипподром. Несмотря на то, что он держал ее под руку, она как поводырь вела его, ловко лавируя среди толпы.

– Да-да... – ответил Ткачев. Слова жены возвращали его в реальность. Затуманенный взгляд вновь начал обретать остроту. – Последние годы, ты же знаешь, Динуля, я жил мыслями о небе, спал и видел, как на аэроплане корректирую стрельбу артиллерии, провожу разведку неприятельских позиций. Когда ты была далеко от меня, мечтал, как смогу быстро прилететь, чтобы с тобой встретиться.

Теперь ты рядом, и я думаю: стоит ли ради сомнительной авантюры поломать ноги или свернуть шею?!

– Хитрю-ю-щий! Видно, кошки на душе скребут, а сам все прикрыл комплиментом, – улыбнулась в ответ Надя и, задрав свой симпатичный подбородочек, постаралась встретиться взглядом с глазами Ткачева, хотя ей и так было ясно, что он никогда не отступится от задуманной цели.

Таким же все понимающим нежным взглядом она обогрела на Стрельбищном поле Вячеслава, когда тот, перестав с ней кружиться, показал рукой на небо и с восторгом произнес:

– Видишь, Динуль, аппарат вроде Уточкиной этажерки, а что вытворяет!

Зрелище действительно было потрясающим! Аэроплан, позолоченный лучами заходящего солнца, под звук,

напоминавший рокот автомобиля, грациозно парил в синеве, чуть подернутой молочной дымкой.

Неожиданно гул стих, и самолет с выключенным мотором начал выполнять вираж по нисходящей траектории: то плавно опускаясь, то вновь чуть взлетая, словно раскачивался на волнах, пока не коснулся земли возле каких-то ангаров в дальнем конце огромного поля.

– Вот, Диночка, что значит настоящий «vol plane», – воскликнул Ткачев. Душа его ликовала. Тело просило разрядки, и, чтобы выплеснуть куда-то избыток энергии, он подхватил жену на руки и снова начал кружиться с умопомрачительной скоростью, в вихре которой мелькали лишь млечно-голубое небо над головой да лазурные огоньки под ногами.

– Взрослый мужчина. Офицер-воспитатель. Казачий сотник. А ведешь себя как озорной мальчишка, вырвавшийся из-под присмотра родителей, – смеясь, проговорила Надя, когда они, повалившись навзничь, лежали на блеклой траве среди зарослей цикория. – Однако ж нам пора возвращаться.

Она поднялась первой, отряхнулась от прилипших к платью сорняков, сорвала три жестких прутика с нанизанными на стержни цветами и протянула их блаженно распластавшемуся на земле мужу.

– Это тебе, Славочка!

– Ну зачем? – мгновенно, словно укушенный, подскочив на ноги, недовольно отреагировал Ткачев. – Прости, не сообразил сразу. Это я должен был подарить тебе цветы.

– Бери! Бери! Сегодня твой праздник, – со смехом в голосе ответила Надя и, встав на цыпочки, чмокнула мужа в щеку.

– Какой еще праздник? Что ты выдумываешь, дорогая? – продолжал ворчать он, но подарок принял.

– Праздник приближения мечты.

– А я тут при чем?

– При всем при том, при всем при том, – пропела она, игриво покачивая головой. – Я ж по твоим глазам вижу. Кстати, из-за способности цикория расти в самых неприхотливых условиях, цветы его символизируют поддержку и восхищение стойкостью в намеченном пути. Так что мой тебе подарок со смыслом.

За горизонтом исчез край диска, расплескав оранжево-пламенные краски над ангарами. Приближались сумерки. Сюда, чтобы полюбоваться пируэтами биплана, Ткачев с Надей будут возвращаться еще несколько раз, пока не переедут на новую квартиру в центр города. Об этом в очередной раз позаботился Василий, который убедил брата, что корпусное начальство к гражданским бракам относится лояльно и данному факту имеются прецеденты.

Молодой семье выделили гостиницу в специальном городке кадетского корпуса рядом со службой. Офицер-воспитатель с головой окунулся в повседневный быт своих подопечных и, казалось, напрочь отбросил мысли об авиации. Однако летом во время лагерных сборов, просматривая заметки в газете, нечаянно натолкнулся на объявление: «В одесском аэроклубе открывается пилотская школа, куда офицеры местного гарнизона принимаются бесплатно».

Занятия начались 1 августа 1911 года. К тому времени специальной формы для летчиков еще не существовало. Офицеры обучались и совершали полеты в обмундировании тех частей, где служили. Особенно экзотично смотрелся в овчинной папахе с шашкой и кинжалом сотник Пятой кубанской батареи, временно прикомандированный к одесскому кадетскому корпусу, облаченный в черно-красный бешмет и черную черкеску. Правда, когда выполнялась практическая часть, он перед полетами снимал шашку и кинжал, чтобы те не мешали в управлении бипланом.

В сентябре-октябре занятия в летной школе надо было совмещать со служебными обязанностями в кадетском корпусе, в связи с чем дистанцию от Сабанских казарм до аэродрома длиной около трех километров приходилось преодолевать по два раза в день.

Директор корпуса генерал Радкевич с пониманием отнесся к желанию Ткачева стать летчиком, но при условии, чтобы это не навредило учебно-воспитательному процессу. Поэтому сотник ежедневно с восьми до восемнадцати обязан был находиться в классе: помогать и контролировать обучение закрепленной за ним ротой кадет. А в утренние и вечерние часы мог усиленно готовиться к предстоящим летным испытаниям, которые успешно выдержал второго ноября.

Согласно требованиям международной авиационной федерации пилоту необходимо было описать десять восьмерок вокруг двух пилонов, находившихся в пятистах метрах друг от друга, и совершить спуск с выключенным мотором к заранее намеченной точке.

– Вячеслав Матвеевич, делайте решительно все, что вы умеете: виражи, планирование... – напутствовал Ткачева перед вылетом инструктор Хиони. – Покажите гостям, каких летчиков выпускает наша школа.

– Постараюсь не подвести вас, Василий Николаевич, – занятый своими мыслями, скромно отреагировал Ткачев.

Сняв папаху, шашку, кинжал, он заправил полы своей парадной черкески за пояс, надел кожаный шлем и устремился к биплану.

После взлета его «Фарман» исполнил несколько широких кругов перед комиссией, описал, как требовалось, восьмерки над пилонами и вскоре скрылся с глаз зрителей в направлении моря.

Пролетая над Сабанскими казармами, Ткачев помахал крыльями занимавшимся на плацу своим кадетам, которые, сняв фуражки, восторженными криками «Ура» поприветствовали его снизу.

– Узнали, дьяволята! – довольный произведенным эффектом, подумал Вячеслав Матвеевич. – Жаль только, Дина не видит. Ну да ладно, зато подарю ей задачку в копилку для устного счета. Расстояние от аэродрома до казарм три километра. Я преодолеваю эту дистанцию пешком за полчаса, а аэроплан за три минуты. Какова скорость аэроплана?

Резкая струя воздуха била в лицо. Под ногами зияла бездна. А он летел и радовался. Вперемешку с мыслями приятно было осознавать ощущение крылатости, захватывающее дух тем, что тело, обретя невесомость, плывет в покорившемся тебе небе.

На обратном пути летчик перед Стрельбищным полем выключил мотор и стал планировать по пологой спирали с креном то на одно крыло, то на другое, после чего приземлился у заданной точки.

На следующее утро об этом событии узнала вся Одесса. В местной газете опубликовали сообщение, что экзаменующийся сотник Ткачев в присутствии представителей военного ведомства и городских начальствующих лиц «блестяще исполнил все эволюции в воздухе, требуемые для диплома пилота, и был поздравлен президентом аэроклуба А. А. Анатра с получением breve».

Между тем самый памятный подарок своему воспитателю сделали подопечные. В день экзамена генерал Радкевич дозволил Вячеславу Матвеевичу явиться на службу к пятнадцати часам, но по непредвиденным заранее обстоятельствам тот опоздал на пятнадцать минут.

Согласно распорядку в это время в кадетском корпусе шла самоподготовка, поэтому лишь стук каблуков сотника нарушал гулкую тишь безлюдного коридора. Неожиданно в дальнем конце послышался посторонний шум. Ткачев ускорил шаг, сразу сообразив, что громкие голоса и смех доносились из классной комнаты, где занимались его кадеты.

– Такого беспорядка еще не было, – мелькнуло в голове. – Что они там вытворяют?

– Встать! Смирно! – пронзительным фальцетом скомандовал дежурный, как только отворилась дверь.

Это был кадет по фамилии Цициашвили. Чеканно, по-строевому он подошел, остановился в двух шагах от Ткачева, прищелкнул каблуками и с певучим грузинским акцентом начал рапортовать:

– Господин сотник, на втором отделении третий класс по списку – тридцать кадет. В занятии присутствуют все.

Докладывал Цициашвили, как положено по уставу. Но все-таки что-то было не так. В глазах его будто поселился бесенок. Ткачев оглядел подростков, вытянувших шеи возле своих парт.

Странно... Ни на одном лице не видно обычной строгости и сосредоточенности... Словно карамельки держат во рту...

Рапорт окончен. Не давая команды: «Вольно!», – офицер повернул голову к классной доске, а там... Там вместо заданий к урокам на следующий день – десять огромных, расписанных мелом на всю доску, восьмерок.

Нарушение порядка! Вина дежурного налицо! Нельзя оставлять проступок без взыскания...

И вдруг в нависшей на мгновенье тишине голос Леонарда – лучшего ученика класса:

– Поздравляем вас, господин сотник! Теперь с вашим breve можно летать не только в России, но и за границей.

После его слов растаявшие с лиц кадет карамельки вылились в аплодисменты. Глаза мальчишек сияли восторгом.

Ткачев обернулся к классу и тоже не смог сдержать улыбки. Дисциплина была окончательно подорвана, что его нисколько не рассердило. В этот момент он вспомнил разговор с Надей и мысленно согласился: с мальчишками тоже не всегда нужно держать дистанцию. ■

Архив Ильи Чеснокова

ИЛЬЯ ЧЕСНОКОВ

Родился в городе Чимкенте (Казахская ССР) в 1965 году. Публиковался в различных СМИ. В 2020 году стал призером конкурса «Крылья Победы». Работает преподавателем общественных наук в педагогическом колледже. Живёт в Белгороде.

ПАПА

Я шел за этим мужчиной, уже не помню сколько времени. Никого вокруг не замечая, я двигался за ним на расстоянии нескольких шагов. Все в нем напоминало моего отца. Он так же, как и мой папа, шел, слегка прихрамывая на правую ногу. И на голове была такая же волнистая седина. И даже рубашка была светло-коричневого цвета в бледную клеточку – мамин подарок на день рождения. И брюки были тоже его, и сандалии. Я хорошо помню, как папа шел на работу: быстро, слегка ссутулившись, насвистывая какую-нибудь нехитрую мелодию. И вот сейчас я иду, как мне кажется, за своим отцом, которого не стало месяц назад.

Возвращаюсь мысленно в прошлое, на следующий день после его смерти.

– Простите меня! Я не специально! У меня маленькие дети! Я не хотела вашему отцу плохого! – укрыв лицо ладонями, всхлипывая прокричала молодая девушка и опустилась передо мной на колени. Уронив голову на пол к моим ногам, она повторяла одно и то же. Ее волосы, заплетенные в тонкие длинные косички, десятками маленьких змей улеглись на мои тапочки. Это была медсестра, работавшая в больнице, где последний раз лечился мой отец. Мы стояли на пороге квартиры при открытой двери. Медсестра пришла ко мне домой не одна. За ней, сжимая в руке кепку и поправляя очки на потном приплюснутом носу, стоял лечащий врач. Как только я открыл дверь, то сразу понял, откуда они.

Я ничего не мог произнести, а просто стоял и слушал. Медсестра поднялась с колен и, пытаясь заглянуть мне в глаза, начала мне что-то объяснять о видах лекарств, об очередности их применения. Достала фотографию детей. И еще о чем-то говорила, чего я не мог разобрать. То на русском, то на казахском языке. Потом передо мной встал врач, молодой мужчина с выпирающим животом и пухлыми щеками. Вытирая кепкой стекающий по шее пот, он, пытаясь сделать серьезное лицо, просил простить свою сотрудницу, просил понять всю сложность лечебного процесса и запущенность болезни:

– Вот если бы ваш отец раньше обратился к нам, то лечение было бы успешнее, но...

Меня затрясло. Нахлынули опустошенность и бессилие. Захотелось сесть. Видя этих людей, я не понимал, что дальше делать. Они оба слились в огромное серое пятно. В голове пролетали воспоминания, как я приношу папе в палату холодную окрошку в стеклянной баночке и свежую, еще теплую, лепешку. Как я сажусь на краешек его кровати, обнимаю за плечи и успокаиваю, что скоро выпишут домой. Как я знакомлю его со своей девушкой, а он спрашивает:

– У вас все серьезно?

– Да, папа.

– Ну с Богом.

Я стою и понимаю, что эти двое мешают мне. Сейчас не до них. И слезы еле держатся в глазах. Я сглатываю ком в горле и тихо говорю:

– Пошли вон!

Захлопнув дверь, я продолжаю стоять. Ладонями прижимаю глаза, но слезы удержать уже невозможно.

И вот спустя месяц я вижу папу в центре города и иду за ним. Я хочу обогнать его, но боюсь увидеть папино лицо. Как тогда я это переживу? Что скажу? Что услышу? Я, наверное, просто потеряю сознание и упаду. Я не упускаю его из вида. Мимо плывут люди. Где-то гудят машины. Как во сне. Появляются вопросы. Для чего он появился? Или это случайность? Совпадение или знак? Предупреждение?

Уже на ходу я вспоминаю моменты из детства. Вот мы купаемся в речке Кошкар-Ата. Он идет заказывать пиво, а я лопаю черешню. Я сижу у него на коленях и трогаю его бицепсы. А вот мы катаемся на «американских горках». Я уцепился за его руку и ору, а он хохочет. Его рубашка распахнулась, и он стал похож на птицу с развивающимися за спиной крыльями. Все было. Все быстро...

Я ускоряю шаг. Я хочу его догнать и, кто бы он ни был, остановить его и обнять. Я бы обнял его и не отпустил. И рассказал бы ему все-все. И как я вырос. И как мы живем все вместе с мамой. Но я не могу его догнать. Он теряется среди людей. Он буквально летит. Я начинаю бежать, расталкивая людей и спотыкаясь. И он бежит, не оглядываясь. Я кричу: «Стой! Стой! Папа!» Он не оборачивается и ускоряет бег. Я упускаю его из виду, сажусь на холодную скамейку и прикрываю глаза. Вечереет. Сердце колотится в груди. Мысли то разбегаются в разные стороны, то связываются в узлы и стучат в голове. И вдруг за спиной слышу:

– Устал? Отдохни. Я люблю тебя, сынок.

Резко оборачиваюсь, но вижу только фиолетовые деревья в свете тусклых фонарей. Я еще какое-то время вглядываюсь в сумерки, делаю глубокий вдох...

ЛЁША И ПУШКИН

Понедельник. Настроение как в понедельник. Я ехал домой после очередного собрания. Столько времени коту под хвост! Автобус, лениво отталкиваясь от остановок и покачиваясь с боку на бок, шел своим ходом. Лучи вечернего солнца проникали сквозь пыльные стекла автобуса, накладывая на пассажиров золотистые полоски света. Я попытался отвлечься, читая новости. На очередной остановке зашли люди и заняли свободные места.

В последнее мгновенье перед закрывающимися дверьми в автобус запрыгнул мальчик лет тринадцати. Светло-русые волосы были прижаты джинсовой кепкой с длинным потертым козырьком. Одет он был легко, не смотря на прохладный ветер. Оранжевая футболка была небрежно заправлена в темно-зеленые штаны. На ногах красовались огромные кроссовки с желтыми полосками и широкими шнурками, свисающими до пола. Суетливо пересчитав на ладони монеты и передав их водителю, он повернулся к пассажирам. Я увидел его озорные глаза и пылающие щеки. Автобус набирал скорость.

Листая полоску новостей, услышал звонкий голос:

– Александр Сергеевич Пушкин. «Сказка о царе Салтане».

Пассажиры устало подняли глаза на мальчика, который, шагнув чуть вперед, начал читать сказку:

Три девицы под окном

Пряли поздно вечерком.

Он читал громко, с выражением, взмахивая руками. Это выглядело артистично и как-то неестественно. Автобус, скрипя тормозами и раскачивая людей, делал остановки. Мальчик продолжал читать сказку, не останавливаясь. В руках у него не было ни листочка, ни телефона. Он декламировал по памяти. Несколько раз он доставал из кармана бутылку с водой, делал глоток, аккуратно закручивал крышечку и продолжал читать.

В автобусе стало тесно. Заметив читающего мальчика, пассажиры с удивлением рассматривали его, освобождая вокруг него пространство.

Сказка плавно текла невидимой рекой над головами, окрашиваясь лучами заходящего солнца. Водитель стал аккуратнее вести автобус. Лица пассажиров стали выглядеть спокойнее. Кто-то повернулся к окну, прикрыв глаза, а кто-то смотрел на мальчика и шевелил губами, вспоминая текст.

Так мы проехали три остановки. Сказка закончилась. Впереди сидящие протянули мальчику деньги. Он улыбнулся, поклонился, взял деньги и тихо произнес:

– Спасибо.

Пассажиры начали аплодировать. Он еще раз поклонился, глотнул воды и продолжал:

– Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях».

Царь с царицею простился,

В путь-дорогу снарядился...

Мы снова погрузились в сказку. С задних мест стали передавать деньги. Я подумал: «Не может же подросток вот так, один, по своему желанию, разъезжать по городу на автобусах, читать сказки и зарабатывать на этом. Наверное, его ждет кто-то на остановке. Или может быть сидит в этом автобусе и за всем наблюдает». Я привстал и оглянулся назад. Не заметив ничего особенного, сел и успокоился. Настроение мое улучшилось. Я слушал сказку и улыбался.

Пролетели еще несколько остановок. Пассажиры продолжали передавать деньги. Ранее незнакомые друг с другом соседи начали общаться, одобрительно покачивая головами и кивая в сторону подростка. В салоне автобуса стало как будто теплее, хотя за окнами было прохладно.

Стало заметно, что юный чтец немного разгорячился. Он стал чувствовать себя в салоне автобуса как рыба в воде. Глотнув воды и расплывшись в белозубой улыбке, мальчик произнес:

– И снова Пушкин. «Сказка о рыбаке и рыбке».

И тут он снял с головы кепку и изящно в легком поклоне протянул ее в проход между рядами. Пассажиры в ответ начали улыбаться и доставать деньги в надежде снова окунуться в детство.

Я наощупь вытянул из кармана первую попавшуюся купюру и протянул мальчику. Это была пятисотка. В голове мелькнуло сожаление, но доставать что-то помельче было поздно. Мальчик схватил купюру и положил в кепку, а я как-то криво улыбнулся:

– Спасибо тебе, мальчик. И как же тебя зовут?

– Леша, – прошептал он.

Он хотел еще что-то добавить, но моя соседка опередила его:

–А ты все сказки Пушкина знаешь наизусть?

Мальчик, застенчиво улыбнувшись, ответил:

– Ну, в общем, да.

Тут автобус на повороте резко затормозил. Мальчик успел схватиться за поручень. Он резко изменился в лице. Повернувшись к водителю, он крикнул:

– Ты че, дрова везешь? Лошара!

Мы с соседкой, подняв брови, изумленно переглянулись.

Автобус остановился. Мальчик скакнул к раскрывшейся двери, прокричал в салон: «Пушкин тоже был не лох! Мой улов совсем не плох!» – и выскочил на улицу.

Этот выкрик сначала вжал пассажиров в кресла, а потом подбросил их в сторону окон. Все уставились на мальчика сквозь стекла. Автобус тронулся. Полупривстав-полусогнувшись, мы в полной тишине наблюдали, как удаляющийся от нас Леша доставал из карманов купюры, разглаживал их на ладони и пересчитывал. В последний момент мы увидели, как он сделал глубокий реверанс уходящему автобусу и помахал рукой. Пассажиры, тихо перешептываясь, уселись на свои места, а я подумал: «Ай да Пушкин! Ай да Леша!»

ВМЕСТЕ В ПУТИ

(миниатюра)

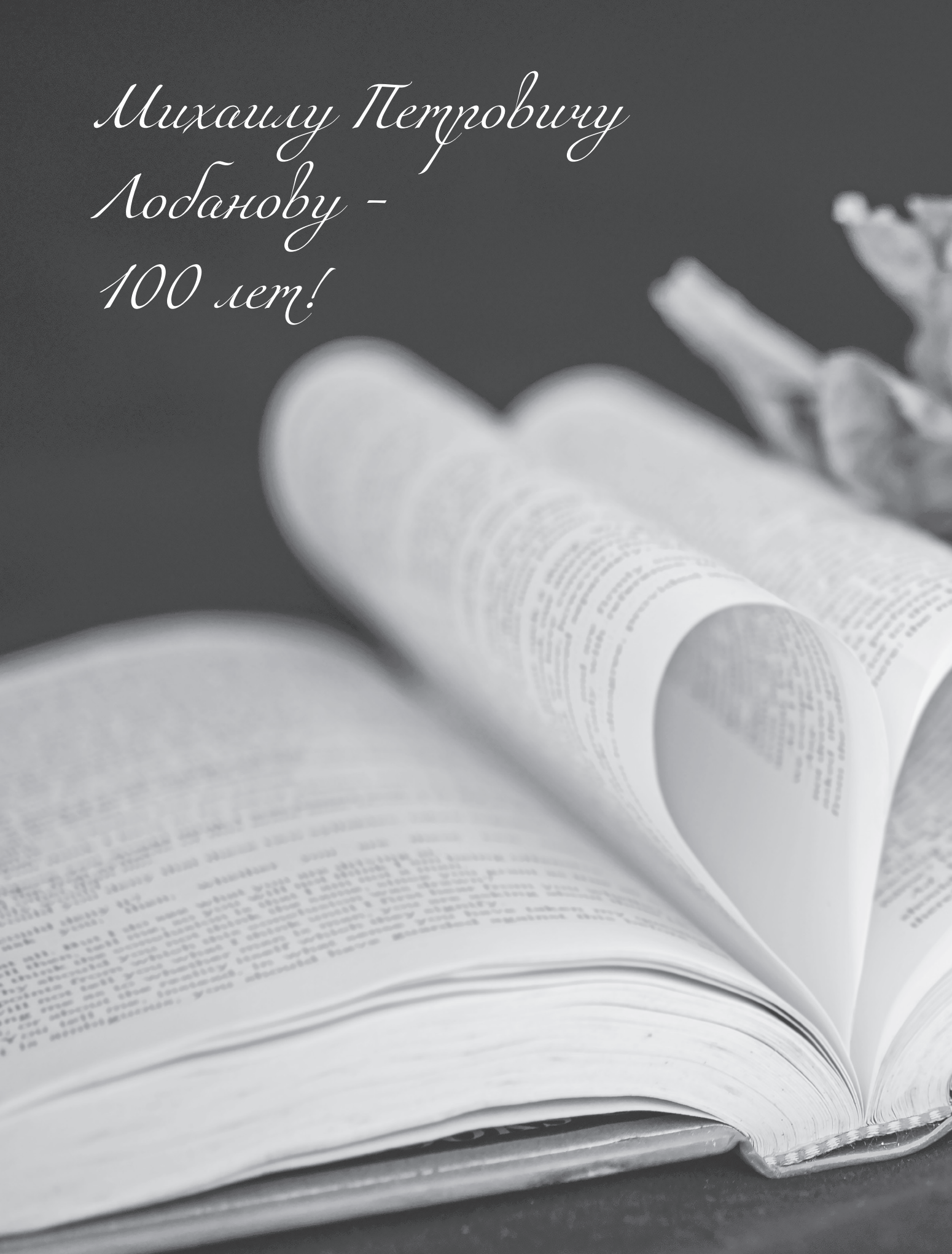
Литературное произведение как живой океан. Оно начинает дышать полной грудью только, когда человек приступает к его прочтению. С этого момента строки начинают играючи вздымаются разноцветными переливами волн. То мелкими гребнями, кудрявясь и блестя мириадами капель, а то волшебными глыбами-великанами, громоздящимися в фантазиях читателя. Волны строк заманивают его, давая возможность нырять между ними, уходя все дальше и дальше, окунаясь все глубже и глубже.

Погружая своего читателя в суть произведения, я как бы беру его за руку и, двигаясь чуть впереди, увожу в волшебное пространство ограниченного повествования. Сначала я, не спеша, провожу его по узким улочкам и тропинкам, знакомя с героями, обстановкой и временем описываемых мной событий. Освоившись и поверив мне, читатель доверяется продолжать с героями произведения намеченный путь. Предвкушая что-то интересное, мы выходим на широкие проспекты основных действий и сюжетных линий.

Я как бы со стороны наблюдаю за реакцией читателя и делаю выводы. Они могут как радовать, так и вызывать сожаления. В определенный момент я решаю отпустить читателя, давая ему возможность двигаться самостоятельно. Я чувствую, как его охватывают новые, ранее им неизведанные ощущения и эмоции. И тут сквозь слова и буквы через паузы и сквозь пробелы начинают просачиваться звуки. Музыка, живущая изначально в повествовании, осторожно «выглядывает» изнутри. Она медленно выходит в полном своем великолепии и завладевает сознанием читателя. Теперь он купается в океане слов, образов и волшебства музыки, которая уже спешит переплестись с серебряными струнами его души.

В определенный момент, не выводя его из этого состояния, я снова беру его за руку, и мы продолжаем путь. И так, где-то поднимаясь по ступеням переплетенных взаимоотношений между героями произведения, а где-то скользя по наклонной извилистых описаний окружающей действительности, или продираясь сквозь заросли колючих характеров и противоречий, мы с читателем преодолеваем основной путь.

И вот мы приближаемся к развязке. Руки незримо разъединяются, еще некоторое время сохраняя тепло прикосновений. Читатель закрывает книгу и молча сидит, долгое время не решаясь вернуться в реальность. Я все еще где-то рядом. Я внутри. Я между строк. Я в музыке слов... ■

Михаилу Петровичу Лобанову – 100 лет!

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ

Архив семьи Лобановых

МИХАИЛ ЛОБАНОВ

(1925-2016)

Родился в деревне Иншаково Рязанской области. Фронтовик, участник битвы на Курской дуге. Выдающийся русский критик, публицист, мыслитель. Автор книг «Островский», «Аксаков», «В сражении и любви» и др. Работы М. Лобанова – эпохальное явление в русской мысли второй половины XX столетия.

ЦЕРКОВЬ – ЭТО ВСЕ МЫ

Писатели находили в храме такие «сюжеты», которые нужны были им для обострения мироощущения, выявления «психологической пропасти в человеке». Так, В. Розанов, например, вводит в храм убийцу-каторжанина и создает психологический эффект на самом контрасте, на острие двух миров: убийца в неожиданном освещении святого места.

В рассказе одного из русских писателей человек стоит в церкви и чувствует, что рядом с ним – Христос. Ужас объемлет его от сознания, что рядом с ним в образе человека сам Творец Вселенной, страшно повернуться, взглянуть на Лик Того, за Которым необъятность, беспредельность, сотворенного Им мира, и нас поражает эта невообразимость видимого и невидимого в Христе.

Но для истинно верующего нет большей тайны, страшной и. непостижимой, как ежедневная, до скончания века, совершаемая в Церкви Литургия.

В свое время вышла книга священника Димитрия Дудко «Литургия на русской земле», где ортодоксальная православная церковность соединена с присущим автору живейшим вниманием к духовно-нравственным, общественным проблемам русской жизни. Тогда же, на рубеже семидесятых – восьмидесятых годов, появилась книга о. Димитрия Дудко «Премудростию вонмем», написанная в форме коротких заметок на самые разнообразные темы – от религиозных до семейно-бытовых. Здесь личность автора выразилась при очевидной противоречивости некоторых его высказываний (не церковно-догматических), преимущественно в волевом качестве. Говоря о различии духовенства католического и православного, Гоголь писал (в «Выбранных местах из переписки с друзьями»): «Римско-католические попы именно оттого сделались дурными, что чересчур сделались светскими. У духовенства нашего два законных поприща, на которых они с нами встречаются: исповедь и проповедь. На этих двух поприщах, из которых первое бывает только раз или два в год, а второе может быть всякое воскресенье, можно сделать очень многое.

<...> Некоторые из нынешних умников выдумали, будто нужно толкаться среди света для того, чтобы узнать его. Это просто вздор. Опровержением такого мнения служат все светские люди, которые толкаются вечно среди света и при всем том бывают всех пустее. Воспитываются для света не посреди света, но вдали от него, в глубоком внутреннем созерцании, в исследовании собственной души своей, ибо там законы всего и всему: найти только прежде всего ключ к своей собственной душе; когда же найдешь, тогда этим же самым ключом отопрешь души всех».

Священник Димитрий Дудко не «толкался среди света», но и не чуждался его, вернее, не сторонился общения с людьми вне церковной ограды. Он зорко следил и за текущей литературой, за всем тем в ней, что считал близким к православному духу, ссылаясь на тексты современных писателей в своих церковных проповедях. Я, например, сам оказался, так сказать, в сфере его внимания. Помнится, где-то в конце шестидесятых годов мы собрались на квартире Олега Николаевича Михайлова – Петр Васильевич Палиевский, Сергей Николаевич Семанов, я и неожиданно для меня – Димитрий Сергеевич Дудко, которого увидел впервые. Я был удивлен, когда в разговоре с ним узнал, что он прекрасно осведомлен в литературных делах, в той идеологической борьбе, которая развернулась тогда в литературе между традиционалистами-почвенниками и «интернационалистами-космополитами». В ласково-благодатном взгляде отца Димитрия, в какой-то домашней округлости его речи, в его лениво покоящейся на колени кисти правой руки, как бы чувствующей свою власть над людьми, силу своего благословения, – от всего веяло духовной, волевой энергией, которая как-то оздоровляюще действовала на собеседника. В книге «Премудростию вонмем» читателя притягивают к себе прежде всего религиозная воля автора, непреклонность его веры, любовь к Христу. Голгофа,

Крест – Христов Путь страдания, как путь спасения переносятся автором и на судьбу России, которая видится ему на Голгофе, распятой на Кресте. В тогдашних церковных проповедях отец Димитрий страстно обличал безбожников, сеющих ненависть к религии, разрушителей храмов, морали, семьи, культуры. И в названной книге прорывающийся сквозь проповеднический тон бунтующий голос поднимается до отчаянного «крика» (заглавие одной из главок). Священник не удерживается от того, чтобы не бросить горькое слово упрека в адрес епископов Русской православной церкви, которые, по его убеждению, безучастно созерцают разлившееся по русской земле зло. Ну а народ? Утешением (не слабым ли?) может служить для мятущегося сознания то, что «в русском народе совершилось падение, и, может быть, совсем не от «поверхности», а от той высоты, на которой был этот народ. Оттого и падение такое великое, оттого и воскресение будет величественно – хочется верить». Возможно, от желания верить – и часто повторяемые в книге (как, впрочем, и поныне, спустя два десятилетия, в печатных выступлениях отца Димитрия) слова о «богоносности русского народа» и его особой миссии через страдания сказать миру «новое слово». Скептик может заметить, что здесь есть преувеличение, идущее еще от Достоевского, и это выявлено самой историей, нынешним плачевным положением русского народа с его незавидным «международным статусом». Русский оптимист может на это ответить словами о. Димитрия Дудко: «Часто у больных развиваются высшие способности. Так и с Россией». «Во всех исторических событиях есть две стороны: одна – человеческая и другая – божеская!»

Вообще, мысли, афоризмы о. Димитрия, хотя порой несколько однообразные, с неожиданной стороны освещают предмет, вносят нечто новое в миропонимание. Сделаем выписки из книги: «Любовь ко всем – недостаток любви, а любовь к своим – настоящая любовь. Значит, любовь – не абстрактное понятие»; «Из младенческого возраста надо выходить: две тысячи лет уже христианская эра»; «Смерть придет неслучайно, хотя может показаться, что она пришла случайно. Когда будет все готово – она придет... Холодок охватывает при слышании о ней... Значит, мало еще страдали, мало устали. Нужно устать, чтоб смерть была желанной. Трудись до усталости, до изнеможения – ожидание смерти будет радостным»; «Совершаю Проскомидию, Литургию... Вдруг пришла мысль, когда-то я не выдержу. Ведь что совершаю: участвую в деле искупления человеческого рода... Христос распинается и воскресает... Закрыть бы лицо от ужаса... Но приходится дерзать, грехи не дают полностью раскрыться моему сознанию». «Всякая борьба, которая не признает вечности, – смехотворная борьба. Бороться можно только во имя вечности!»; «Что хуже: либерализм или деспотизм? Пожалуй, либерализм хуже, ибо вырабатывает духовное безразличие»; «Здесь человек раскрывается очень незначительно, весь он раскроется только в вечности. От человека зависит раскрыть себя, выявить, что в нем скрыто. Это задача и творчество каждого человека»; «Мечтатели, особенно из правителей, бывают самыми жестокими людьми, ибо они идут не от жизни, а от себя, эгоисты... Неслучайно Церковь может избавить нас от праздномечтания». И т. д.

Из этих выписок видно, сколь богат духовный, житейский опыт их автора, как обогащают его духовные заметы читателя. Но если даже и у светского писателя истинная образованность не в многознании, а в преломлении знаний в слово, в дело, влияющее на общественное сознание, то тем более действенно должно быть все то, что говорит, что пишет священник, ибо христианство – это не учение, а жизнь. И здесь, не в монашеском уединении, а в миру, священнику потребна не одна созерцательность, но и та, главным образом, готовность на действие, без которого всякому, даже и глубоко искреннему слову грозит морализаторская пустота.

У всех у нас в памяти слова Спасителя о том, чтобы мы заранее не думали, что ответить, что сказать в трудную минуту нашим врагам. Дух Святой поможет нам сказать эти слова, внушит, что надо делать. Но, по слабости своей страшась этих минут, человек невольно в сознании, так сказать, репетирует поединок, стремясь предугадать свое положение. Те годы (шестидесятые – семидесятые), которые выпали на проповедническую деятельность о. Димитрия, были при казавшейся «застойности» весьма напряженны-

ми в идеологической борьбе, происходившей не на поверхности общественной жизни, а в подспудном ее течении. Официальная коммунистическая идеология находилась в явном кризисе, не в силах выставить что-либо творческое, живое, способное воздействовать на общество, массы, противопоставить что-то реальное, жизненное западной пропаганде. Подавляемое десятилетиями марксистским интернационализмом-космополитизмом, русское национальное самосознание впервые дало о себе явственно знать во второй половине шестидесятых годов в журнале «Молодая гвардия», редактируемом тогда Анатолием Васильевичем Никоновым. За свою патриотическую направленность журнал подвергался беспрерывной травле со стороны как партийной печати, так и леволиберальных изданий, и дело кончилось снятием в декабре 1970 года Никонова с поста главного редактора «Молодой гвардии». Другое направление представлял журнал «Новый мир» (главный редактор – А. Т. Твардовский) преимущественно с либерально-интеллигентской, «демократической» тенденцией, глубоко чуждой традиционным духовным ценностям русской культуры.

Вирус либерализма, активизировавшийся в хрущевскую «оттепель», проникал в поры того узкого интеллигентского общества, именуемого «диссидентством», которое не имело бы серьезного значения без поддержки и поощрения Запада, без «Голосов Америки», «Свобод», «Свободных Европ», «Немецких волн», «Би-би-си» и прочего. Концентрацией диссидентства стала распропагандированная на весь мир деятельность Александра Солженицына, у которого литература сделалась орудием фанатичной ненависти к «империи зла», создав в глазах Запада зловещий «имидж» нашей стране.

Но не только в светской, но и в духовной среде появились свои знаменитые диссиденты, более, пожалуй, чем иные гражданские начиненные экстремизмом вроде пресловутого «отца» Глеба Якунина (который с течением времени достиг таких высот бесовства в своей «демократической» злобе против России, Русской православной церкви, что был лишен наконец церковного сана).

Такова была социально-духовная атмосфера, в которой проповедовал о. Димитрий. Обличал он то, что сам называл безбожием, но в атеистическом государстве такие обличения невольно становятся политикой, принимают политический характер. И это невольно вызывало в нем опасения за свою судьбу. В книге «Премудростию вонмем» не раз говорится, что христианин должен преодолевать в себе малодушие, трусость. «Последователь Христа должен быть смел»; «Самая главная добродетель при современном положении – смелость и дерзание!»; «В России властвует и побеждает Крест. Трусливым здесь делать нечего. Здесь делателями становятся только мужественные»; «Грустно... У нас смелости часто хватает только до первых испытаний... И еще более грустно то, что, когда не выдерживают испытаний, начинают искать оправданий своему поступку. Это, мол, ради смирения, ради послушания... Как мы запуганы!» И т. д.

И вот для самого о. Димитрия настал «страшный час испытаний». В январе 1980 года он был арестован и доставлен на Лубянку. О том, как проходили допросы, о своих разговорах со следователем Димитрий Сергеевич рассказал в своих воспоминаниях «Исповедь через позор». Ему вменялось в вину, что проповеди его, влияние на окружающих носят антисоветский характер, на что арестованный неизменно отвечал, что он борется не с советской властью, не с государством, а с безбожием – началом всех зол. На это следовало обвинение, что поскольку советское государство атеистическое, то борьба против атеизма, безбожия есть антигосударственная деятельность. Драматический конец этой лубянковской истории стал для о. Димитрия, может быть, страшнее всего того, что он пережил до этого в лагерях (в которые дважды попадал за свои религиозные убеждения). Через полтора месяца после ареста он выступил по телевидению с осуждением своих действий, выходящих за пределы церковного служения, справедливо оцененных, по его признанию, властями как антисоветские. Для многих из тех, кто был солидарен, духовно близок с ним, кто заинтересованно ждал результата следствия по его делу (о котором спекулятивно шумели в эфире разные зарубежные «голоса» и «волны»), – для них публичное самоосуждение священника было как удар грома среди ясного неба. Один известный уче-

ный рассказывал мне, как он был поражен, слушая по телевидению отца Димитрия, в защиту которого он подписал обращение «К христианам всего мира». С тех пор этот ученый не может даже слышать имя разочаровавшего его священника, а сам Димитрий Сергеевич поведал мне, как однажды на публичном вечере, сидя рядом на сцене с этим ученым, он попытался было объясниться, но услышал в ответ: «Нам не о чем с вами говорить».

Для самого о. Димитрия повинность перед властями была не просто воздаянием «Кесарю – кесарево». Это было то, что он вскоре ощутил, осознал как позор, потрясший его душевно. От него отвернулись многие из тех верующих, которые прежде считали его духовным отцом. К нему шли письма, обвинявшие его в отступничестве. Раздавались угрожающие телефонные звонки. Осложнились временно отношения даже с сыном. Но были и сочувственные письма с пониманием произошедшего, с выражением доверия к нему. И хотя священник остался неколебимо верным тому, что в Евангелии названо «Богу – Богово», возможность истолкования его поступка как соблазна отступничества была мучительной для него.

Только религиозный человек может глубоко переживать обрушившийся на него позор. Как сказано в древнерусском памятнике: «Что ради... людем мя даша на позор» («Житие Серапиона Новгородского»).

Всегда, во все времена величайшим позором считались предательство, измена Родине, бегство в стан ее врагов. И никогда еще это предательство не ставилось в величайшую заслугу, как во времена диссидентства в нашей стране. Беглецы поступали на содержание цеэрушных «Свобод», клевеща на покинутую страну, ее историю, народ. Как раковые метастазы, внедрились в высший партийный аппарат «агенты влияния», проводя политику враждебных государств, являясь их шпионами. Впрочем, пожалуй, неточно говорить об «измене Родине», для этих агентов «эта страна» никогда не была Родиной, а ненавистной Россией, подлежащей уничтожению. Агентурная сеть зашла так далеко, что захватила всю верхушку власти, в чем признаются ныне («входили в политбюро, чтобы разлагать империю») бывшие партократы, а теперь президенты «независимых государств» на месте разрушенного Советского Союза.

ЦРУ действовало превосходно, внедряя мощную «пятую колонну» в нашей стране и так же умело через эту колонну дезориентируя здешнее население, создавая у него путем назойливого нагнетания в советской прессе гротескной опасности вездесущего ЦРУ карикатурное представление о нем. Вспоминаю, как студент моего семинара в Литературном институте, с Кавказа, написал рассказ о своем земляке-бухгалтере, который, выведенный из себя манией мнимого цеэрушного преследования, сходит с ума. Многие тогда (еще до «перестройки») и воспринимали так, довольно комично, это «пресловутое» ЦРУ. Выходило, что страшилище, комбинат пыток и смерти – это КГБ, а ЦРУ – невинное демократическое заведение (как будто и не оттуда идут всемирные кровавые разборки с неугодными правительствами и целыми народами).

Но КГБ было уже «не то», не зловещее ЧК Дзержинского, не НКВД Ягоды, не бериевское ведомство. Во главе КГБ стоял Андропов. Недавно в газетах где-то промелькнули слова его сына, что отец ненавидел коммунизм. Но, пожалуй, больше ненавидел Андропов Россию, русских (сразу же с приходом к власти в докладе об очередной годовщине Октября, он повторил слова о России как «тюрьме народов», презрительно именовал русских патриотов «русистами»). Но в КГБ, как и везде в стране, в партийных, государственных, культурных и прочих учреждениях, не все было «однозначно», сквозь «интернационализм» уже виделось русское. Этого-то больше всего и боялись враги России. И в КГБ были кадры патриотов (типа Л. Шебаршина, шефа разведки), которые искренне, верно служили делу государственной безопасности. Насколько КГБ было серьезной преградой на пути разрушения нашего государства, показали дальнейшие события, неутоляемая ненависть «демократов» к этому «монстру», пятикратное костоломное «реформирование» бывшего КГБ Ельциным, разгромившим его разведывательные мирового класса службы, оставившим государство открытым для всеобщего шпионажа.

Бывший шеф разведки в КГБ Л. Шебаршин в своей книге «Рука Москвы» (М., 1992) приводит выска-

зывание Сталина о разведке (на заседании Комиссии по реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб МГБ СССР в ноябре 1952 года): «Никогда не вербовать иностранца таким образом, чтобы были ущемлены его патриотические чувства. Не надо вербовать иностранца против своего Отечества. Если агент будет завербован с ущемлением патриотических чувств – это будет ненадежный агент». Этот же патриотический принцип постепенно все более входил в сознание «русской части» КГБ, и с ним таким русофобам, как Андропов, нельзя было не считаться. Не могло же эволюционизирующее государство все время опираться на урицких, аграновых, лацисов, кедровых и прочих «интернационалистов». Повторим: неслучайно до сих пор у «демократов» такая неостывающая ненависть к КГБ, неслучайно они своим пятикратным погромом («реформированием») стремятся добить кадры, верные не им, временщикам, а государству. Опорой для нынешних правителей в «этой стране» стало ЦРУ, с тех пор как с его помощью они совершили государственный переворот в августе 1991 года (об этом абсолютно откровенно спустя несколько дней сообщили «Известия»). Не таясь, совместно орудуют против России цеэрушники и здешние «демократические» щелкоперы (по телевидению о войне в Чечне с клеветой на русских солдат выпевают дуэтом – корреспонденты «Комсомольской правды» и радио «Свобода»).

Вышесказанное помогает мне лучше понять то, что произошло с Димитрием Сергеевичем Дудко, когда он был арестован и оказался в Лефортове. У священника одно оружие, вернее – защита в таком положении, – духовное слово. Но все дело в том, как оно отзовется. Следователь был из русских, почти тезка арестованного – Владимир Сергеевич. Всякий раз, приходя на допрос, отец Димитрий осенял его крестным знамением, благословлял, и следователь не протестовал, как бы не обращая на это внимания. (О чем-то подобном, о такого рода профессиональном долге рассказывал мне известный хирург Федор Григорьевич Углов: в свое время будучи в Минске и явившись с визитом вежливости к первому секретарю КП Белоруссии Машерову, в его кабинет, он первым делом попросил его раздеться, дабы послушать, проверить его здоровье, на что не получил отказа. В таких случаях всегда интересна реакция тех, кто становится предметом такого внимания.)

Это уже знак времени, когда следователь КГБ не пресекает благословения священника. Попробовал бы какой-нибудь батюшка перекрестить своего следователя при Ягоде – тотчас бы угодил в карцер. Допрос Димитрия Сергеевича напоминает иногда застольный диспут двух русских людей. Конечно, следователь не такой уж простак, цель у него прямая и непреклонная – добиться нужного признания, поставить точку в «деле», но отнюдь не во вред себе, своему служебному положению. Но факт тот, что о. Димитрий за время своего пребывания в Лефортове полюбил чекистов, по собственному его признанию. Видимо, это и было одной из причин того, что он пошел на признание своей вины и на выступление по телевидению.

Все это, однако, оставило в нем глубокую душевную травму и стало «Исповедью через позор». В сочинении под этим названием говорится о многом: о ходе следствия, о мыслях, чувствах, воспоминаниях арестованного, уже дважды отсидевшего в свое время за свои убеждения в лагерях, с пронзительной тоской думающего о своих родных – жене, сыне и дочке, с которыми его может разлучить приговор; приводится множество писем разных людей – и тех, кто осуждает его за примирение, и тех, кто по-прежнему верит ему, считает своим духовным отцом. Большую часть сочинения составляют рассуждения автора, которые можно назвать богословским оправданием его гражданского отступничества (путь в глубину христианского смирения – как высшее духовное мужество).

И все-таки остается некое саднящее чувство в его исповеди, какая-то неутоленная боль. О. Димитрий признает, что он проявил слабость, оказался немощным, и за это его многие ненавидят, отступились от него. И здесь неподдельный вопль исторгается из души человека, который еще вчера призывал к смелости, обличал слабость: да, я слаб, не оправдал ваших надежд, но за что вы меня так ненавидите, ведь я такой же, как вы, которых я, понимая немощь людскую, прощал, почему же вы, как христиане, не можете простить меня?!

***

Года четыре тому назад в Италии проходила конференция на тему: религия и культура. Один из наших писателей, говоря о Русской православной церкви, начал укорять ее служителей за пассивность, за равнодушие к социальным проблемам и т. п. «Вы должны...» Тут выступил молодой епископ и с университетским задором (он окончил МГУ) вопросил: «Почему вы, а не мы? Церковь – это мы все». На это трудно что-то возразить. Речь не идет, конечно, о церкви как о Теле Христовом, с ее Литургией, Евхаристией, соединяющей нас через причастие с Христом, вечной жизнью; речь идет о той «земной» церкви, которая, увы, не изолирована наглухо от мирской грешной жизни и не может не жить «здешними», в том числе и социальными интересами людей.

Уже после пережитого «позора», спустя четырнадцать лет, о. Димитрий Дудко выпустил новую книгу – «На скрещеньи дорог» (1994), в которой много нового в сравнении с книгой «Премудростию вонмем» (вышла в 1980-м). Во-первых, богатый материал по исповедям верующих. Вот уж поистине где боли и болячки, немощи людские, «поваленные гробы» духовные. Погружаясь в эту «мерзость запустения», священнику трудно взлетать в поднебесье, и все это надо понять, принять, простить, отпустить и т. д., чтобы в следующий раз слышать то же самое от тех же самых грешников. (Каждая исповедь – сюжет для психологического рассказа.) В то же время – трогательные истории при причастиях, когда в людях как итог жизни проявляется все лучшее, выстраданное, покаянное. Истории, связанные с крещением. Отец Димитрий Дудко крестил, можно сказать, бесчисленное количество людей и не только младенцев, но и великовозрастных дядей, в том числе так называемых «знаменитых». У него крестятся, причащаются писатели, ученые, офицеры, партработники, чекисты и т. д. (заметьте, еще в то, «доперестроечное» время). Особенно много крестящихся евреев, отношение к которым у автора двоякое: он всегда помнит, что они потомки богоизбранного народа и в то же время тех иудеев, которые не приняли Христа, распяли Его. У него есть такое любопытное наблюдение: «Я задумываюсь над судьбой еврейского народа. Даже в лучшие времена это народ-мученик. В школе смеются над еврейскими детьми, в учреждениях глухо ненавидят, обвиняют во всех тяжких грехах, не хотят понять даже их самые добрые чувства. И, несмотря на такие мучения, среди них нет святых. Выходит, что их способности уходят только на земное устройство. Здесь есть над чем задуматься».

Недавно о. Димитрий Дудко поведал мне, как он крестил одного нынешнего шумного политического активиста и как тот, встретив его в общественном месте, на ходу осведомился: «Деньги получили?» (То есть по таксе деньги для церкви.)

О. Димитрий Дудко очень деликатно обходится со своими духовными чадами из числа крестившихся евреев, но ведь многие из этих чад весьма далеки от христианского делания и в нынешнее смутное время считают удобнее для себя перебегать в воинство сатанинское (о чем свидетельствуют их подписи под злобными текстами, провоцирующими власти на кровавые действия, подобные 3 октября 1993 года).

Справедливости ради следует сказать, что не очень воодушевляют постоянные заверения о. Димитрия Дудко о богоносности русского народа, о его призвании сказать миру новое слово. То, что называется «всечеловеческой отзывчивостью» (со слов Достоевского) русского народа, обернулось весьма плачевным результатом для него, ненавистью к нему во всех бывших республиках как к «оккупанту», виновнику всех тамошних бед, преследованиями, расистскими законами против оставшихся там русских. Пора понять «старшему брату», что сама история рода человеческого началась с братоубийства (Каин убил брата Авеля), и наивно рассчитывать на безраздельную любовь к себе «нацбратьев». Они (вроде прибалтийских «государств») весьма злопамятны, мстительны за прошлые, пусть и воображаемые обиды к большему народу, и надо надеяться больше на свою силу, нежели на сентиментальную «дружбу народов». Времена Ольгерда и Гедимина, участвовавших в созидании православной Руси, давно кончились, и нынешние ландсберги(сы)

уже не удовольствуются отторжением Прибалтики (исконно русских, еще до Ивана Грозного, земель) от России, а нагло науськивают на нее с целью расчленения других нацменов (вроде Дудаева, проходившего в свое время военную службу в Прибалтике и там попавшего под националистическую обработку).

Считаются только с силой, и, когда она ослабевает, поднимают голову кому не лень. Россия ослабла, и внутри ее уже видны территориальные взаимные отчуждения. В июне текущего года в Якутию выезжала большая группа русских писателей (на пленум СП России). Осталось впечатление, что это уже «независимое государство». Приставленный к нам зампремьера официально объявил нам, что государственным языком («Как везде», – добавил он) будет только один язык – якутский, а на вопрос В. Распутина – не приведет ли это к конфликту, ибо большинство населения в Якутии – русские, он ответил, что со свертыванием предприятий (где работают в основном русские) и с увеличением рождаемости в улусах (где проживают в основном якуты) соотношение населения изменится в пользу якутов, и, таким образом, правомерно государственным языком будет только один язык – якутский. Здесь же мы узнали, что из семи министров республики – все якуты (как и премьер с замом). Свозили нас в так называемую канадскую деревню (построенную канадцами), где якутских детей учат музыке, на их концерте звучала модная американская музыка и ни одного произведения русской классики. Но больше всего, пожалуй, меня поразили слова главы администрации одного улуса, учителя школы по профессии, эдакого жизнерадостного здоровяка: «Нам, якутам, насильно навязали православие». Перед этим в самом Якутске, в театрализованной юрте, щегольски разодетый под шамана актер показал нам у горящего камина ритуальное представление: заклинание огня с долгим бормотанием, воздеванием рук к огненным языкам, с бросанием в огонь какой-то трескучей пакли и т. д. Есть в этом своя поэтическая зрелищность. Но неужели «возврат» от Христа к этим «духам огня» и есть то «национальное возрождение», о котором так много сейчас говорят в той же Якутии?

В книге о. Димитрия Дудко «На скрещеньи дорог» есть такие слова о молящейся в храме старухе: «Вдруг мне бросилась в глаза ее рука, сложенная в крестное знамение: были правильно сложены пальцы, напряжены, она все время их так держала. "Человек не выпускает оружие из рук, – подумал я,– значит, воин"». Но кто – старуха! Такими воинами должны быть все, каждый в своем деле. Но мы расслаблены, безвольные и малодушные, лживые в миру, вносим и в церковную ограду, в самый храм, свои мелкие житейские страсти, заражая ими окружающих».

Действительно, церковь – это мы все. Болезнь народа – это и болезнь церкви. В духовной драме о. Димитрия Дудко, в его «позоре» выразилось духовное состояние самого народа.

От каждого из нас зависит, будет ли духовное поле нашей жизни здоровым, притягательным, от этого же зависит и будущее церкви (если только не надеяться на чудо, на милость Божию).

Вроде бы дарованное «демократами» послабление Русской православной церкви (при одновременном поощрении разгула сект, сатанизма в стране) на деле смахивает на кощунство. Недавно в Костроме одна пенсионерка, рассказывая мне (по дороге к Ипатьевскому монастырю) о невыносимой жизни – своей и дочери с семьей, при раздавшихся звуках колоколов промолвила: «Теперь на весь город звонят. Под колокольный звон народ вымирает».

И могут ли иерархи ограничиваться молением о «властех наших», если эти власти – убийцы миллионов людей?!

***

На протяжении своей тысячелетней истории Русская православная церковь не раз подвергалась опасности со стороны враждебных ей сил и всегда выходила из борьбы с ними окрепшей, более деятельной. Такой смертельной опасностью для православия была «ересь жидовствующих» в XV веке, о чем свидетельствует недавно вышедшая книга

преподобного Иосифа Волоцкого «Просветитель» – собрание его шестнадцати «Слов», обличающих еретиков.

Игумена Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого в популярных учебниках обычно характеризуют только как защитника монастырских владений, как эдакого матерого стяжателя, противопоставляя ему нестяжателя, Нила Сорского. Этот штамп далек от истины. Оба они, признанные церковью святыми, одинаково ревностно хранили чистоту православной веры, а Иосиф Волоцкий, помимо молитвенного, человеколюбивого подвига (он всегда приходил на помощь крестьянам, кормил массу людей в голодное время), совершил еще великий подвиг национально-государственный, сокрушив гидру «жидовствующих». Да, это была уже гидра – после того как занесенная евреем Схарием (Захарием) в Новгород ересь перекинулась в Москву, в другие места русской земли. Жидовством соблазнялись попы, дьяконы, простой люд, приверженцами его были митрополит, окружение великого князя Ивана III, и сам он первое время испытывал влияние еретиков. Что они проповедовали? Христос для них был не Богочеловек, а пророк, как Моисей; они отвергали Троицу, церковные Таинства, поклонение иконам и святым, не признавали церковной иерархии, монашества. Это было кощунственное посягательство на святыни, дарованные христианам самим Божественным откровением, подрыв догматических основ церковной жизни, организационного устройства церкви. Все это вело к разрушению церкви, к гибели православной России, к ее закабалению иудейством наподобие Хазарии.

На непримиримую борьбу с жидовствующими поднялись Иосиф Волоцкий и новгородский архиепископ Геннадий, которого Иосиф называл «светильником своего времени». В своем «Слове об осуждении еретиков» преподобный Иосиф ссылается на отца церкви Иоанна Златоуста, призывавшего пастырей ревностно защищать паству от хищников-еретиков. «Ведь так поступают и пастухи: до тех пор, пока дикие звери не доставляют им забот, расположившись под дубом или под кедром, играют они на дудке, позволяя всякой овце пастись на воле. Но как только заметят они, что приближается волк, тотчас, отбросив дудку, хватают пращу и, забыв о свирели, вооружаются дрекольем и каменьями, – встав впереди стада и издавая угрожающие звуки, зачастую еще до нападения отгоняют они зверей. Точно так и нам, пастырям и учителям, пасущим Христово стадо, следует поступать, если увидят они проклятых еретиков, более коварных, чем все волки, стремящихся погубить Христово стадо и растлить его еретическим иудейским вероучением, следует им тогда выказать ревность и старание, чтобы ни одна овца стада Христова не была похищена дикими зверьми».

С такой же бдительностью и решительностью охранял стадо Христово от еретиков и сам Иосиф; вместе с архиепископом Геннадием. Они закончили многолетнюю борьбу победой: на соборе в 1504 году ересь была осуждена и разгромлена.

Но и после этого, вплоть до наших дней, эта ересь находила и находит своих сторонников и «сочувствователей», в том числе и среди определенных историков, ученых. В учебнике для студентов-филологов В. Кускова «История древнерусской литературы» с пиететом цитируется книга Я. Лурье «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века». «Добиваясь от правительства Ивана III решительных мер против еретиков, Иосиф выдвинул противнику свое обвинение в «жидовстве». На самом деле новое еретическое движение... являлось в своей социальной основе типично городским антифеодальным движением». Оказывается, чепуха все, что писали о ереси русские историки, исследователи (даже и такой лояльный вроде бы на этот счет С. Соловьев в своей «Истории России»), никаких «жидовствующих», по Лурье, не было, а было «антифеодальное движение». (Гораздо уместнее было бы этот «классовый признак» обратить в довод именно боярского характера новгородского веча, которым заправляли не «черный люд», не «простая чадь», а бояре, крупные землевладельцы, сводившие на площади перед Софией своекорыстные счеты друг с другом с обычным во все «демократические» времена подкупом луженых глоток, то бишь «голосов». Но в наше время модно даже и

в таких вечевых сборищах видеть «народоправство», «Новгородскую республику» – в пику «тоталитарной Московии», в которой Г. Федотов видел источник всех исторических зол в России, даже и при коммунистическом режиме.)

Тот же В. Кусков не устает пресмыкаться перед тем же Я. Лурье: «Как убедительно показал Я. С. Лурье, формирование идеологии централизованного государства было связано не с Иосифом Волоцким, как это было принято считать ранее, а с деятельностью московского еретического кружка», с именем Курицына. Кто такой Курицын? Это был дьяк посольского приказа, одно время значился послом в Венгрии, вернувшись в Москву, возглавил общество еретиков, проводя их тайные собрания. Архиепископ Геннадий говорил о нем, что он «у еретиков главный печальник, а о государевой чести печали не имеет». И этот главарь жидовствующих, ненавистников Руси, ее государя именуется идеологом Московского централизованного государства. На том лишь основании, что в ответе германскому послу Поппелю заявил от имени Ивана II: «Мы Божиею Милостию Государи на своей земли изначала от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы». Дьяк передал послу слово государя, а нынешние доброхоты дьяка приписывают ему целую противоестественную его природе идеологию. Другой «исследователь», А. Хорошкевич, толкает дальше «открытие» своего ученого собрата: «В советской исторической литературе подчеркивалась роль Федора Курицына в формировании идеологии самодержавия. Как пишет Я. С. Лурье, идея национального единства нашла выражение в декларации Федора Курицына 1488 г. Он говорит Николаю Поппелю: «Мы, – речь шла от имени Ивана III, – Божиею Милостию Государи на своей земли изначала...» и т. д. На наших глазах рождается довольно комичное надувание «научных» пузырей с превращением Курицына в двуглавого орла.

Ныне, из глубины веков, в еще большем, чем прежде, величии – религиозно-духовном и гражданском – видится нам личность Иосифа Волоцкого. В древнем православном учении было такое понятие – «симфония власти» – о гармоничной взаимозависимости властей церковной и государственной, об их взаимной ответственности и дополняющих друг друга обязанностях, говоря языком священнослужителя. Будучи великим христианским подвижником, преподобный Иосиф был и непреклонным защитником национальных государственных интересов Руси, и воли, являя собою редчайший образец алмазной крепости духа и воли. И такое соединение религиозной глубины и высот гражданского служения отличает всех наших святителей, церковных деятелей – от преподобного Сергия Радонежского, митрополита Московского Алексия, патриарха Гермогена до митрополита Московского Филарета, патриарха Тихона – до сегодняшнего митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна.

В недавно вышедшей книге «Православие и грядущие судьбы России» архиепископ Никон (широко известный до Октябрьского переворота 1917 года по своим выступлениям в церковном издании «Троицкое слово»), вдохновенно рисуя образ «священномученика за Отечество» патриарха Гермогена, пишет в полемике с теми, кто требует от церковных деятелей не вмешиваться в мирские дела: «Как это похоже на то, что и в наше смутное время говорят нам, пастырям церкви, современные наши приспешники масонов и иудеев: не ваше дело вмешиваться в политику! Как будто любовь к отечеству – политика! Как будто охрана православной веры в России – политика! Святитель Гермоген не слушал тогдашних изменников...»

И нынешние приспешники темных сил, нынешние изменники хотели бы, чтобы пастыри церкви под видом отказа от политики отвернулись бы от нашей истерзанной «демократией» Родины, от всего того, что грозит народу уничтожением, так же, как хотели бы, чтобы и народ в свою очередь, отвернулся от церкви. Их цель – вызвать в народе недоверие к церкви, подозрение, внести духовный разброд, раскол, обратить народ в «новых русских», для которых богом стал бы доллар, «желтый дьявол».

В религиозно-гражданском единении церкви и народа – наше спасение. ■

1995 г.

ГОСТЬ НОМЕРА

Александр Можаев

ru.freepik.com

«РОССИЯ ПЕРЕЖИВЁТ И ЭТОТ ИНОРОДНЫЙ МУСОР»

Беседа Андрея Нейжмака с писателем Александром Можаевым

Сегодня, когда Россия и ее народ снова проходят через испытания, особенно важно вслушиваться в голоса тех, кто умеет говорить о времени честно.

Писатель Александр Можаев общается мало, но каждое его слово несет в себе точность, выстраданность и глубокое уважение к памяти народной судьбы. Его скромность не показная, а настоящая, в сдержанности – та самая тишина, в которой рождаются подлинные смыслы русской литературы.

Разговор с Александром Николаевичем превратился не просто в интервью, а в глубокий диалог о времени, памяти, человеческом долге, семье. Можаев не навязывает выводов, но заставляет думать, не стремится поучать, но дает почувствовать правду, в которую верит сам.

Александр Николаевич Можаев – русский писатель, член Союза писателей России, лауреат Шолоховской премии. Родился 22 ноября 1955 года в хуторе Можаевка Ростовской области. Его произведения публиковались в самых престижных литературных изданиях страны. Автор книг и сборников «Вот приедет Ванечка», «На краю России», «Деркул – быстрая река», «За чертой», «Судный день».

Андрей Нейжмак: ***Александр Николаевич, сегодня многие молодые авторы ищут пути, чтобы попасть в так называемый литературный мир. Как в него попали Вы?***

Александр Можаев: Здесь нет универсальных рецептов. У каждого начинающего писателя свой путь в литературу. Но есть и некоторые общие моменты: многие начинающие писатели видят себя некими «сеятелями» «разумного, доброго вечного». Но со временем приходит понимание, что «разумное, доброе, вечное» давно уж посеяно и в большинстве своем оно никому неинтересно. И тогда молодой писатель вспоминает иные слова Некрасова: «И погромче нас были витии, / Да не сделали пользы пером... / Дураков не убавим в России, / А на умных тоску наведем». Что касаемо меня, я вижу миссию писателя в сохранении народной памяти. С этого я начинал, с этим в меру своих сил живу по сей день.

А. Н.: ***В любой биографии Александра Можаева мы сможем увидеть упоминание Михаила Шолохова. Этот великий русский писатель оказал огромное влияние не только на отечественную литературу, но и на мировую. Как Вы можете охарактеризовать творчество Михаила Александровича? Является ли оно для Вас «путеводной звездой»?***

А. М.: В жизни мне сопутствовала большая удача, мои первые рассказы «Чиканы», «Дед Серега», «Умирала баба Стеша», «Крещение»... прочел Михаил Александрович Шолохов. Я по сей день чувствую его поддержку. Кто для меня Михаил Шолохов? Русский гений, написавший лучший роман XX века «Тихий Дон».

А. Н.: Вспомните первое написанное Вами произведение. Это была проза или поэзия, которая более свойственна юной душе?

А. М.: Частично я уже ответил на этот вопрос, перечислил рассказы, которые когда-то передал М. А. Шолохову. До сих пор мне за них не стыдно, может быть потому, что во мне каким-то чудом прижился злейший редактор, вымарывающий все лишнее.

Этот «редактор» пришел ко мне из Литературного института. Литинститут никого еще не научил писать, зато многие сумели понять, «что такое хорошо и что такое плохо». Вот за это понимание я и благодарен своим учителям.

А. Н.: ***Сможете ли Вы перечислить Ваших учителей? Какие дисциплины они преподавали? Как их «уроки» помогли Вам в литературе, может быть, и в жизни?***

А. М.: Первым школьным учителем в начальной школе был мой дядя Стефан Леонтьевич, ветеран войны, орденоносец, человек правильный и суровый, сумевший в простой сельской школе получить звание «Заслуженный учитель РСФСР». Помнится, в классе третьем он свозил нас в музей «13 Героев Советского Союза» на станции Красновка. Гидом у нас был сам Стефан Леонтьевич. Он водил нас по комнатам и вдохновенно рассказывал о подвиге солдат, которые, прорвавшись к станции, захватили железнодорожные стрелки и, блокировав немецкие эшелоны, шедшие на Сталинград, более суток не выпускали их. А на следующий день ему позвонили из музея и сказали, что после ваших ребят пропали какие-то экспонаты. «Какой позор, какой позор!» взявшись за голову, сокрушался Стефан Леонтьевич. – «Я не буду выяснять, кто это сделал, но завтра, до моего прихода, чтоб все экспонаты лежали на моем столе».

Мы очень любили Стефана Леонтьевича, поэтому по пути домой, посовещавшись, решили поделиться своими домашними трофеями. На следующий день учительский стол был завален немецкими и русскими штыками, гильзами, касками и даже неразорвавшейся миной.

Стефан Леонтьевич вошел в класс, поздоровался, осмотрел стол и сказал: «Ребята, я должен перед вами извиниться. Мне позвонили из музея и сказали, что все экспонаты нашлись, их во время уборки перенесла в запасную комнату уборщица». Это и был, наверное, самый главный урок в нашей жизни, когда уважаемый человек, ветеран войны, орденоносец, мог искренне извиниться перед малолетними учениками.

А. Н.: ***Ваш творческий дебют пришелся еще на семидесятые-восьмидесятые годы. Уже в первых произведениях можно заметить неподкупный интерес к жизни простого народа на Дону и в районах, к нему примыкающих. Эта тема проходит почти через все Ваше творчество вплоть до последнего романа «За чертой», который поразил меня глубинной простотой мысли, описанием быта донских жителей и проблем, с которыми они сталкиваются. Не ощущаете ли Вы исчерпанность темы? Для многих может показаться непонятным, почему автор на протяжении всего творчества «занимается» только одним вопросом.***

А. М.: Мой творческий дебют произошел в московском альманахе «Истоки», где был опубликован мой рассказ «Пастухи». Но опять же, возвращаясь к выше сказанному, могу снова сказать, что, по моему мнению, у писателя может быть лишь одна тема и одна задача: сохранение народной памяти, поэтому совершенно разные произведения, показывающие разные исторические эпохи, разные жизненные ситуации, такие как «Деркул – быстрая река» или «За чертой», очень близки по духу.

А. Н.: ***В наши дни принято говорить об упадке чувства народности в России. Вы согласны с этим?***

А. М.: Народность как национальная самобытность никуда не делась. Во всяком случае, так верится мне. Несомненно, много в нашей культуре наносного, чужеродного, но на огромной глыбе русской культуры это всего лишь пыль. Россия легко пережила и французскую моду, и так усердно навязываемую большевиками «советскую идентичность», переживем и весь инородный мусор, ринувшийся к нам с перестройкой.

А. Н.: ***Какие писатели, помимо Вас, сегодня сохраняют народную память? Остались ли у русской земли «литературные богатыри»?***

А. М.: Таких писателей у нас, слава Богу, немало. Перечислять всех – дело неблагодарное, обязательно кого-то забудешь... Назову лишь несколько имен, совершенно разных по стилю и поднимаемым темам писателей. Это Владимир Крупин, Алексей

Шорохов, Михаил Калашников, Василий Воронов, Андрей Пиценко...

А. Н.: ***После распада СССР и возникновения разных писательских союзов авторы были вынуждены балансировать между творчеством и необходимостью зарабатывать на жизнь. Как с этим справлялись Вы?***

А. М.: Когда-то замечательный русский поэт Анатолий Жигулин написал: «Но стихи, к сожаленью, не кормят,/ Только поят, и то не всегда». Это верно. Прожить литературным трудом и в СССР, и после его распада было очень сложно. Всегда выручал физический труд. Плохо это или хорошо, трудно сказать. Физический труд отнимает много времени, зато дает большой жизненный опыт.

А. Н.: ***С какого момента у Вас появилась идея написания романа «За чертой»? Как шла работа над произведением? Насколько я знаю, Вы являлись непосредственным участником событий, предшествующих СВО.***

А. М.: Работать над романом «За чертой» было легко. Не нужно было ничего придумывать, я жил жизнью своих героев. И опять же пытался сохранить память о них.

А. Н.: ***Хочется подробнее узнать о том, чем Вы занимались, помимо написания романа, во время Русской весны, периода, который уже успел закрепиться не только в разговорах, телевизионных программах, но и в учебных пособиях.***

А. М.: В своем романе «За чертой» я как раз об этом и рассказал. Думаю, что читателю лучше обратиться к первоисточнику.

А. Н.: ***Я знаю, что Вашему примеру последовали и сыновья. Они являются участниками СВО. Что заставило их пойти на фронт? На каком участке передовой они находятся/находились? Как проходит их служба?***

А. М.: В СВО участвовал лишь один мой сын, Василий. Он настоящий воин. Участник штурма Грозного в двухтысячном году, был контужен. В четырнадцатом-пятнадцатом годах воевал в ополчении Донбасса в бригаде «Призрак», был ранен... В двадцать втором году мобилизован на СВО, в этом же году получил тяжелое увечье, перенес операцию в клинике Вишневского в Москве. Вернулся в строй. Воевал на Запорожском направлении. В одном из штурмов подорвался на мине, лишился ноги...

А. Н.: ***В Вашем романе «За чертой» обрисованы события до начала специальной военной операции. Уже с тринадцатого-четырнадцатого годов я, проживавший на юге Ростовской области, не мог не заметить, насколько сильно жители моего города сопереживают братьям из Донецка и Луганска. Вы родились в северной части Дона и всю жизнь находились рядом с Донбассом. Являются ли люди, родившиеся в восточной Украине, все-таки русскими по своему характеру, культуре, языку?***

А. М.: Я родился в городе Луганске, но все годы прожил в 40 километрах от него, в родовом хуторе Можаевка, это уже Россия. Бóльшая часть Луганской области – историческая территория Войска Донского, да и сам Луганск на три четверти заселен бежавшими от расказачивания и раскулачивания казаками. Так что и по духу, и по культуре, и по языку мы один народ.

А. Н.: ***Недавно на интернет-странице «Родной Кубани» я увидел прекрасные стихи Виктории Можаевой, а затем узнал, что она является Вашей супругой. Как на протяжении уже большого количества времени уживаются в одной семье два творческих человека?***

А. М.: Легко уживаются! Два близких по духу человека всегда дополняют друг друга.

А. Н.: ***Как и когда Вы с супругой познакомились? Как складывалась Ваша совместная жизнь?***

А. М.: С Викторией мы познакомились в Литинституте. Поженились на третьем курсе. Было нелегко, но любовь помогала преодолевать все трудности...

А. Н.: ***Стихотворения Виктории Валерьевны***

стали для меня (да и для многих читателей «Родной Кубани», включая писателей, поэтов, ученых, студентов) настоящим открытием. Не кажется ли Вам странным то, что подлинная народная поэзия Вашей супруги обойдена вниманием крупных российских СМИ, «широкого» читателя?

А. М.: Виктория – поэт-одиночка, она далека от каких-либо группировок-«тусовок», а таких у нас обычно замалчивают. Нельзя сказать, что она совсем не замечена, в двадцатом году за Донбасский цикл она стала победителем Шолоховской премии, хотя здесь нужно все же отдать должное врагам, на нацистской Украине ее заметили гораздо раньше и уже с 2014 года занесли на сайт «Миротворец».

А. Н.: ***Я, как человек, проживающий сейчас в Краснодарском крае, не могу не спросить о том, как связана Кубань с Вашей биографией и творчеством.***

А. М.: Кубань и Дон – два казачьих края. Их связывают общая история, общие трагедии и победы. Я же и по роду своему, и по духу – казак. Поэтому Кубань и Дон для меня родные и нераздельны.

А. Н.: ***Насколько близко Вы знакомы с современной кубанской литературой? Каких авторов читали? Какие произведения запомнились более остальных? Возможно, у Вас есть любимые книги среди них?***

А. М.: Я не могу назвать себя большим знатоком кубанской литературы, поэтому ответ мой будет неполным и субъективным. Назову лишь два имени, с которыми у меня ассоциируется литература Кубани (пусть другие меня простят за неведенье). Мое знакомство с кубанской литературой произошло много лет назад после прочтения статей замечательного критика Юрия Павлова. Еще не зная Юрия Михайловича лично, я увидел в нем близкого мне по духу человека. В прошлом году благодаря журналу «Родная Кубань» я открыл для себя замечательного русского писателя Андрея Пиценко. И это для Кубани уже немало!

А. Н.: ***Еще в сентябре Вы стали участником научной конференции имени Юрия Селезнева, которая прошла в стенах факультета журналистики Кубанского госуниверситета. Как узнали об этом мероприятии? Какие впечатления у Вас оставила конференция?***

А. М.: Я очень благодарен журналу «Родная Кубань», который пригласил меня на это замечательное мероприятие. Каюсь, до этого я несколько скептически относился к нашей молодежи, видя в ней некую душевную леность, но здесь, слушая глубокие помыслы, высокие по духу выступления молодых людей, устыдился и тут же возрадовался: «Жива еще Россия! Вот ее будущее!»

А. Н.: ***В конце нашей беседы хочется поинтересоваться Вашими творческими планами. Думаю, что Вас, прежде всего как патриота своей страны, волнует судьба России в эпоху современного геополитического передела, которая вылилась в СВО. Может ли читатель надеяться на то, что Ваше творчество после романа «За чертой» не обойдет эту тему? Возможно, Вы пишете совсем о другом?***

А. М.: Еще исстари говорили: «Хочешь рассмешить Бога – расскажи о своих планах». Меня, конечно же, волнует судьба России. Думы о судьбе моей Родины – ежечасная боль. Во что выльется эта боль, покажет время. ■

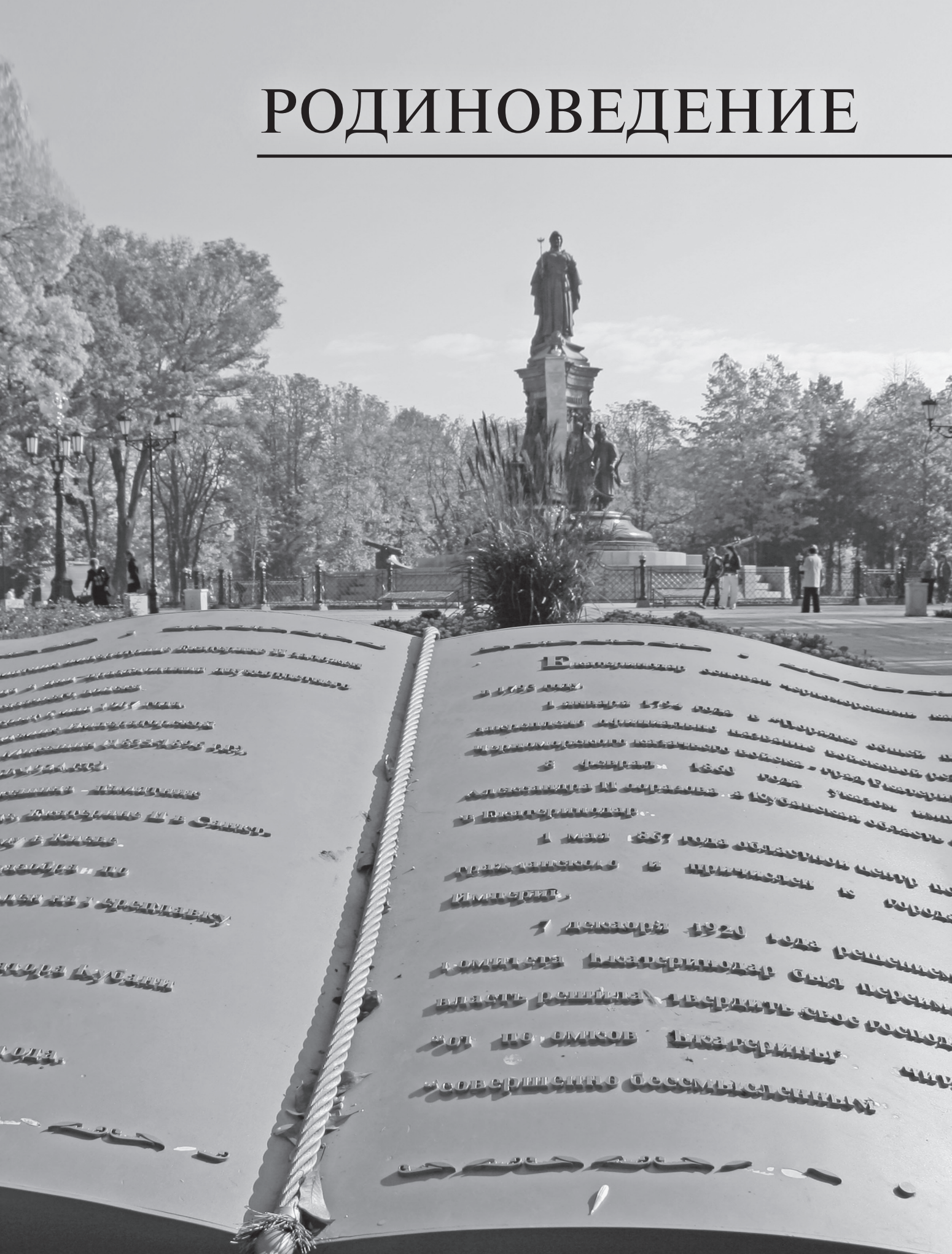
Редакция журнала «Родная Кубань»
поздравляет Александра Николаевича с 70-летием!
Желаем несокрушимого здоровья и долгой
творческой жизни.

Герб
Голубицкого сельского
поселения
Темрюкского района
Краснодарского края

Герб
муниципального
образования город
Горячий Ключ
Краснодарского края

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Архив Олега Матвеева

ОЛЕГ МАТВЕЕВ

Родился в 1965 году в Стерлитамаке. Доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета. Автор многих фундаментальных работ по казачеству и истории народов Северного Кавказа.
Живёт в Краснодаре.

ЖЕМЧУЖИНА ЮЖНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Станица Голубицкая, радующая сегодня кубанцев и гостей края доступным отдыхом, является настоящей жемчужиной Южного Приазовья. К сожалению, мало кто из отдыхающих задумывается о том, что уникальный природный ландшафт Темрюкского залива, который разделяет станицу на спускающуюся к Азовскому морю нижнюю часть (местные жители называют ее Низ) и возвышенную верхнюю (Верх), хранит память об освоении и защите этого райского уголка отважными и предприимчивыми казаками и крестьянами.

Название поселения, по-видимому, происходит от фамилии сотника Голубицкого, который прибыл в 1792 г. в ходе переселения Черноморского казачьего войска на Таманский полуостров и основал здесь свой хутор[1]. Известно, что Григорий Голубицкий родился в 1745 г., участвовал в абордажных боях с командами турецких судов во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и в штурме крепости Березань, за храбрость произведен Г. А. Потемкиным в чин армии прапорщика. Был известен как грамотный и честный офицер, которого назначили после переселения на Тамань смотрителем Старотемрюкского провиантского магазина[2].

В. А. Абрамов приводит другую версию, согласно которой поселение было основано казаками-некрасовцами, назвавших его «Голубицкое» по имени реки (приток Дона), где ранее жили казаки[3]. Однако, во-первых, в литературе известен некрасовский городок под названием не Голубицкий, а Голубинский. В Калачевском районе Волгоградской области есть станица Голубинская, название которой происходит от правобережного притока Дона – Голубой. Во-вторых, существование топонима «Голубинский» на территории Таманского полуострова не подтверждается историческими источниками[4].

Перепись 1926 г. называет датой основания Голубицкой 1825-й [5]. В этом году, по-видимому, оформилось несколько хуторов под общим наименованием Голубицкие. В конце 1855 г. у Голубицких хуторов появилась неприятельская эскадра. Дальнобойные орудия британских военных судов почти полностью разрушили хутора[6].

В одном из документов со слов жителей 9 сентября 1903 г. сообщалось, что хутор Голубицкий «основан 40 лет тому назад»[7], т. е. в 1863 г. Известно, что в 1861 г. на территории бывших хуторов осела часть жителей бывшей станицы Темрюкской[8]. 19 марта 1879 г. на основе вновь образованного хутора был создан поселок Голубицкий, который был отнесен к станице Ахтанизовской[9]. По другим данным, поселок Голубицкий станицы Ахтанизовской Темрюкского уезда был образован решением Военного Совета от 13 мая 1880 г.

С 1891 г. поселок Голубицкий, соглас-

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/.*

но Положению об общественном управлении казачьих станиц, был преобразован в хутор. В это время здесь проживали 364 мужчин и 313 женщин, из них к казачьему сословию относились 195 мужчин и 163 женщины, к иногородним – 169 мужчин, 150 женщин[10]. В 1903 г. население хутора Голубицкого составило 551 человек мужского пола, 506 женского пола, в том числе 365 душ – неказачьего сословия[11].

Центром духовной жизни хутора стал возведенный в 1896 г. кирпичный храм во имя святого Великомученика и Целителя Пателеимона[12]. Храм был построен по проекту «неклассного художника архитектуры» Александра Петровича Комарова[13]. В прошении, подписанном священником Григорием Малиновским и голубицким хуторским атаманом С. Костенко на имя епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора, отмечалось: «Так как ближайшая станица Ахтанизовская (место жительства нашего причта) отстоит от хутора Голубицкого в 11 верстах, а город Темрюк – в 7 верстах, и все пространство между хутором и Темрюком глубоко затопляет водой, то некоторые из беднейших жителей, за неимением лошадей, даже в течение года и более не причащают младенцев, а также лишены возможности слушать Божественную Литургию. Во избежание сих печальных неудобств и в утешение нам осмеливаемся усерднейше просить В. П. выдать нам святый Антиминс, мы же со своей стороны обязываемся заботиться о безбедном существовании своего Св. Храма»[14].

В основе желания обзавестись собственным храмом лежали, по-видимому, не только природные катаклизмы. Хуторяне тяготились опекой со стороны станицы Ахтанизовской и хотели обзавестись всеми атрибутами полноценного поселения. В одной из заметок начала XX в. говорилось: «Заветная мечта голубинцев – поскорее отделиться в земельном и др. отношениях от станицы Ахтанизовской и поднесь остается неосуществленной. В просьбе об отделении хутора Голубицкого от станицы Ахтанизовской и желание наших хуторян превратить хутор в самостоятельную станицу возбужден года три тому назад. В свое время было устроено несколько совместных (станицы и хутора) сборов, выработаны были условия отдела, состоящие из 11 параграфов, по коим выражено обоюдное общественное согласие, были представлены куда следует посемейные списки станицы и хутора, наконец, атаман Темрюкского отдела при проезде через хутор лично обещал обществу ходатайствовать о скорейшем отделении хутора от станицы и в результате – голубинцы до сих пор находятся под ахтанизовским игом. Мы не раз в печати жаловались на несправедливое отношение ахтанизовцев к голубинцам, но все это остается "гласом вопиющего в пустыне". Ахтанизовцы по-прежнему держат беззащитных хуторян наших в ежовых рукавицах. Все земельные и другие побочные доходы они взяли в свои руки, и таким образом касса хуторян всегда пуста»[15]. Собственный хуторской храм в таких условиях выступал символом местной идентичности. Станичного статуса хуторяне добились, по-видимому, не позднее 1915 г., поскольку в документе о местном училище на 1 января 1916 г. Голубицкая названа станицей[16].

Интересы жителей Голубицкой отстаивало хуторское самоуправление, представленное сбором и атаманской властью. Известны имена нескольких голубицких атаманов: в 1880 г. – казак Алексей Мигиль, в 1882 г. – урядник Иван Гордиенко, в 1885 г. – урядник Никита Кобзарь, в 1891–1895 гг. – урядник Мина Иванович Зинченко, в 1895 г. – урядник Петр Коваленко, с 1896 г. – Мина Иванович Зинченко, с 5.04.1907 г. – ка-

зак Исай Никитич Шаповал, с 20.08.1907 г. – Григорий Семенович Дудник, с 1911 г. – Марченко[17].

Согласно Первой переписи населения 1897 г., на хуторе Голубицком проживали 756 душ обоего пола (130 семей), из них казаки составляли 513 человек (278 мужчин и 235 женщин), неказаки – 263 человека (145 мужчин и 118 женщин). По вероисповеданию 129 семей придерживались официального православия (81 казак и 48 неказаков), 7 семей по родному языку были русскими (все – неказаки), 123 – малороссами (81 казак, 42 неказаков). Грамотой владели 105 мужчин (64 казака и 41 иногородний) и 18 женщин (13 казачек и 5 иногородних)[18].

Среди старожильческих казачьих фамилий в поселке Голубицком были известны Барабаш, Гордиенко, Игнатенко, Кобзарь, Коваленко, Костенко, Марченко, Мигиль, Пащенко, Пятак, Соколенко, Суббота, Серые, Сидоренко, Тищенко, Шаповал, Штеба, Яновский и др.; среди иногородних: Гавриш, Веселые, Водопьян, Лавренко, Красненко, Карнаух (Карнаушенко), Нефедовы, Подопригора, Ткаченко, Умрихины и др.[19]. В одной из корреспонденций в 1903 г. К. Т. Живило писал: «В административном отношении Голубицкий хутор прежде был причислен к станице Темрюкской, а когда казаки переселились в станицу Варениковскую и на месте станицы учрежден был г. Темрюк, то хутор приписали к станице Ахтанизовской. В Голубицком хуторе 130 дворов. Население казачье. Люди здоровые и красивые. Главное занятие – земледелие и отчасти рыболовство в море. Жители живут довольно богато, хотя жалуются на малоземелье. Здесь душевой пай равняется 6 десятинам»[20].

Сообщая о материальной культуре станицы, К. Т. Живило отмечал, что «дома жители делают из самана. Крыши больше камышовые. Дома просторны, прочны, сухи и выглядят щеголевато. В случае пожара сгорит крыша, а остов останется без повреждения. Саманки устраиваются и для птицы, и для свиней, около моря рыбаки, устраивая для цыплят обычные сооружения из камыша, обмазывают их глиной, чем цыплята предохраняются от коршунов, ненастья и бурь»[21]. Согласно нашим полевым материалам, в Голубицкой возводили также дома из дерна, который резали на кирпичи и сушили, в качестве раствора использовали глину[22]. В традиционной системе питания первое место принадлежало рыбе, которую варили, сушили, запекали, она была суповой основой, самостоятельным блюдом и дополнялась гарнирами, служила источником жира, спасала в голодные годы, когда от отсутствия хлеба вымирали целые степные станицы[23].

К. Т. Живило сообщал, что «местами песчаная почва была брошена жителями, так как посеянный хлеб выдувался ветрами. Но вот казак Костенко попросил себе 3 десятины земли под виноградник. Посмеялись старики такой затее, но дали приговор на отведение негодной земли. Вместо пшеницы Костенко посеял арбузы. Каково же было удивление всех, когда арбузы получились до пуда весом, чрезвычайной сладости и в таком количестве, что хозяин не мог свезти всех. В этом году Костенко посеял еще баштан (бахчу. – О. М.), картофель и посадил более 300 корней винограда. Осматривая 1 августа (1903 г. – О. М.) посадки, я удивился, видя, что на песке ботва баштана зеленела, как весной, арбузы настолько крупны, что порою один человек с трудом поднимает два арбуза. Картофель отличается величиной и вкусом. <...> За 4 месяца виноград дал побеги более аршина и в первый же год до 200 кистей винограда»[24]. На хуторе выращивали сочный и вкусный

виноград «Чаус», под который было отведено 20 десятин земли. Однако К. Т. Живило сетовал, что голубинцы на развитие виноградарства обращали мало внимания, считая виной тому «обильное рыболовство»[25]. По данным дореволюционного исследователя М. О. Поночовного, лучшие виноградники были в начале XX в. на хуторе Голубицком у казаков Шевченко и Коваленко[26].

К другим достопримечательностям хутора относился «старый сад покойного Ивана Лукича Посполитаки» в 12 десятин, заложенный в 1848 г., где «были посажены лучшие садовые деревья и виноград из Крыма». Здесь «груши, яблоки, абрикосы, персики самого высокого качества. Благодаря мягкому климату и легким зимам виноградники не закапываются, а плодовые деревья дают редкого качества по вкусу плоды»[27].

Наряду с Пантелеимоновской церковью центром духовности стало смешанное станичное училище, открытое в 1908 г. Заведующим учебного заведения стал Николай Федорович Калин, окончивший Темрюкское городское училище. Вторым учителем служила его супруга Евдокия Георгиевна, окончившая женское епархиальное училище. Законоучителем служил местный священник о. Николай Кондратов, выпускник Ставропольской духовной семинарии. Урядник Мина Георгиевич Шевченко преподавал военную подготовку и гимнастику. В 1916 г. в Голубицком станичном училище обучались 54 мальчика и 33 девочки[28].

Казаки станицы Голубицкой приняли активное участие в Первой мировой войне, проявив мужество и героизм. Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней был награжден младший урядник 3-го кубанского пластунского батальона Дудник Павел Семенович, 4-й степенп – старший урядник 2-го Таманского полка Архип Кононович Барабаш, старший урядник 3-го Таманского полка Федот Барабаш, вахмистр 2-го Таманского полка Кобзарь Дмитрий Кириллович, вахмистр 3-го Таманского полка Кобзарь Игнатий и др.[29].

В 1923 г. в юрте станицы Голубицкой была создана коммуна «Рыбак». Члены коммуны должны были заниматься рыбным промыслом и сельским хозяйством. В 1924 г. в коммуне состояло 15 эстонцев-эмигрантов из США и 7 местных жителей. Просуществовав около двух лет, коммуна была признана центром враждебной пропаганды против советского уклада жизни и ликвидирована[30].

Согласно переписи 1926 г. в станице Голубицкой имелось 303 хозяйства, проживали 1432 жителя (713 мужчин и 719 женщин) преобладающей «украинской национальности»[31]. В 1930-е гг. жители Голубицкой составили рыболовецкий колхоз «Труженик моря» и колхоз «Путь Ленина», который занимался выращиванием сельскохозяйственной продукции[32]. Жителей нижнего края станицы называли мазановцы, верхнего – загоряне[33].

Невосполнимые потери выпали на долю станицы в годы Великой Отечественной войны. В акте Краснодарской краевой комиссии по результатам расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков в станице Голубицкой от 25 марта 1944 г. отмечалось: «Станица Голубицкая была оккупирована в августе 1942 г. С первых же дней немцы приступили к грабежам, массовым арестам, расстрелам и угону в рабство мирного населения. Арестованных подвергали ежедневно допросам и избиениям шомполами. Особенно немцы издевались над девушками станицы. Большинство арестованных граждан они расстреливали, причем перед расстрелом арестованных заставляли копать для себя яму. Расстреливали в упор из автоматов и пистолетов. В конце марта 1943 года немецкие солдаты из станичной

комендатуры арестовали по подозрению в принадлежности к партизанам молодежь станицы: Штеба Григория Степановича, 1926 г. р.; Штеба Николая Степановича, 1926 г. р., Голубь Николая Александровича, 1922 г. р.; Карнаушенко Леонида Яковлевича, 1924 г. р., Игнатова Василия, 1927 г. р. и двух военнопленных моряков – Голубова и Кочубея Григорьева. Всех их подвергли допросам и избиениям, затем в тот же день вывели на восточную окраину станицы, заставили выкопать яму, после чего всех расстреляли»[34]. Виновниками этих преступлений стали районный военный комендант майор Паоль, начальник полиции Мудрый и станичный атаман С. Ф. Марченко[35]. На территории Голубицкой после освобождения было обнаружено массовое захоронение расстрелянных жителей станицы, из которого извлекли до 50 трупов[36]. Немцы разорили Пантелеимоновский храм[37], из 2734 человек, проживавших в Голубицкой, 2510 человек были угнаны в Германию[38]. Бои за освобождение станицы длились 9 суток – с 29 сентября по 6 октября 1943 г., при этом погибли до 2 тыс. красноармейцев и жителей Голубицкой[39]. По сути дела, старое население станицы было истреблено, что самым драматическим образом сказалось на механизме преемственности поколений.

После Великой Отечественной войны на рыболовстве отрицательно сказывалась разобщенность в рыбном хозяйстве, поскольку коллективы рыбаков подчинялись одной организации, а орудия лова – другой. Поэтому в сентябре 1955 г. рыбколхозы и моторно-рыболовные станции были переданы в ведение единого управления, а в июле следующего года был утвержден новый Устав рыболовецкой артели. Бригады рыбсовхозов использовали для лова сеть-волокушу. Местный старожил В. Ф. Штеба рассказывал нам: «Волокуша была, брали тогда несколько человек из бригад "Труженика моря" (рыбсовхоз. – О.М.), невод уже был заготовлен, лодки там. Неделя там или сколько, идет облов рыбы в лимане. А потом опять закрывают. <...> Осенью. <...> На лодку одну большую набирают этот невод, а он – до девятисот метров. И лодка эта загребная, на сколько-то метров забрасывают полумесяцем сеть. И потом веревки метров по сто завозять на крылья специально. А на берегу воротА – сделана как будто деревянная бочка и станок, чтоб бочка не выскакивала. И такой шест, и по два человека пинають с одной и с другой стороны. И со дна, назывались бежная и пятная. Это от крыльев невода, одно крыло большое, а другое коротьше. <...> Оставляли на лодке человека. Он весить над мотней невода, над мешком в центре, и командываеть. У него вехА такая, небольшая. Он командуеть, какой приостановиться – или бежной или пятной, а ту – подтянуть, чтоб быстрей. Все время тут один человек был, опытный такой. <...> На шесту что-то такое, чтоб его видно было. И он ей машет направо и налево, где меньше, а где больше. Когда быстрей надо двигать».

Рассказ старого рыбака поражает обилием специальной терминологии и подробным описанием деталей рыбного промысла голубинцев: «Расстояние от брыгады до брыгады – ограничение былО. Вынесешь немного дальше от своей брыгады, начинает бригадир другой брыгады возражать. Тогда приезжали из колхоза и говорили сеть убрать. <...> Уходили килОметра на три. Но тада вентеря ставилы. Суда были, но не у прибрежных бригад, мы еще на веслах работали. Только в шиесят четвертом или в шиесят третьем начали поступать на лодки моторы. Небольшие, одиннадцатисильные. А то мы на веслах работали. <...> Есть для мелкой, частиковой рыбы, эти (сети. – О. М.) осенью ставили. И весной на частиковую тоже

ставили, это ячея размером тридцать четыре. Это на тарань, на частиковую. А на судака – пятидесятка. <...> Ставные были (сети. – О. М.). Для них получали материал: проволоку, веревки и лес-кругляк сосновый метров семь-восемь. <...> Тут вот пузэнь забивается. Вот один котел, вот это шире – другой котел, чуть шире. Вот середина, а вот сюда идет крыло, и сюда. Вот так сюда и сюда, а вот это будет средина. Берется проволока. Вот это котел, тут вентэря. Ставятся такие стояны, семь-восемь метров, по глубине. <...> И тут тоже вентэря. Второй вэнтэрь, третий вэнтэрь. И на это ставится сеть. <...> Вот это называется упорная. Тут все с проволоки. А от этого идет длинная снасть, примерно триста, двести пятьдесят метров на кухтылях. Веревка вот сюда тянется, и здесь якорь. Чтоб ее не таскало туда-сюда, бьются утугы. <...> Это колья, забиваются в грунт. <...> Когда рыба идет, она толкается. Отсэдова и отсэдова толкается и идет по стенке. И заходит в этот самый котел, вот сюда. И тоже упирается в стенку. И куда ей идти? А тут такие хитрые уходы. Там веревки натягиваются выше воды. И тут та же самая петрушка, уход. Если она зашла сюда, назад она уже редкой выйдет. Будет по стенке к котлу идти и все. А мы вот сюда заходим на лодке. Становымся вот в это место. Тут есть такие веревки, мы веревки подымаем на борт лодки. И здесь тоже лодка встает. Отдает он усики, и оно падает. Отдает тогда, когда мы поднимаем дно сетки на лодку. И мы подрезаем. За снасти постепенно на лодку опускаем. А рыбу сгоняем вот сюда, тыл называется. Все, что есть, забираем в лодку, и опять опускаем»[40].

Используемые для ловли лодки «называли бАйда. Это по-местному. Плоскодонные они. С килем у нас не было»[41].

В 1990-е – 2000-е гг. на рыбный промысел на Таманском полуострове отрицательное воздействие оказывала ухудшившаяся экологическая ситуация, а также приватизация рыбных мест частными компаниями и предпринимателями.

В 2002 г. в станице проживало 4085 жителей. Из них 3690 составили русские, 141 – украинцы, 23 – белорусы, 114 – армяне, 4 – грузины, 2 – азербайджанцы, 21 – татары, 7 – греки, 23 – немцы, 2 – цыгане, 23 – болгары. В 2010 г. численность населения выросла до 5083 чел., в 2018 г. – до 5570. В настоящее время поселение носит курортный характер, жители занимаются сезонной сдачей жилья внаем, а в непосредственной близости от пляжей располагаются более 100 гостевых домов, баз отдыха и пансионатов. Основное предприятие – производитель винограда – ОАО АПФ «Голубицкая». Кроме того, вблизи станицы находятся 1600 гектаров виноградников компании «Villa Romanov», с урожая которых производится российское игристое «Romanov».

Для того чтобы курортная обыденность не задвинула на задний план память о станице героев, тружеников-виноградарей и рыбаков, прошлое яркой жемчужины нашего Приазовья нуждается в более детальном прочтении. Необходимо привлечение усилий таманских краеведов и профессиональных историков, тщательное изучение архивных данных и других источников. Призываю к этому нелегкому делу моих читателей, подвижников и любителей родного края. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

[1] Вахрин С. И. Биографии кубанских названий / Под ред. В. Б. Виноградова. – Краснодар-Армавир: АГПУ, 1995. – С. 25.

[2] Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до Октября 1917 года / авт. идеи, словника, научн. ред., рук. авт. колл. Б. А. Трехбратов. – Краснодар: Эдви, 1997. – С. 122.

[3] Абрамов В. П. Лингвистический историко-топонимический словарь Кубани: около 2000 статей. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – С. 142–143.

[4] Сень Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.) / научн. ред. В. Н. Ратушняк, В. И. Черный. 2-е изд., испр. и дополн. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2002. – С. 35.

[5] Список населенных мест Кубанского округа. Составлен по материалам Всесоюзной Переписи 1926 года, перечисленным в границах районов, установленных в мае 1927 года, и по дополнительным данным Статотдела и др. ведомств. – Краснодар: Глав. тип. Кубполиграфа, 1927. – С. 51.

[6] Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар: Тип. Куб. обл. правл., 1913. Т. II. – С. 516.

[7] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 418. – Оп. 1. – Д. 4837. – Л. 8.

[8] Богданова И. А. Темрюк и темрючане: конец XIX – начало XX в. // Вестник архивиста Кубани. Научный историко-архивный альманах. – Краснодар: Диапазон-В, 2011. – № 6. – С. 94

[9] Кубанские областные ведомости (КОВ). –1880. – № 22. – 14 июня. – С. 2.

[10] Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – Ф. 135. – Оп. 49. – Д. 328. – Л. 6 об., 8.

[11] ГАКК. – Ф. 418. – Оп. 1. – Д. 4837. – Л. 8.

[12] Михайлов Н. Т. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сел, станиц и хуторов) // Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. – М.: Изд-во Надыршин, 2008. – С. 701.

[13] ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 49. – Д. 328. – Л. 13.

[14] Там же. – Л. 27–28.

[15] Добродий. Хутор Голубицкий // КОВ. – 1907. – № 30. – 7 февраля. – С. 2.

[16] ГАКК. – Ф. 472. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 85.

[17] URL: http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/bazy_dannykh/0-23 (Дата обращения 20.06.2018).

[18] Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / под ред. Л. В. Македонова. – Екатеринодар: Тип. Куб. обл. правл., 1906. – С. 276–279.

[19] ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 49. – Д. 328. – Л. 5 об. – 7 об.

[20] Живило К. Хутор Голубицкий // КОВ. – 1903. – № 200. – 13 сентября. – С. 1.

[21] Там же.

[22] Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 2017 года (ПМ КФЭЭ-2017). Ст-ца Голубицкая Темрюкского района Краснодарского кр. А/т Гол-2. Инф. Штеба В. Ф., 1933 г.р., Штеба В. В., 1938 г.р. Иссл-ль О. В. Матвеев.

[23] История, этнография, фольклор Кубани. Т. IV. Темрюкский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. – Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2019. – С. 90.

[24] Живило К. Указ. соч. – С. 2.

[25] Там же.

[26] Поночовный М. О. Сборник научных статей в 2-х ч. / Сост. О.П. Бридня. – Краснодар: ККЦНО «Знание», 2001. – Ч. II. – С. 32.

[27] Живило К. Указ. соч. – С. 2.

[28] ГАКК. – Ф. 472. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 85–86 об.

[29] Стрелянов (Калабухов) П. Н. Казаки Кубанского войска в Великой, Гражданской войнах и эмиграции. Чины конных полков, пластунских батальонов, артиллерийских батарей, особых сотен, военно-учебных заведений и войсковых структур. – М.: Стихира, 2017. – Т. I (А-Л). – С. 72, 436, 633.

[30] История, этнография, фольклор Кубани. – Т. IV. – С. 30.

[31] Список населенных мест Кубанского округа. – С. 51.

[32] История, этнография, фольклор Кубани. Т. IV. Темрюкский район. – С. 30.

[33] ПМ КФЭЭ-2017. Ст-ца Голубицкая Темрюкского района Краснодарского кр. А/т Гол-2. Инф. Штеба В. Ф., 1933 г. р., Штеба В. В., 1938 г. р. Иссл-ль О. В. Матвеев.

[34] Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Краснодарский край: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цумова; отв. ред. С. Г. Темиров; сост. Н. Г. Попова. С. Г. Темиров. – М.: Фонд «Связь эпох», 2020. – С. 316.

[35] Там же. – С. 317.

[36] Там же. – С. 333.

[37] Там же. – С. 330.

[38] Там же. – С. 446.

[39] Григорьев И. Откуда Русь пошла? // Полуостров Тамань. – 2007. – 17 января. – С. 7.

[40] ПМ КФЭЭ-2017. Ст-ца Голубицкая Темрюкского района Краснодарского кр. А/т Гол-2. Инф. Штеба В. Ф., 1933 г.р., Штеба В. В., 1938 г.р. Иссл-ль О. В. Матвеев.

[41] Там же.

Даниил Перенижко, аспирант КубГУ

ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ: НАЧАЛО ПУТИ

Начало переселения казачества на Кубань в конце XVIII столетия ускорило развитие этого региона в составе Российской Империи. Массовое прибытие казачьего населения в 1792–1793 гг. позволило создать не только экономический фундамент для существования новых границ государства, но и условия для их охраны. С этого момента приток поселенцев не прекращался, поскольку плодородные южные земли давали возможность вести хозяйство с большой эффективностью. Была, однако, и еще одна причина активного переселения новых жителей. Для увеличения темпов развития региона перебравшимся на Кубань нередко предоставлялись налоговые послабления. Кроме того, крестьяне и мещане нередко впоследствии зачислялись в казачье сословие [1, С. 212 – 215].

Необходимость в усилении обороноспособности приграничного региона и в первой половине XIX в. требовала от власти постоянно увеличивать население Кубани. Например, издавались указы о переселении на юг государственных крестьян, жителей южных губерний Российской Империи. Тем более, что предоставленные новым жителям льготы зачастую давали возможность на протяжении 10–15 лет не платить податей и свободно торговать [2, С. 181].

Развитие сельского хозяйства (в особенности скотоводства), а также рыболовства по рекам и вдоль берега Азовского моря активно способствовало развитию торговых отношений и позволяло региону войти во всероссийский рынок, укрепив экономическое положение поселенцев [2, 226 – 227]. Не менее важную роль сыграло и создание портов.

После окончания Кавказской войны в 1864 г. начался еще один этап переселения на Кубань, вызванный необходимостью осваивать и развивать территории южнее Кубани. Именно в этот период боли основаны многие населенные пункты в округе Горячего Ключа. Реформы 1860-х гг., включая отмену крепостного права и разрешение селиться обычным крестьянам на казачьих землях, изменили демографическую картину притока населения на Кубань [2, С. 337].

Разметка новых поселений на территории Горячего Ключа начинается в апреле 1864 г. по предписанию наказного атамана Кубанского казачьего войска Ф. Н. Сумарокова-Эльстона [3, Л. 15]. В основе проектирования стояла простая, но необходимая логика – разбиваемые станицы должны были стать не только временной стоянкой, но и полноценными населенными пунктами, а соответственно, требовалось наличие целого ряда необходимых для этого критериев, в частности достаточное количество земли для крестьян, леса, а также близость к питьевой воде. В связи с этим большинство станиц были основаны вдоль р. Псекупс, р. Марта, р. Пчас и р. Шкелюк. [3, Л. 16]. Всего за несколько дней

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/.*

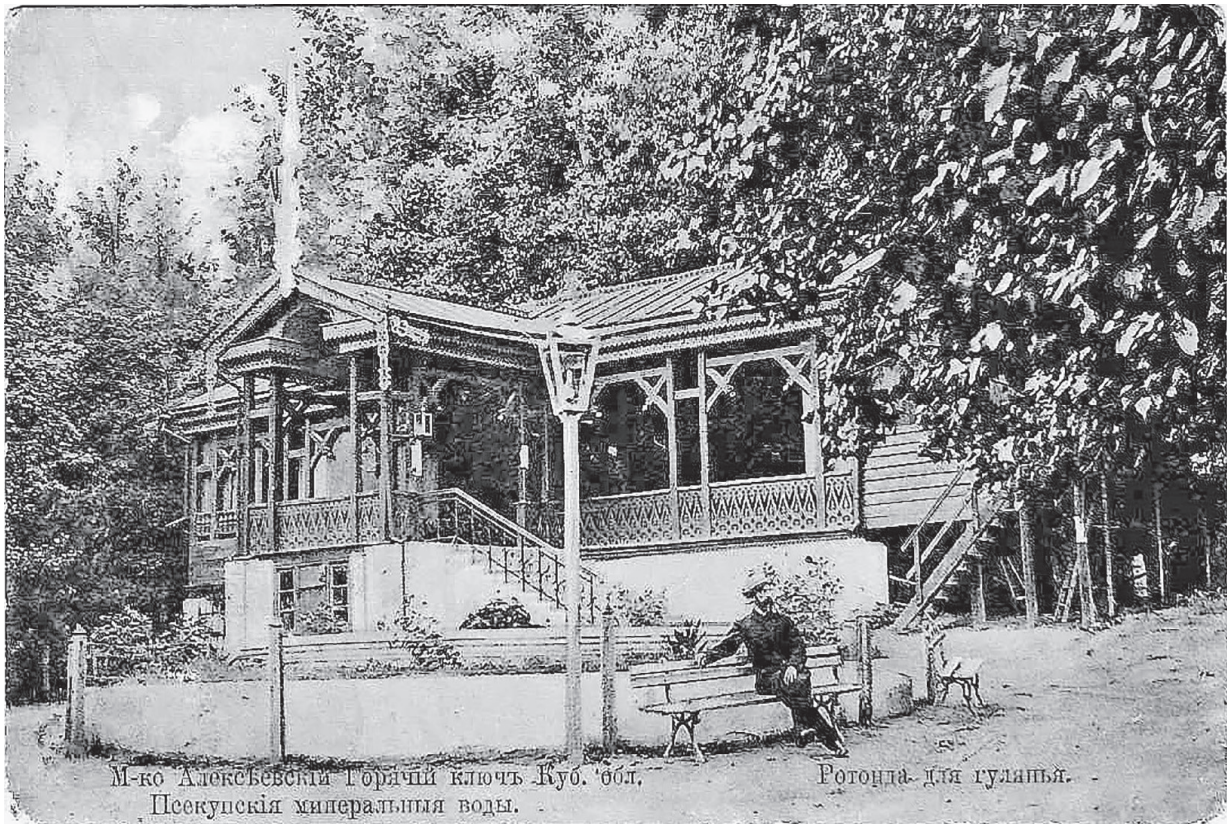

Открытка из архива В. В. Касьянова

были намечены места для разбития около десятка поселений. Так, от 16 апреля 1864 г. ведут свою историю станицы Чибийская (позднее переименована в Пензенскую), Пятигорская и Ключевая, а от 17 апреля – станицы Бакинская, Черноморская, Имеретинская, Псекупская (Саратовская), Пчасская (Суздальская) и Мартанская. Собственно, историю Горячего Ключа как населенного пункта тоже можно вести с 1864 г., когда наказным атаманом войска Ф. Н. Сумароковым-Эльстоном было получено разрешение на благоустройство минеральных источников [4, С. 7]. В это же время главный врач Екатеринодарского войскового госпиталя М. А. Рымашевский поставил на водах купальню и лазарет. [5, С. 16] Однако полноценное основание поселения произошло в мае 1868 г., когда Александр II утвердил положение «Об учреждении при Псекупских минеральных водах поселка под наименованием Горячий Ключ» [6, С 653 – 654].

Важной вехой в развитии всех сельских поселений региона в 1860-е гг. стало масштабное переселение на Кубань казаков и крестьян как из других регионов Российской Империи, так и из кубанских станиц, заселенных и отстроенных ранее. В частности, для появления первого населения недавно заложенных поселений, многочисленные крестьянские семьи приезжали из целого ряда кубанских станиц, так часть жителей прибыла из станиц Медведовской, Бриньковской, Роговской и многих других [7, С. 146–152]. Важно отметить, что переселенцы, как правило, приходили группами и жители одной конкретно взятой станицы, вероятно, и на новом месте селились вместе. В качестве примера отметим станицу Псекупскую, жители которой прибыли из станиц Пашковской, Новоджерелиевской, Старовеличковской и др. [8, С. 33], в то время как в станицу Имеретинскую прибывали из других поселений, в особенности из станиц Тихорецкой, Березанской, Динской [5, С. 21 – 22].

В составе пришедших в ходе заселения 1860-х гг.

Открытка из архива В. В. Касьянова

жителей можно отметить переселение в район Горячего Ключа казаков и крестьян из Полтавской, Харьковской, Воронежской, Киевской и некоторых других губерний [9, Л. 32]. Новопришедшие также селились группами, продолжая разделять общий быт, не в последнюю очередь по той причине, что дорога была непростой и дойти до назначенного места вместе зачастую было проще, не разрушая уже сложившиеся социальные связи. Однако были и случаи переселения единичных семей.

Иной важной особенностью заселения новых территорий было распределение земель среди семей из Линейного, Черноморского, Оренбургского и Донского казачьих войск, которые составили основной костяк населения в некоторых станицах. Выделяется среди них станица Ключевая, важнейшей особенностью которой был тот факт, что уже при ее основании предполагалось, что именно здесь будет находиться правление Псекупского полка. Поэтому развитие именно этой станицы (ныне упраздненной) было наиболее важным как для гражданского, так и для военного руководства [5, С. 17].

После основания селений темп их развития был достаточно скорым. Проследить это можно, исходя из нескольких фактов. Во-первых, сохранились данные о посещении в мае 1867 г. Псекупского казачьего полка Великим князем Михаилом Николаевичем – братом правящего императора Александра II. Его Императорское Высочество и наказной атаман Ф. Н. Сумароков-Эльстон посетили станицы Псекупскую и Ключевую [10, С. 75–76]. К указанному году в станице Псекупской уже был молельный дом, а в станице Ключевой в процессе

активного строительства была полноценная церковь, спустя всего три года после разбивки поселений, что указывает нам на исключительно быстрые темпы развития новых станичных поселений [10, С. 78].

Во-вторых, для понимания точных темпов экономического развития региона следует рассмотреть статистические данные о составе населения описываемых нами станиц. Достаточно репрезентативной может быть информация, дающая нам представление о росте населения в станице Мартанской. Изначально станица заселялась преимущественно казаками из Кавказского Линейного казачьего войска, откуда в общей сложности прибыли 134 семьи [5, С. 19]. Помимо казаков-переселенцев, на новом месте обосновывалось и некоторое количество представителей иных слоев населения. Точно проследить численность жителей станицы в середине 1860-х гг. возможным не представляется, однако согласно годовому отчету о состоянии станицы за 1878 г. в Мартанской и прилегающих территориях проживало в общей сложности 1689 человек, из которых 1087 человек принадлежало к казачьему сословию [11, Л. 12 – 13]. Эти данные уже способны составить у нас представление о колоссальных темпах роста населения на данной территории в течение первых 15 лет с момента заселения. При этом отметим, что важнейшим фактором, обеспечивающим увеличение численности населения, безусловно, служили миграционные процессы, которые нисколько не угасали.

Спустя немногим менее двух десятилетий, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи, проведенной в 1897 г., общая численность населения станицы Мартанской насчитывала 1542 человека, из которых 1242 причисляли себя к казачьему сословию [12, С. 30–31]. Исходя из сопоставления данных цифр, можно сделать два заключения. Во-первых, заметно вырос процент казачьего населения, данная закономерность в целом характерна для населенных пунктов региона. Во-вторых, большого роста населения именно в период после окончания массового переселения и активного строительства не произошло. Однако здесь немаловажно отметить один аспект, оказывающий сильное влияние на восприятие данных переписи населения. В 1878 г. Мартанское правление, вероятно, в число жителей станицы заносило также казаков и крестьян из окрестных поселений, при этом включая их в общую цифру проживающих в станице. [11, Л. 12–13]. В свою очередь, в данных от 1897 г. четко видно, что окрестные хутора занесены в отдельную графу и в них проживает еще 459 жителей, что в сумме дает нам 2001 человека [12, С. 30–31]. Таким образом, станица продолжает демонстрировать заметный рост населения, только теперь уже не скачкообразный, а равномерный.

Для того чтобы можно было точно сказать, является ли данная закономерность общей тенденцией развития региона, стоит провести сравнение станицы Мартанской и любого другого населенного пункта сопоставимого масштаба. В частности, со станицей Саратовской, общее число жителей которой по переписи населения 1897 г. составляло 2026 человек, что практически полностью совпадает с аналогичной цифрой в станице Мартанской. Итак, в 1873 г. в станице проживало немногим менее полутора тысяч человек в 226 дворах [8, С. 33–34]. К 1897 г. их число возросло, но не радикально (составив уже упомянутые нами 2026 человек), что показывает нам важный факт – темпы роста населения в станицах вокруг Горячего Ключа примерно одинаковы и являют собой общую тенденцию развития сельских поселений данного региона.

Другой важной закономерностью развития описываемых нами поселений стоит отметить попытки создавать и улучшать социальное пространство граждан. В частности, на протяжении 1860-х – 1880-х гг. происходит активное (насколько позволяли возможности) строительство местных церковных сооружений, тем более, что большинство населения причисляло себя к православной вере. Помимо возведения церквей, власти и станичники старались открывать местные школы для увеличения численности населения, обученного грамоте, однако эти усилия нельзя назвать исключительно успешными, поскольку, например, в станице Ключевой к концу XIX в. от общего числа жителей гра-

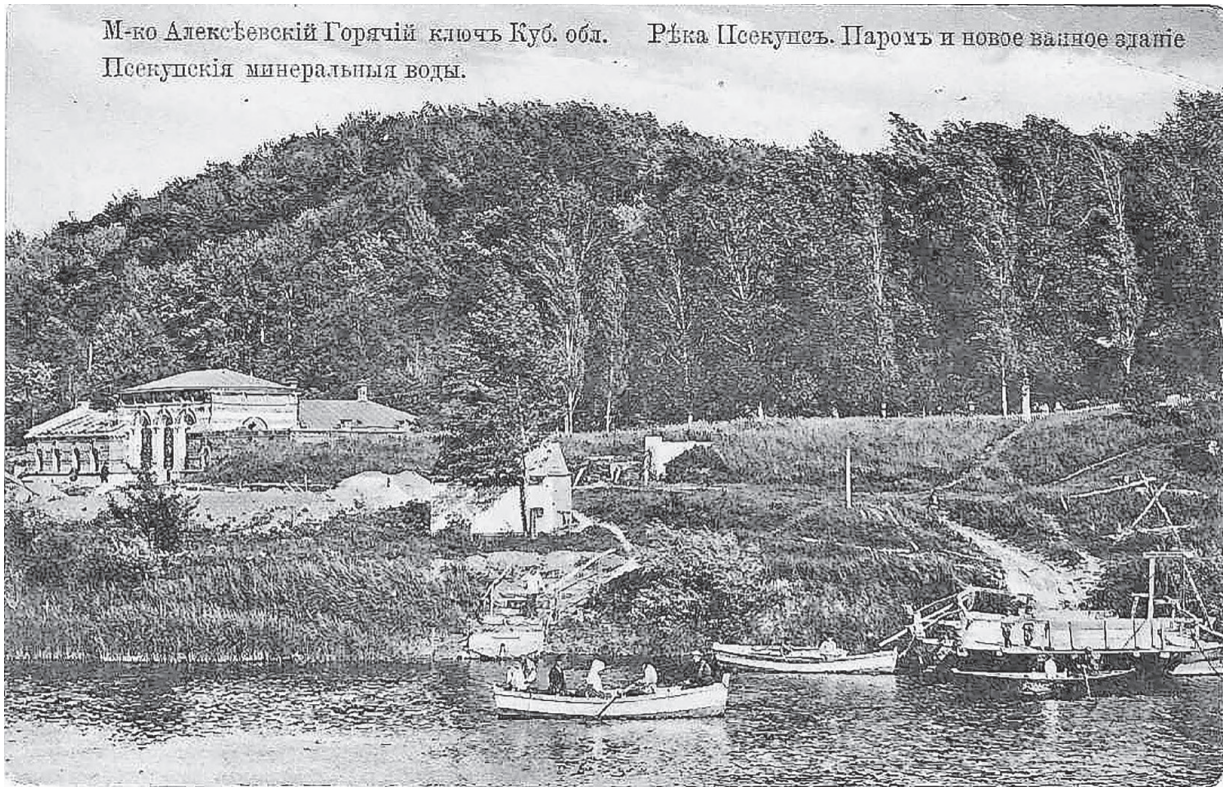
моте были обучены менее 20 процентов (аналогичная ситуация была свойственна всей территории Кубани, за исключением Екатеринодара) [12, С. 26–27]. Такие условия нельзя назвать уникальными, в особенности в сельской местности, поскольку одним из решающих факторов, мешающих поднятию уровня грамотности среди населения, являлось раннее включение детского населения в участие в работах в поле. Отчасти именно с этим фактом связана не только подавляющая безграмотность представителей крестьянского труда в регионе, но и заметный разрыв между возможностями в получении образования между мещанами и купцами – с одной стороны, а казачеством и крестьянством – с другой.

Непосредственно в местечке Горячий Ключ в указанный период население растет достаточно медленно. По данным переписи можно увидеть, что Горячий Ключ наравне с многочисленными хуторами включен в состав более масштабных населенных пунктов, в данном конкретном случае – станицы Ключевой. Важным источником для понимания того, что из себя представлял будущий районный центр, можно считать отчетную карту полевых землемерных работ, составленную сотником Родионовым осенью 1874 г. для межевой части Кубанской области [13, Л. 10–12]. Указанная карта позволяет получить представление о масштабе населенного пункта, общая площадь окрестности которого являла собой 750 кв. саженей. Более подробная картография Горячего Ключа с фиксацией отдельных зданий межевой частью также составлялась, но несколько позднее – в начале 1890-х гг. [14, Л. 40]. В данном документе можно обнаружить и указание на то, кто конкретно и в каком доме проживал [14, Л. 41]. Общее число примечательных зданий, к которым автором чертежа было дано пояснение, равняется 22. И, что характерно, представителей казачьего сословия среди жителей нет (согласно переписи населения 1897 г., эта информация также находит подтверждение).

Итак, важной чертой, свойственной для новообразованных поселений в долинах рек Псекупс, Марта и др., является тот факт, что население приходило сюда достаточно разношерстное. Крестьянство и казачество, переселяясь на новые территории, зачастую сохраняло свою, уже существующую структуру и свои, что вполне допустимо, сложившиеся годами горизонтальные связи. Это создавало определенную специфическую разницу между двумя зачастую расположенными по соседству населенными пунктами. Однако, кроме разницы в происхождении, большой роли для развития региона во второй половине XIX в. это не сыграло, а станичники смогли не только воссоздать старый быт на новом месте, но и исключительно быстро перейти к развитию своих поселений.

Кроме того, динамику изменения численности проживающих в регионе людей можно разбить на два характерных этапа без четкой привязки к датировке, однако концептуально исключительно заметных. Первый этап – бурный рост и развитие станиц в 1860-е гг. и на протяжении почти всех 1870-х гг., ситуация могла отличаться в зависимости от конкретного поселения. Второй этап – естественное развитие уже сложившихся селений и постепенное выравнивание демографии в сторону постепенного равномерного роста населения. Немаловажно отметить, что впоследствии это позволит сработать центростремительным силам и многочисленные, но малонаселенные хутора региона перестанут существовать, поскольку будут включены в состав более крупных образований.

Для улучшения ситуации в социальной сфере как администрацией, так и самими поселенцами в новообразованных станицах строились новые церкви, создавались школы, однако развитие грамотности шло слабо. ■

Открытка из архива В. В. Касьянова

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска. / Ф. А. Щербина. – Москва: «Вече», 2014. – 576 с.
2. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / отв. ред. В.Н. Ратушняк – Краснодар: «Советская Кубань», 1996. – 656 с.
3. Архивный отдел администрации муниципального образования город Горячий Ключ Ф. 101. Оп. 7. Д. 1.
4. Лебеденко Г. Б. Курорт Горячий Ключ. 130 лет. / Г.Б. Лебеденко – Краснодар: Кн. изд-во, 1994. – 265 с.
5. История, этнография, фольклор Кубани. Т. 2. Горячеключевской район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / отв. ред. Бондарь Н. И. – Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – 368 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) / Собр. 2. Т. XLIII. 1868. – Санкт-Петербург, 1873. – 939 с.
7. Обозянский А. П. Генеалогическое древо рода Обозянских (нисходящая поколенная роспись) / А. П. Обозянский. – Краснодар: изд-во «Кубанькино». 2007. – 280 с.
8. Перенижко Д. К. История создания и развития станицы Саратовской Краснодарского края. / Д. К. Перенижко // Голос минувшего, 2024. № 4. С. 32 – 37.
9. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4059.
10. Романовы на Кубани, путешествие Великого князя Михаила Николаевича // Родная Кубань, 2013. № 1. С. 70–81.
11. ГАКК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 70
12. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / под ред. Л. В. Македонова. – Санкт-Петербург: типо-литография М. П. Фроловой, 1905. – 96 с.
13. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 882.
14. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 5658.

ПАМЯТЬ

Юрий Кузнецов

(1941-2003)

Николай Дорошенко

(1951-2024)

5 ноября исполнился год со дня смерти выдающегося русского писателя, публициста, издателя Николая Ивановича Дорошенко. А 17 ноября мы вспоминали ушедшего 22 года назад нашего гениального земляка Юрия Поликарповича Кузнецова
«Родная Кубань» публикует их беседу, состоявшуюся в 1991 году.

«...Я ГЛЯДЕЛ НА НЕГО, КАК ГЛЯДИТ ХЛЕБОРОБ НА ТУЧУ...»

Николай Дорошенко. *...Когда я ехал к нему со своим репортерским магнитофоном, то в голове у меня плескались разные заготовки предстоящего, естественно, очень умного, очень глубокомысленного разговора о литературе. Согласитесь, что беседами на возвышенные темы мы не так часто балуем своих читателей. Но...*

...Москва – это вам не Монмартр...

...дверь мне открыл человек с лицом, обезоруживающе обыкновенным. С таким лицом можно быть хозяином профессорского кабинета, уставленного книгами, а можно работать и в простенькой столярной мастерской.

– Проходи, – сказал Кузнецов.

Все мои заготовки разом пожухли. Я понял, что встреча будет похожей на все другие наши с ним – обычно лишь нечаянные – встречи.

Поверьте мне, как невозможно сделать повыразительней, поэффектней моцартовскую фразу, так нельзя и Кузнецова показать могучим интеллектуалом или рафинированным артистом. Он грубоват, как Толстой, он поэтичен, как старинный сельский пастух. С ним невозможно настроиться на специальный разговор, со своим микрофоном я глядел на него, как глядит хлебороб на тучу: то ли она прольется дождем, то ли побухтит, побухтит, да и уплывет.

Стали, естественно, говорить «о погоде».

– Я не мастер, чтоб тебе формулировать, – *сказал он немного даже виновато, когда я попытался повернуть разговор в нужное русло.* – Вон стоят мои книжки, там все, что смог, уже сказал. А это интервью ни к чему...

– Сейчас такое трагическое время... – *сказал я, упрямясь.*

– Что ли надо о политике наговорить? – *он все-таки хотел меня выручить, просто не знал, с чего начать.*

Я откашлялся и приступил к делу:

О политике говорить не обязательно. Я для начала хотел обратить внимание лишь на следующее: вот когда-то было пострашней, чем сейчас. В Киеве представители самой «интеллигентной власти» кожу с людей живьем сдирали.

Барышень молоденьких ловили, насиловали и затем, чтобы наслаждение получилось поизысканней, кожу с них сдирали... Ну такие, как Багрицкий, автор поэмы «Февраль», для нас понятны. А вот у многих, даже не обозленных вполне на ни в чем не повинных барышень сил не было, чтобы им сострадать. Людей гулагами, голодом морили, а они, чтоб не мучиться от столь нестерпимых людских страданий, старались их вроде бы даже не замечать. То есть были, конечно, автор «Тихого Дона», были Платонов, Есенин, был Леонов, написавший «Русский лес», но большинство делали вид, что все эти троцкие да свердловы на людоедов не похожи, и тем самым продавали свой народ, продавали его мечту построить справедливое общество. Так и сейчас: люди, обкраденные теневиками, стоят в очередях, в республиках русским отводится роль граждан второго сорта, а мы ничего не делаем, только гадаем, за сколько купил Запад того или иного нашего политика. Как будто, если угадаем, этот политик тут же покается. Только единицы в драку бросаются. Вот еще газета «Советская Россия» осмелела, выдала публике всю подноготную нашего Российского правительства, помогающего зарубежным капиталам скупать нас на корню вместе с нашими деревянными рублями.

Ты не бросаешься в драку, но никто не скажет, что ты равнодушный или трусливый...

Куда, в какой ряд тебя поставить?

Юрий Кузнецов: В ряд меня ставить не надо. И суетиться по поводу происходящего тоже не надо. Иначе за мелочами, за разными обидными деталями не увидишь главного.

Н. Д.: *Но когда главное начинаешь выискивать, то вроде бы и поднимаешься над событиями дня, перестаешь принимать их близко к сердцу... Так?*

Ю. К.: Нет, не так. Есть механическое время. Оно как бы движется. А есть время, которое не проходит.

Когда-то в своих давних стихах я написал: «Былое грядет». С точки зрения обыденного сознания это бессмыслица. Но во времени прошлое и будущее – это единое пространство. У Даля в разделе пословиц о пьянстве и гульбе помещена вот эта: «Неделя прошла – до нас не дошла». И действительно, за сиюминутной гульбой не чувствуешь даже малого пространства недели.

Один критик писал обо мне: мол, нелепо представить Святогора, читающего современную газету. А для меня этот былинный герой столь же реальный человек, что и какой-нибудь Петрушенко. Я в людях ценю то, что есть в них от вечного, непреходящего.

Да и не только в людях. Например, можно любить Европу – женщину – абстрактно, а можно по-человечески, как героиню бессмертного мифа, быть, так сказать, соперником Зевса... То есть можно глядеть на Европу и видеть лишь ее нынешнюю, а можно проблему времени снять...

Н. Д.: *И все-таки человека если убивают, то за секунду, а не всю вечность. И эта секунда тяжелее вечности.*

Ю. К.: Мы говорим об одном, только на разных языках. Поэтому не понимаем друг друга.

Н. Д.: *Хорошо, вот есть ты, есть перестройка...*

Ю. К.: При чем здесь я и перестройка? Нас просто зациклили. На очередной фикции зациклили. И ты меня не понимаешь, потому что рассуждаешь на языке понятий. Перестройка, теневики, очереди – это все понятия, замкнутые на самих себя. А людей ты в понятие не вместишь. Они шире и глубже любого понятия.

В образ, может быть, и вместишь. В символ – тем более.

Вот когда-то я ходил по редакциям, встречал там иногда даже небездушных редакторов. Но они были на своем уровне, думали, что людям можно помочь чем-то сиюминутным, какою-то злободневной смелостью. А мои стихи казались им странными, ни о чем...

А мне хотелось стоять не на осколках, не на лоскутах, а на чем-то прочном. Помнишь у Рубцова: «...не жаль мне растоптанной царской короны, но жаль мне разрушенных белых церк-

вей»... А вот теперь мы поняли, что жаль нам и короны, которая лучше, чем что-то любое другое, олицетворяла Державу...

Хочется не суетиться.

Н. Д.: *Тут я, конечно, согласен. Мы на выборах голосовали за Ельцина – народного заступника, а выбрали Ельцина – заступника-за-Фильшина-и-Ландсбергиса. Голосовали за демократов, а нам еще «культурнее» рот зажали...*

Так ему, бедному русскому человеку, промыли мозги наши захватившие телевидение «демократы». А в Калуге один русский человек, наслушавшись «демократов», собственными руками убил «консервативного» журналиста...

Ю. К.: Вот то-то и оно. И задурили этого, как ты говоришь, русского человека, потому, что сначала приучали его жить одним днем, и не под Богом, а под рукотворной звездою, которую завтра они, может быть, еще на что-нибудь заменят.

Мы сейчас, если хочешь знать, находимся в состоянии направленного взрыва. И куда направлен этот взрыв, неизвестно. Во всяком случае те, кто нас тянет и тянет куда-то вперед, сами не знают, куда они уже давно летят.

Н. Д.: *Я сейчас вот о чем подумал... Есть ведь и твой антипод. И у него тоже единое время – пространство. Только не Святогор и даже не Христос ему в этом пространстве сердце греют, а сам Сатана.*

Можно воспринять это как больную фантазию. Но в США действительно зарегистрирована наравне с христианскими и другими церквями также церковь Сатаны. И охраняется законом.

Потом почитай ныне очень модного Камю, Ницше, Фрома... Их богоборческий зуд для меня не только не понятен, но и жутковат.

И вот представь: в космосе два пространства – черное и светоносное – плывут, ударяются одно о другое... Скажем, был Миронов, но был и Троцкий... Был Булгаков, но были и те, кто его ненавидел; был, скажем, Моцарт, но был и Сальери...

Что, зло тоже апеллирует к вечным категориям? У него тоже свои вечные идея и намерение?

Ю. К.: Обязательно. Только тут нам надо научиться различать зло и просто злобу. У злобы все же человеческие черты. Допустим, продавщица нам нахамит, в трамвае кто-то выругается... Тут сразу мы возмущаемся, потому что это злоба. А есть зло. Корни зла тоже пронизывают человеческий характер. Но уходят они еще глубже, к самому Сатане, к мировому злу...

В отличие от злобы зло привлекательно. Вспомни «Потерянный рай» Мильтона... А это же апофеоз Сатаны! Потом это пошло-поехало... Байронизм... А у нас это лермонтовский «Демон», «Элоа» Случевского... Это только злобу у нас не принимают даже на уровне обыденного сознания, а зло, оно обаятельно. В этом, я подчеркиваю, именно в этом и заключается противоречие человеческого бытия. Как дьявол соблазнил Еву? Нашептал, обаял... А если б, допустим, не шептал, а скрежетал зубами? Ева от него шарахнулась бы, закричала бы: «Спаси, Адам, меня бедную!»

Глубже земли глубины мирового зла. Мы его порой даже не замечаем, а то и поклоняемся ему, как чему-то для нас хорошему...

И точно так же есть добро, а есть доброта...

Н. Д.: *Как говорится, он милейший человек, но изменил жене...*

Ю. К.: Да. Например, я могу быть хорошим семьянином, отцом и...

Н. Д.: *...работать в теневой экономике.*

Ю. К.: Часто зло существует именно под прикрытием бытовой доброты. Нравится подростку смотреть порнуху – пусть... А добро, в отличие от доброты, сурово, беспощадно.

Я опять вернусь к народной мудрости: «Много на свете умного, да мало доброго». То есть это именно зло умно! Или еще: «Не в силе Бог, а в правде». А Сатана качает горами. Такая у него сила...

Н. Д.: *Однако такая же и у правды сила?! Потому-то часто один журналист может переполошить все телевидение, всю прессу...*

Ю. К.: Тебя все тянет на эти примеры...

Н. Д.: *Просто смотрю на события, привычные с твоей, немного для меня непривычной колокольни, – сказал я.*

А затем мы опять заговорили о Лермонтове, ибо меня все-таки задело то, что Лермонтов был оставлен нами в компании несколько мрачноватой...

– У Лермонтова, – заметил я, – есть признание, что от Демона он «отделался стихами».

Ю. К.: Лермонтов – это урок для русской поэзии. И, конечно, он выше собственных заблуждений. Байрон – этот себе сам во всем мешал, ничего, кроме себя, в этом мире не видел.

Кстати, у Байрона есть в «Дон Жуане» строка... Она плохо переведена, смысл ее в том, что, мол, «лик Бога отразился в штормовом море». Тютчев, чтобы возразить, написал четверостишие, в котором была нарисована картина вышедших из берегов океанских вод. «И Божий лик отобразился в них». Но разве может Божий лик быть отраженным? Будучи отраженным, он перестает быть Божьим. Ведь в отражении все меняется местами, левое по-сатанински становится правым.

Лермонтов соблазнялся, да, но все-таки потом «отделался стихами»... А вот наши красные матросы, создавая царствие небесное на земле, увлеклись, своевременно не почувствовали, что тешат Сатану...

Н. Д.: *Когда-то именно под этим углом зрения мы посмотрим и на наших религиозных философов. Например, Иван Ильин – это одно, а Владимир Соловьев – это ведь совсем другое. Он, выйдя за пределы православия, вроде бы еще шире, глубже, а на самом деле стал ему противоположным, чужим, даже враждебным... Словно есть какая-то невидимая дверь – выйдешь сквозь нее на простор, а она и захлопывается. И назад уже невозможно вернуться. И все, что по памяти восстанавливаешь, лишь антипод своему прообразу.*

Ю. К.: Здесь можно вспомнить Экклезиаста: «Всякое знание умножает скорбь»... Как же так? Знание приносит радость! А это что? Есть знания, которые мудрость, а есть знания, которые информация. Газета, телевидение – это информация, это твоя невидимая дверца. Тебе хочется узнать и о том, и о другом, а ты, чтобы время на знания не тратить, газетку почитал, телевизор посмотрел...

Н. Д.: *И уже готов других учить!*

Ю. К.: Да. И поэтому – все сегодняшние беды. А нравственное чувство дается человеку с рождения. Но информация это чувство глушит, глушит, и человек утрачивает свою природную мудрость. И еще человек утрачивает родное слово. Русский – русское. Француз – французское. Например, если сравнивать наше сознание с айсбергом, то подводная его часть – это то, что впитано с молоком матери, то, что составляет наше «я». Мы же, сужая свой словарь, перестаем подводную глубинную часть чувствовать. Вот, допустим, слуга Хлестакова Осип укладывает чемодан, приговаривает: «Веревочка? И веревочку давай сюда!» Что это такое? Как можно понять Осипа иностранцу? За стяжателя его принять?

Н. Д.: *Тут не только слово, а еще как он его произнес...*

Ю. К.: Это надо воспринимать не как информацию о том, жадный или не жадный Осип, а как стихию языка!

Н. Д.: *Да, все, что невозможно ни объяснить, ни обозначить, что можно только знать или не знать – вот это невидимое, наверно, и есть та великая глина, из которой Бог слепил человека. Потеряем ее, окажемся слепленными неизвестно из чего.*

Ю. К.: Потому-то и понимаем мы иногда иностранцев по жесту, по мимике. На глубинном уровне индивидуальное, национальное все же позволяет душам соприкасаться. А вот когда происходит нивелировка, когда оттенки национальные и индивидуальные стираются, когда люди становятся очень вроде бы похожими друг на друга, то происходит странное: им нечем выразить свою душу. Тогда и словами, и жестами они могут только информировать друг друга, как роботы.

Н. Д.: *Получается, что косноязычие обыкновенной беседы таит больше смысловых оттенков, чем общение с телевизором, чтение умной статьи...*

Ю. К.: В беседе у нас и жесты, и интонация, и улыбки... Помнишь, Достоевский писал, как двое мастеровых объяснялись, используя только одно слово, которое на заборах пишут?

Н. Д.: *И когда живое общение друг с другом мы заменили телевизором, то...*

Ю. К.: ...довольствуемся лишь суррогатом жизни, теряем свои глубинные основы, становимся примитивными и легко управляемыми.

Н. Д.: *Тогда для меня становится понятным и то, почему возникновению диктаторских режимов обычно предшествует расцвет так называемой авангардистской живописи. Одно дело Шишкин с его предельным вниманием к изображаемому, и совсем другое дело – авангардист, для которого изображаемый предмет является лишь предметом для самовыражения. Он не чувствует, не видит собственную суть этого объекта, как, скажем, вчерашние и сегодняшние реформаторы, увлеченные сомнительными идеями, не чувствуют, что режут по живому, по людским судьбам и жизням. В Южной Осетии кровь льется, но это их замыслам не противоречит, и они молчат. А стрельба в Прибалтике их карты путает, и они вдруг завопили о правах человека...*

Нынешняя авангардистская литература, живопись – это как бы психологическая подготовка к утверждению какого-нибудь плоского словца, большего, чем чья-нибудь жизнь, чем чья-нибудь слеза. И пусть мне кто-то это словцо скажет вот так, сидя рядом со мной, ведь не решится! А по телевизору произнесут, не постесняются. И когда мы привыкаем к телевизору, то словно теряем собственную волю, нам любопытны они, мы забываем о себе.

И аналогично это тому, как если бы я пришел на выставку портретов и мне было бы любопытно не на изображенных художниками людей взглянуть (глядим же мы на Джоконду!), а на художников, на их манеры...

Ю. К.: Есть у Рубцова строка, емкая, но не совсем додуманная: «О чем писать, на то не наша воля». Не о чем, а что! О чем-то – это вокруг да около. Вот эти твои современные портретисты пишут о чем-то, а не что, не кого. Можно теоретизировать, спорить. И все это будет в стороне от жизни, от ее непреходящего смысла.

Вот пишет Бунин: «И ягоды туманно-сини на можжевельнике сухом». Как будто и смысла здесь особого нет, но это что – оно осязаемо. Или: «Редеет облаков летучая гряда», «Выхожу один я на дорогу...» Какая божественная поступь!.. А мы, если помнишь, в юности песенку слыхали: «А я иду, шагаю по Москве...» По информации с лермонтовской строчкой совпадает, компьютер бы уловил общность... Но в одном стихотворении человек сотворен Богом, а в другом – подделан под него.

Н. Д.: *Как жаловался Сальери пушкинский Моцарту...*

Ю. К.: Или в «Мастере и Маргарите» жаловался один поэт, мол, что такое буря мглою небо кроет? Ничего же тут нету! Просто повезло Пушкину!

Н. Д.: *Но надо любить это что или кого больше, чем себя!*

Ю. К.: Позволь опять процитировать Рубцова: «Пора давно понять настала, что слишком призраки люблю». Эти люди живут в мире призраков, которые запечатлены в их изображениях, речах.

Н. Д.: *Вот именно. Миллионы людей с голоду умирали, а они строили свою «татлинскую башню».*

Ю. К.: Они мыслят конструкциями. Шафаревич хорошо говорил об утопии – накладывается конструкция на живое народное тело и... хлещет море крови.

Н. Д.: *Теперь вот модель американскую на Россию...*

Ю. К.: Потому что они мыслят только газетным активом. Газета их «воспитала», и в результате все, что есть в человеке невидимое, непреходящее, в них заглохло. Я, когда еще только

начали депутатские дебаты показывать, слушал Собчака, других его товарищей. Он говорил только о себе. Поливал грязью то того, то другого и все твердил: я так считаю, я так думаю, я, я, я... Он просто не в реальном мире жил! В мире призраков! А призраки – это святым искушение. Призраки – зло. Его вроде и нету, мы завороженно слушаем, а зло проникает в нас, искушает, засасывает в небытие.

Н. Д.: *Утратив знания, мы словно утратили иммунитет...*

Ю. К.: Неслучайно так близко: знание и знак. Вот, скажем, знамя – символ полка, его знак. Утратил знамя – полк твой расформировывают. Во всех армиях мира так. Потому что знак – это идея. И ты не за тряпку жизнь кладешь, а за то, что в глубине твоего знака есть.

Тут все, о чем мы с тобой говорили, в одном узле. Информированный человек будет думать, что знамя – тряпка, что оно не так важно. Человек мудрый или, как мы говорим, «простой» будет биться за знамя до последнего вздоха. Тут и Сатана блазнит, тут и Бог дает.

Н. Д.: *Мы-то семьдесят лет назад все знаки повыбрасывали.*

Ю. К.: Потому теперь и новые не бережем. Вот мы, как женщины-тряпичницы, живем в мире тряпок. Однако тут есть очень сложная проблема, ложных символов... Я уже писал: захоронения в кремлевской стене, мавзолей – это ложные символы... По народному представлению человек должен быть погребен. Когда в былинах богатырь поражает какого-нибудь Горыныча, а земля не принимает его кровь, то богатырь просит мать сыру землю: расступись! Ну и земля расходится. В этом глубокий смысл. Ныне в мире происходит порча человеческого сознания.

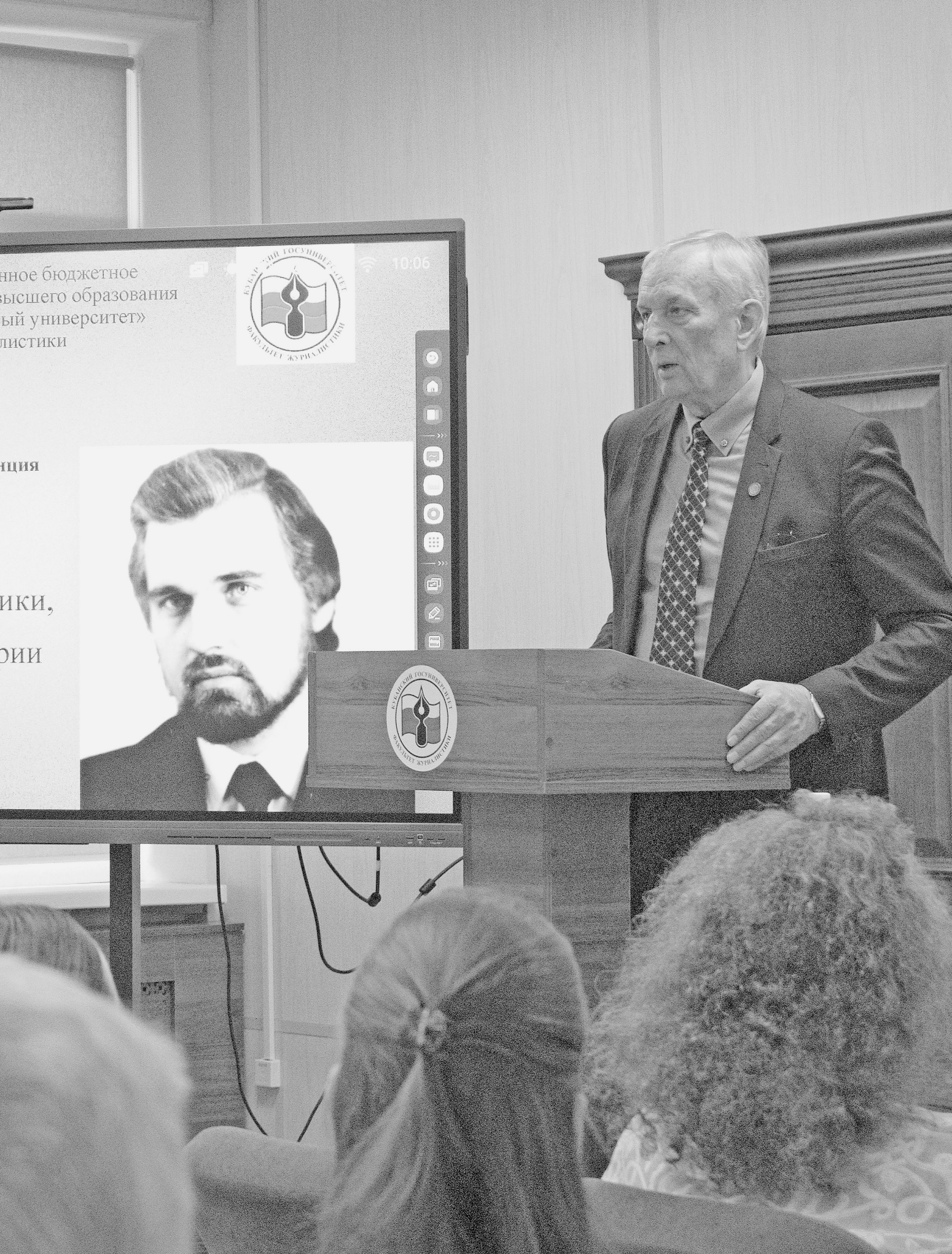
Н. Д.: *У тебя есть стихотворение «Могила неизвестного солдата».*

Ю. К.: Да, солдат не может быть неизвестным. Во-первых, помнит родня, помнят имя, имя, имя... Во-вторых, погибших Бог знает всех по именам... В церкви на Севастопольском кладбище я спросил священника: «Как вы относитесь к такому явлению: могила неизвестного солдата?» Он ответил: «Это абстракция. Они все живы для Бога... Даже и не важно, что стерты имена, они все живы...» ■

1991 г.

СОБЫТИЕ

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Федеральное государствен
образовательное учреждение в
«Кубанский государственн
Факультет журна
XI Всероссийская научно-практическая конферен
Наследие Ю.И. Селезнёва
и актуальные проблемы журналист
критики, литературоведения, истор
26 сентября 2025 г.
г. Краснодар

10:06
нное бюджетное
ысшего образования
ый университет»
листики
нция
ики,
рии

Архив Дианы Галкиной

ДИАНА ГАЛКИНА

Родилась в 2005 году
в Хабаровском крае,
городе Советская Гавань.
Студентка 3-го курса факультета
журналистики КубГУ.
Публиковалась в журнале
«Родная Кубань», на сайтах
«Завтра», «Русское поле»
и других СМИ.
Живёт в Краснодаре.

СЕЛЕЗНЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНОГО И НРАВСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ КРИТИКА

26 сентября на факультете журналистики КубГУ состоялась XI Всероссийская научно-практическая конференция «Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории». В ходе мероприятия прозвучали не только доклады, связанные с творчеством неповторимого русского критика и литературоведа, но и острые политические дискуссии, глубокие размышления об образовании, исторические экскурсы, яркие выступления выдающихся публицистов и смелые мысли начинающих авторов.

Конференцию торжественно открыл декан факультета журналистики Валерий Васильевич Касьянов. Его речь звучала тепло и вдохновенно: он подчеркнул, что подобные встречи становятся своеобразным магнитом, притягивающим талантливых молодых исследователей в мир науки. Особенную благодарность Валерий Васильевич выразил доктору филологических наук, профессору Юрию Михайловичу Павлову и кафедре публицистики и журналистского мастерства КубГУ, чья инициатива и преданность делу поспособствовали проведению такого значимого мероприятия. Также декан призвал студентов бережно относиться к культурному наследию и брать ответственность за его сохранение и приумножение: «Надо больше писать! Юрий Иванович Селезнев – это наше знамя. Виктор Иванович Лихоносов – это не прошлое, а наше будущее!»

Впервые конференцию посетил протоиерей Павел (Калинин), руководитель отдела религиозного образования и катехизации Екатеринодарской и Кубанской епархии, клирик храма Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Гость отметил особую значимость фигуры Ю. И. Селезнева, напомнив о его глубокой привязанности к творчеству Ф. М. Достоевского: «Выбранная тема, мне кажется, как раз-таки заставляет изучить нашу русскость, приближаться действительно к идеалам и лучше, наверное, познавать себя. А через это, конечно, исправлять, совершенствоваться, как и учил Достоевский». Помимо этого, отец Павел предложил объединить усилия будущих журналистов и семинаристов в создании уникальной энциклопедии, посвященной церковной архитектуре Краснодарского края.

Открыла работу пленарного заседания Лидия Андреевна Сычева, член Союза писателей России, главный редактор интернет-журнала «Молодое око». Она подняла вопрос «О духовных наследниках в русской литературе», упомянув, в частности, поэта В. В. Сорокина. По словам Лидии Андреевны, Россия должна благодарить его за Высшие литературные курсы при Литератур-

ном институте им. А. М. Горького, работником которых, кстати, был и Ю. И. Селезнев. Кроме того, нужно выразить признательность поэту за вклад в создание памятника С. А. Есенину на Тверском бульваре, а также за инициативу возведения монумента маршалу Г. К. Жукову. Сорокин был настоящим «наследником русской доброты и славы в нашем литературном процессе» и сделал многое для сохранения памяти о трагически погибших поэтах, для популяризации творчества старших собратьев и для авторов своего времени, рано ушедших из жизни. Одним из наиболее ярких примеров является судьба поэта Алексея Полуботы. Валентин Васильевич был автором предисловия к сборнику его стихов «Вечность» и внес вклад в присуждение поэту премии Д. Кедрина «Зодчий». Полуботa прославился не только своим талантом, но и активным участием в событиях Донбасса, где бывал как журналист и волонтер. Вскоре после начала СВО подписал контракт, через некоторое время пропал без вести и был удостоен посмертно ордена Мужества. Свой подвиг Полуботa совершил не только как защитник Родины, но и как духовный наследник. Он глубоко чтил наследие поэта Николая Ивановича Тряпкина, проводя вечера и фестивали, воссоздавая библиотеки и мемориалы и многое другое. Завершила свой доклад Лидия Андреевна словами о том, что все участники конференции «прежде всего духовные наследники Ю. И. Селезнева и В. И. Лихоносова».

Удержать внимание аудитории глубоким и трогательным докладом удалось и Ирине Владимировне Калус, профессору кафедры русской филологии и литературного творчества из Пятигорска. Она выступила с темой «Русское “вещество существования” как основа мира Юрия Селезнева» и подготовила замечательную презентацию. Ирина Владимировна отметила, что критик «впервые заговорил об этом скре-

пляющем веществе и назвал его “соборность”». Юрий Иванович выступал за «русское вещество существования», а также против попыток увести читателя и литературу в абсолютно иную сферу. Подытожила свою речь Ирина Владимировна цитатой из произведения «Котлован» А. П. Платонова и призвала всех присутствующих ответить для себя на вопрос: «Не исчезнет ли само вещество существования?»

Продолжил говорить о Юрии Селезневе заведующий кафедрой зарубежной литературы и сравнительного культуроведения КубГУ, профессор Алексей Викторович Татаринов. В докладе под названием «Юрий Селезнев и вопрос о “героической норме” в современной словесности» выступающий предложил разделить личности Селезнева и Лихоносова, обозначив, что они имеют множество отличий. Далее Алексей Викторович призвал молодых людей в такое непростое для страны время перестать быть беззаботными, «приложить усилия для понимания происходящего» и помочь словом и делом, как сделал бы Юрий Селезнев: «Героическая норма – когда ты сознательно действуешь против себя, рискуешь, подставляешься, сгораешь – ставя идею, дело или веру выше застрахованной повседневности. А у Селезнева идея и вера были».

Андрей Александрович Фефелов, главный редактор телеканала «День-ТВ», заместитель главного редактора газеты «Завтра», обратился к теме традиционных русских ценностей и их деформации в современном обществе. В пример публицист привел рекламу банка ВТБ, которая переиначивает сюжетные линии великих классических произведений, якобы адаптируя их для молодежи. Андрей Александрович отметил, что подобная практика свидетельствует о полной беззащитности русской классики и нам нужен специальный закон, который будет ее охранять (подобную идею в свое время выдвигал Ю. И. Селезнев). Журналист завершил свое выступление мыслью о том, что русские люди

склонны забывать свое великое достояние и пренебрегать историей страны, утрачивая связь с богатым культурным наследием.

Стоит отметить, что факультет журналистики ежегодно выпускает немало одаренных студентов, к коим можно отнести магистранта 1 курса Софью Аль-Боши. Она выступила с глубокой аналитической статьей «Арабский мир в восприятии Дины Рубиной» и рассказала о русофобских, арабофобских и человеконенавистнических идеях израильской писательницы. Студентка привела множество фашистских высказываний Дины Рубиной и выразила уверенность, что изуверские преступления против человечности непременно повлекут за собой строгое наказание.

С докладом под названием «Проект “Светочи” как энциклопедия русской патриотики» выступил второй гость из газеты «Завтра» – Андрей Вячеславович Смирнов. Рассказывая об идее проекта, журналист подметил: «...мы пытаемся вспомнить, рассказать, <...> заново открыть деятелей науки, культуры, искусства; идеологов, священников...» Газета «Завтра» публикует статьи, проводит интервью с экспертами, собирает архивные публикации и фотоматериалы, посвященные выдающимся личностям. По завершении выступления Андрей Вячеславович призвал студентов создавать свои разнообразные энциклопедии.

Далее слово перешло к Юрию Михайловичу Павлову, который четко сформулировал свою точку зрения относительно некорректных интерпретаций жизни и творчества М. И. Цветаевой. В речи «Ненавижу неточность» профессор рассказал о том, что цветаеведы не знают элементарной истории, подменяют очевидные факты и из-за своей глупости не замечают и путают важные для понимания личности вещи. Также Юрий Михайлович привел слова Юрия Селезнева в разговоре с Николаем Бурляевым, которые точно характеризуют то, каким должен быть настоящий профессионал: «Я должен знать все, вплоть до того, какие на мундире Лермонтова были пуговицы во время встречи с Белинским». Такие тонкости, по словам Юрия Михайловича, не доступны многим современным писателям, ведь для того, чтобы рассуждать о русской литературе и истории, необходимо искусно владеть своим делом и быть русским по духу.

Первую часть конференции завершил Платон Сергеевич Беседин, известный севастопольский писатель, которого искренне любят и уважают многие студенты факультета журналистики. Он подготовил речь на важную современную тему: «Классика и мы в цифровой век: писатели и искусственный интеллект». Платон Сергеевич отметил, что этот вопрос в современном дискурсе не менее важен, чем политика, искусство, наука и т. п. Публицист подробно рассказал о негативных аспектах распространения ИИ: вытеснение живых авторов, утрата рабочих мест, потеря человечности, духовности и сострадания из-за замены живого ума на искусственные алгоритмы. Согласно убеждению автора, «слово находится в основании нашего мышления» и сейчас на него идет чудовищная атака, поэтому нам необходимо «во всем искать человека» и читать русскую классическую литературу.

После перерыва последовал не менее интересный второй блок конференции, который открыл магистрант 1 курса Андрей Нейжмак с глубокой рецензией на роман «Как исчезает дым» П. С. Беседина. Студент провел анализ произведения и сделал вывод о том, что автор «пытается сказать правду, злую, но правду». Сам Платон Сергеевич, находившийся в зале, в конце доклада прокомментировал: «Без литературной критики не существует писателя!»

Далее с содержательной речью «Писатель и начало Русской весны» выступил член Союза писателей России, прозаик и отец действующего военного Александр Николаевич Можаев.

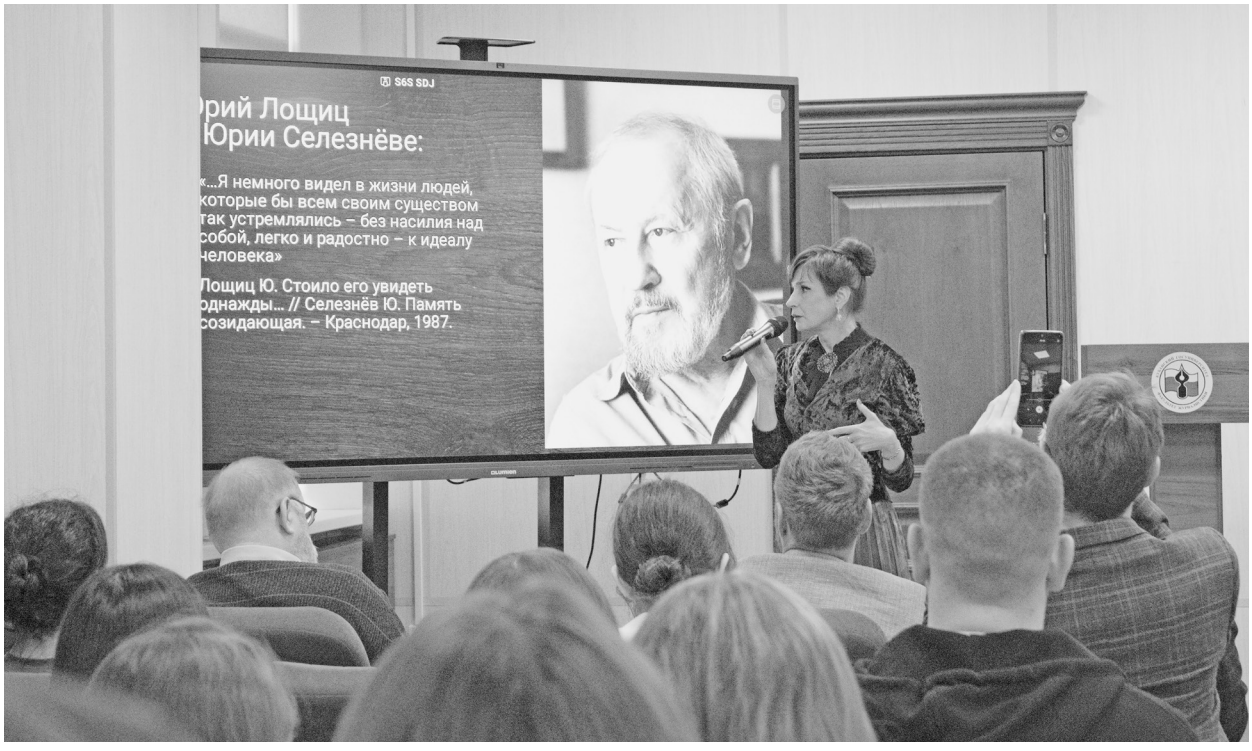
Он рассказал о ключевых событиях, повлиявших на этот трагичный период истории, о русофобии, об ожесточении украинского мышления и о «не помнящих родства» людях.

Приятно удивила слушателей интересным докладом под названием «Алла Пугачева: голос предателя Родины» студентка второго курса Екатерина Иванова. Девушка поделилась мыслями о недавнем интервью артистки Катерины Гордеевой* (внесена Минюстом России в список иностранных агентов) и смело и жестко раскритиковала высказывания Аллы Борисовны о России.

После слово предоставили студенту третьего курса филологического факультета КубГУ Глебу Шарко. Он выступил с докладом «Советское и православное в книге Ю. Селезнева “Достоевский”» и отметил главную задачу произведения Юрия Ивановича: «Показать не просто судьбу человека, жизненный путь и земное частное существование, а путь человека через кризис, преображение, восхождение от ада к раю, подобно Данте».

Продолжила конференцию с трогательной речью «Поэтическое родство: творчество Юлии Друниной и Натальи Возжаевой» второкурсница Мария Гноевых. Студентка провела анализ, выделив как сходства, так и различия двух поэтесс, и пришла к выводу: «Рассуждая на такую противоречивую тему, делать однозначные утверждения сложно. Однако нельзя отрицать одного: божественная природа, суть которой любовь и гармония, в настоящей поэзии неизбежна и необходима».

Далее за трибуной появилась Александра Крышка, магистрант первого курса, с темой: «Социалистический период истории России в оценке Леонида Бородина и современных публицистов». Девушка отметила, что Бородин

негативно оценивал события, происходившие в России с 1921 по 1991 год, считая, что «над русским народом был поставлен чудовищный эксперимент, который привел к необратимым последствиям».

Студентка второго курса Зоя Бецкова подготовила статью «Научно-популярные порталы как оружие информационной войны (“Правое полушарие интроверта”, “Дилетант”)». Она поведала о русофобской направленности каналов, а также рассмотрела скрытые механизмы воздействия на сознание читателей.

Далее выступил Егор Николенко, аспирант 1 курса Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. Он размышлял на тему «Специальная военная операция как катализатор интеграции в рамках союзного государства: новые вызовы и возможности», подчеркнув тесное взаимодействие России и Беларуси в нынешних военных реалиях.

С докладом про театр «Клишированный Есенин, или “Айседора и Есенин” в Краснодарском “Доме мецената”» выступила Дарина Игнатенко, студентка третьего курса. Девушка раскритиковала неверно расставленные акценты в постановке, пошлость и клишированное изображение личности великого русского поэта.

Затем слово предоставили Анне Крышке, магистранту первого курса, с речью под названием «Проблема духовных и религиозных ценностей в работах И. Шмелева “Старый Валаам” и В. Белова “Дорога на Валаам”». Она провела сравнительный анализ работ обоих авторов, выявив значительные различия в их творчестве: «Используя образ Валаама, оба писателя раскрывают разные аспекты духовной жизни не только общества, но и своей собственной».

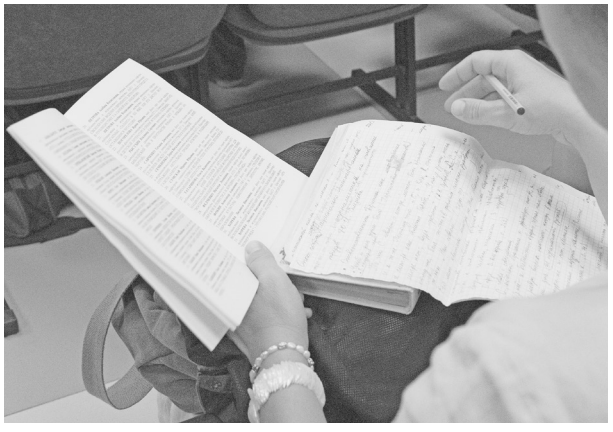
Вторая часть конференции завершилась докладом преподавателя кафедры публицистики и журналистского мастерства факультета журналистики КубГУ Даниила Диденко. Он подготовил доклад на тему «Особенности репрезентации феномена “Русский мир” в современной православной публицистике», отметив, что «православие является необходимым фундаментом российской государственности».

Далее последовал час свободной дискуссии, в ходе которой участники конференции имели возможность задать вопросы докладчикам и обменяться мнениями относительно представленных выступлений. Во время полемики успел представить свою небольшую речь о произведении И. В. Калус «Цвет неба» студент третьего курса института романо-германских языков, информационных и гуманитарных технологий ПГУ Рустам Коцев.

Пока на факультете журналистики Кубанского государственного университета проходят подобные значимые мероприятия, объединяющие студентов, магистрантов, преподавателей, известных редакторов СМИ, писателей, поэтов, критиков, публицистов, ученых и других деятелей науки и искусства, мы можем уверенно утверждать, что наследие Ю. И. Селезнева продолжает жить и вдохновлять новых исследователей. Эти конференции предоставляют уникальную возможность глубже изучить жизнь и творческое наследие выдающегося автора, чьи труды наполнены искренним патриотизмом и фундаментальными знаниями истории России. ■

**Катерина Гордеева внесена Минюстом России в список иностранных агентов.*

научно-практическая конференция
ие Ю.И. Селезнёва
проблемы журналистики,
ратуроведения, истории
сентября 2025 г.
г. Краснодар

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ru.freepik.com

Архив семьи Лобановых

МИХАИЛ ЛОБАНОВ

(1925-2016)

Родился в деревне Иншаково Рязанской области. Фронтовик, участник битвы на Курской дуге. Выдающийся русский критик, публицист, мыслитель. Автор книг «Островский», «Аксаков», «В сражении и любви» и др. Работы М. Лобанова – эпохальное явление в русской мысли второй половины XX столетия.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ТИХИЙ ДОН»*

Из последней автобиографической книги «Убеждение»

В своей долгой жизни я трижды читал «Тихий Дон». В первый раз еще в конце 40-х годов минувшего столетия, когда я учился на филологическом факультете Московского университета и буквально был потрясен жизненной подлинностью, художественной мощью этого великого творения. «Тихий Дон», имя его автора настолько вошли в мое сознание, что после окончания университета я решил поехать работать в город Ростов-на-Дону в областную газету «Молот». И когда ехал туда на поезде, то, глядя из окна вагона на движущуюся донскую степь, думал с волнением: ведь на этой земле живет наш великий современник – автор «Тихого Дона». Но не сбылось то, о чем я мечтал. Вскоре по приезде в Ростов скрутил меня туберкулез легких с пневмотораксом («поддуванием легких»). Все три с лишним года проболел, почти нигде не был, кроме как на строительстве оросительных каналов на Цимле. Только позднее понял, чего лишила меня болезнь. Тогда всего три десятка лет не прошло, как закончилась Гражданская война, и следы ее тогда еще были живы в хуторах и станицах легендарной земли. Да и казачий быт не был еще тогда порушен. И улицы Ростова, кажется, еще хранили живую память о пребывании в нем генералов Корнилова, Алексеева, Деникина, о переходе города в руки то белых, то красных, о начале Ледяного похода в феврале 1918 года на Екатеринодар. Если бы я понимал тогда, что история не затвердевает за короткий срок (за те же тридцать лет) в книжные формулы, а ее огненная лава дышит сквозь оболочку и других времен, если бы понимал это, то тогда я реальнее представлял бы себе казачье восстание, гражданскую войну на Дону, читал бы, может быть, по-иному «Тихий Дон».

Тогда я не видел Шолохова, а встретился с ним осенью 1959 года, когда, как завотделом литературы и искусства газеты «Литература и жизнь» приехал из Москвы в Ростов на собрание местных писателей накануне Учредительного съезда Союза писателей РСФСР. Об этой встрече в гостинице «Дон», которую мне «устроил» писатель Анатолий Калинин, друг Михаила Александровича, я подробно рассказал в журнале «Слово» (1991, № 6. – «С чем придем к Сергию?») – о том, кто там был, о чем шла речь, что говорил Шолохов и т. д. Пробыли мы у него с 10 часов утра до 5 часов вечера[2], и это время было для меня сплошным переживанием. И когда уходили, я не сдержал режущих слез: видно, глубоко засел до этого во мне образ автора «Тихого Дона», овеянный трагизмом времени, что вот и при этой встрече в живом Михаиле Александровиче я видел, может быть, того Шолохова.

После студенческого чтения в середине сороковых годов (минувшего столетия) я воз-

**Примечание к заглавию читайте в конце текста [1]*

вратился к этому гениальному роману в конце шестидесятых годов того же минувшего столетия[3], перечитал его и написал тогда же статью «"Тихий Дон" и русская классика». Долгие годы опубликовать мне ее не удавалось ни в журнале «Наш современник», ни даже в «Молодой гвардии» (где я был членом редколлегии), и вышла она в моей книге «Надежда исканий» (изд. «Современник», 1978). Здесь я приведу только одно место из этой статьи, касающееся сравнительного анализа двух характеров – Пьера Безухова и Григория Мелехова. Сопоставление их может показаться произвольным. Разные эпохи, совершенно различные социально-психологические типы. Но в глубине своей, в исторической перспективе связь эта органически жизненная, закономерная. Оба ищущие свой путь в жизни, предельно искренние в своих мыслях и действиях, одинаково благородные натуры. (Григория Мелехова можно назвать аристократом духа). Оба испытывают крушение своих верований, оба проходят через великие события, но исторический итог этих событий совершенно различный, в этом катастрофическая их взаимосвязь и взаимоотрицание.

Пьер Безухов «всей душой желал верить и верил, и испытывал радостное чувство успокоения, обновления», «новизны». Это умиление (все той же новизной) он готов принять за обновление, за духовный переворот в нем. Эта магия обновления, прогрессизма принимала и другие формы. Например, вольтерьянство, заразительно действующее даже на старого князя Болконского, который не прочь кольнуть дочь за ее религиозные «предрассудки».

Пьер не истины, не веры ищет, а высшего авторитета. Встретил масона Иосифа Алексеевича и стал масоном. Встретит потом Платона Каратаева и будет каратаевцем. И вот уже новый наставник – князь Федор. Новый период обновления – через «просвещение»[4].

Вся психология исканий Пьера Безухова основана на обновляющем его сознание и чувство начале, на ощущении нового каждый раз, когда ему кажется, что разрешается мучащий его вопрос, что он нашел искомое. Но был период в жизни Пьера, когда ему особенно близким могло быть то, о чем говорил его друг Андрей Болконский: убеждает человека не новое, модное учение, а «жизнь и смерть», вот что убеждает, утрата близкого человека. Глубокий след оставило в Пьере все пережитое и увиденное в плену у французов, ему открылась в то время реальная жизнь, не в привычной новизне сменяющихся впечатлений, а в обнажении страшной, дотоле неведомой ему глубины, правды. И это потрясение, рыдания его, когда их, пленных, освобождают партизаны.

Пьер Безухов – это не столько судьба личности (как Григорий Мелехов), сколько история сознания. В психологии Григория Мелехова больше исторической детерминированности, зависимости от обстоятельств[5]. По природе своей цельная натура, не знающая расслабляющей волю рефлексии, Григорий Мелехов испытывает мучительное душевное раздвоение. Это реальность противоречий, тем более трагическая, что есть в ней неизбежность объективной закономерности. Противоречия в Григории Мелехове – исторические, психологические – глубже, чем в Пьере Безухове (хотя и менее сложны), ибо за Григорием Мелеховым – многовековая история крестьянства, тогда как за Пьером – столетие умственных интересов, разбуженных в образованном русском слое. Безухов думает о солдатах, которых узнал накануне и в день Бородинского сражения: «они все время до конца были тверды, спокойны... И они просты. Они не говорят, но делают». Григорий Мелехов из тех же людей, которые «не говорят, но делают». И не из тех, которые «говорят и не делают», как сказано о книжниках и фарисеях» (Мтф. 23, 1). И если он заговорил с братом о том, что все перевернулось в жизни и непонятно, по какому пути идти-то, это уже не просто слова, это пришла в движение глубинная сила, которая не остановится на словах, а будет искать выхода только в действии. И сами слова как бы переоцениваются, отлетает

все условное, остается одна жуткая суть. Когда казак говорит Григорию: «Нарвешься на каких-нибудь отчаянных – и они из одного тебя не то что двоих, пятерых сделают!» – то это вовсе не метафора, а буквально так и может быть (как хвалится в романе другой казак, что он из одного человека сделал две половинки. К людям, страдающим болтливостью, Григорий всегда испытывал «чувство глубокого отвращения». Всегда чувствуется в нем самом больше и глубже того, что он высказывает. События не проходят «сквозь» него, обновляя каждый раз чувство (как это происходит с Пьером Безуховым), а скручивают его, подчиняют себе неведомой ему силой. Так же, как Мелехов – материал истории («они не говорят, но делают»), из этого материала, из этой корежащейся, страдающей плоти «лепится» история.

В русской литературе не было еще такого психологического опыта, складывающегося из самого действия, из самой борьбы. В судьбе Григория Мелехова выразился опыт народа как исторического заложника умственных спекуляций, идеологических «обновлений», безответственности так называемых «аристократии», «элиты», «интеллигенции», лишенных почвы, национального самосознания [6]. Как скажет в «Тихом Доне» перед самоубийством атаман Каледин: «От болтовни Россия погибла» [7].

***

И вот спустя много лет после второго чтения «Тихого Дона» я решился в третий раз взять в руки знаменитый роман, насыщенный кровью Гражданской войны, которая «внятнее» стала для нас в условиях нынешней гражданской войны в России, развязанной либералами-«демократами»[8]. В своих «Беседах с отцом» младший сын писателя М. М. Шолохов передает любопытные слова Михаила Александровича о Гражданской войне: «Когда там, по вашим учебникам, Гражданская война закончилась? В 20-м? Нет, милый, она и сейчас еще идет. Средства только другие... Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пакостна, что ни победы, ни победителей в ней не бывает». Замечу, что на этот раз притягивающим центром для меня в романе стала песня «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон», которую поют казаки-офицеры (кн. I–II, с. 430) [9]. Велика историческая роль казачества, большинство его атаманов «раскачивало», подрывало эту государственность (об этом в «Казачьем словаре-справочнике» в трех томах (Калифорния, США, 1968) – мощное обаяние имперского величия, славы привлекало к себе наиболее дальновидных из казаков, делало их верными сынами, патриотами России, от легендарного Платова до Корнилова, Каледина [10].

Уже с первых же страниц романа «Тихий Дон» и вплоть до конца его сопутствует жизни героев церковная, религиозная лексика. Из первой книги: «Божилась» (с. 30); «понесли в церковь окрестить» (с. 21); «Тут дело может до греха взыграть» (с. 35);«Григорий перекрестился, лег» (с. 40); мальчик поет песню о Христе (с. 45); «имя Христа» (с. 46); о Церкви (с. 53); «истинный Бог правда» (с. 54); христианское чувство чистоты (с. 61); «перекрестился» (с. 62); церковь (с. 70); «спаси Христос» (с. 74); «как ктитор у обедни» (с. 78); «крестное знамение» (с. 94); похорошевшая в сиянии свечей Наталья после венчания (с. 105); христианское чувство казака (с. 111); дед Гришака читает Евангелие (с. 120) и т. д. и т. д. И так до самого конца второго тома, четвертой книги : «нехристь» (с. 652); Григорий: «Бога нет» (с. 692) и Григорий же: «Ради Господа Бога» (с. 723) [11].

В «Тихом Доне» выведены два «образованных казака» – есаул, монархист Листницкий и сотник, заядлый автономист Изварин. При всех своих «классовых интересах» наследника отца – крупного землевладельца, пренебрежении к «темной» казачьей массе Листницкий в грозное для России время остается верным чести русского офицера. В деловой беседе генерал говорит ему: «Со своей стороны могу заверить, что мы ценим офицеров, таких, как вы. В наше

время среди офицерского состава большинство двурушников. Ничего нет легче, как переменить веру, а то и двум богам молиться... – горько закончил начштаба» (кн. 2, с. 420). Листницкий вступает в Добровольческую армию, во время Ледяного похода на Кубань дважды получает ранение, впоследствии, после очередного ранения, ему ампутируют руку [12]. Храбрый в бою, он кончает жизнь самоубийством из-за жены, которая предпочла ему генерала. Изварин краснобайствует перед «полуграмотным» Григорием, внушая ему мысль о необходимости отделения Донской области от России, а кончает тем, что перед съездом фронтового казачества «бежал из полка», «исчез – как в воду канул» (кн. 1, с. 541–542).

О главном в то время «автономисте» на Дону генерале Краснове генерал Деникин в романе говорит с иронией: «Наполеон областного масштаба... Неумный человек, знаете ли...» (кн. 3–4, с. 34). Другой генерал в ответ добавляет: «Княжить и володеть хочется... Бригадный генерал упивается монаршей властью. По-моему, он лишен чувства юмора...» (кн. 3–4, с. 34). Комичен глава «всевеликой бутафорской республики» своей напыщенной речью в Новочеркасском дворце перед молодыми английским и французским лейтенантами, «послами» соответствующих миссий на Юге страны.

Казаки в романе отделяют себя от «мужиков» (как называют они русских), но вот что примечательно. Один из шолоховских героев, руководитель Вешенского восстания Павел Кудимов, эмигрировавший после разгрома белого казачества в Болгарию, арестованный там в 1945 году органами Смерша, вывезенный в Москву, осужденный на десять лет лагерей, писал о том, как «страдал-казнился» от «полынно-горькой правды о нашем восстании в «Тихом Доне». «Роман Шолохова "Тихий Дон" есть великое сотворение истинно русского духа и сердца».

Море губительных человеческих страстей бушует в «Тихом Доне»[13]. Поистине: «Если тронуть страсти в человеке, то, конечно, правды не найдешь» (С. Есенин). Самое страшное – социальная рознь, взаимная ненависть, как бы во исполнение древнего предсказания: «Брат пошел на брата». Опален безумием Григорий, когда он рубит матросов. Но и он, не знающий дрожи в руках, перекидывая вмиг шашку из правой в левую, свыкся в бою с «ощущением, как шашка вязко идет в мягкое податливое тело» жертвы, но и он дивится, до чего, до какого окаменелого бесчувствия, палачества может дойти человек, такой, как казак Чубатый. Этот Чубатый так поучает Григория: «Человека руби смело. Мягкий он, человек, как тесто... Ты не думай, как и что... Поганый он человек... Нечисть, смердит на земле, живет вроде гриба-поганки» (кн. 1, с. 284). И, соответственно, этим своим словам действует, делая из убийства самоцель, зрелище к собственной потехе. По дороге рубит переданного ему для доставки в штаб пленного простодушного русина (и это вызвало бешеный порыв Григория застрелить его). Перед тем как убить полкового адъютанта, Чубатый, издевательски балагуря перед ним, перекрестился, сняв фуражку, подошел, второй раз перекрестился и с ледяным спокойствием отправил человека на тот свет.

Сколько же жути в этом «христианском жесте» убийцы. Кто знает, может быть, сам он и не думает, что это сверхкощунственно, а, наоборот, «так надо», «православные же мы люди, не нехристи какие-то...» А, может быть, действительно кощунствует и сознает это. Темно, темно в душе человека, и не разобраться самому в ней. Не потому ли так многозначительны слова: «Пока человек остается человеком, всегда будет война» – слова, сказанные известным церковным деятелем, оставившим нам, как современник Гражданской войны, после революционных событий свои воспоминания в книге: Митрополит Вениамин (Федченков). «Записки епископа» (СПб., «Воскресение», 2002).

В одной из автобиографических книг, о которой мне в свое время довелось писать, боевой офицер, встретившийся на фронте с сестрой,

работавшей врачом (шла Первая мировая война), сказал ей: «Саша, мы видели с тобой за это время столько человеческих страданий, что жить обычной, прежней жизнью уже нельзя – поступай в монастырь»[14]. И в самой нашей жизни, в наших человеческих деяниях столько жестокости, лжи, взаимной ненависти, зла всех видов, распада, что не приходится ли удивляться, как это еще вроде бы нормально день идет за днем, что при всем том, что происходит в мире, он еще, что называется, не сошел со своей оси. Мир лежит во зле, кажется, что уже все пространство бытия замкнуто им. Залито страданием и кровью. И в хоре безумия – пронизывающие вдруг совесть голоса. По хуторам ведут пленных коммунистов, истязаемых толпой, вооруженной вилами, кольями, мотыгами. Среди обреченных – еле бредущий, изуродованный от ударов, побоев Иван Алексеевич. И вот, «глянув искоса в сторону, увидел, как мальчишка семи лет вцепился в подол матери и со слезами, градом сыпанувшими по исказившимся щекам, с визгом, истошно закричал:

– Маманя, не бей его! Ой, не бей!.. Мне жалко! Боюсь! На нем кровь!..

Баба, замахнувшаяся колом на одного из еланцев, вдруг вскрикнула, бросила кол, схватив мальчонка на руки, опрометью кинулась в проулок». Нашелся и один из конвоиров, старик, пожалевший пленных, дал им, изнемогающим от жажды, напиться у степного колодца [15]. Григорий Мелехов, командир белых казаков, узнает, что готовится расправа над пленными красными земляками, спешит «выручить от смерти» Ивана Алексеевича. «Выручить... Кровь легла промеж нас, но ить не чужие мы». Насмерть загнав коня, он опоздал. Непреодолимое отвращение, брезгливость вызывает в нем спящая на полу амбара Дарья, убийца Ивана Алексеевича. «Никогда еще Григорий не испытывал такого бешеного желания рубануть».

Ведь было же в прошлом, еще в ту, мировую войну, когда в боях «огрубело сердце, зачерствело, будто солончак в засуху, и как солончак не впитывает воду, так и сердце Григория не впитывало жалости» (кн.1–2, с. 382). Но, видно, так глубоко могут быть корни этой жалости, что как бы уже засохшие, они вновь тревожат душу.

Митрополит Антоний (Храповицкий) чрезвычайно высоко ставил религиозное значение произведений Достоевского, видел в них то, что человек, как бы низко он ни пал, может подняться, имеет даруемую ему свыше возможность «стать на путь нравственного возрождения». Примечательна мысль владыки о православии Достоевского: «Не потому он писал о смирении, покаянии и братолюбии, что был православным, а потому что становился и стал православным, что уразумел и возлюбил добродетель и высоту души человеческой» (Митрополит Антоний (Храповицкий). Избранные труды. Письма. Материалы. М., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007, с. 336–337) [16]. В отношении автора «Тихого Дона» как-то непривычно говорить о его православии: убежденный коммунист, известно, что последние, предсмертные слова его были о ЦК [17]. Но велика тайна сия – душа человека, которая неизмеримо «больше знает, чем сам человек» (повторяемые митрополитом Антонием слова из гоголевского рассказа). И об авторе «Тихого Дона» можно сказать, что не потому он писал о зле розни, взаимной ненависти, чудовищной жестокости войны, о народолюбии, о неистребимой искре высшей этики в Мелехове, что был православным, а потому что становился православным, что кровно был связан с народом, изнутри познавал его бытие, выражал свое единство с ним с таким участием, состраданием к его бедам, верой в нравственные силы народа.

Удивительно для тогдашней советской литературы, когда писался «Тихий Дон», что классово-враждебные люди, поистине «ближние» для Шолохова-художника, заставляют одинаково вздрогнуть читателя и то, как красный Подтелков внезапно рубит офицера Чернецова, а белые казаки расправляются с пленным красным командиром Лихачевым так, что и мертвого по-

лосуют на дышащие кусочки; сострадание, жалость автора передается читателю [18].

Бессильные в любви во Христе, люди судорожно стремятся к так называемому счастью, к тому, что именуется любовью на человеческом языке. Но все эти судорожные любовные страсти не дают желаемого счастья, прочной опоры в жизни, особенно героиням. Пытается покончить самоубийством Наталья после ухода Григория к Аксинье, потом (не желая иметь ребенка от него) погибает от сделанного аборта [19]. Но вспомним, как та же Наталья стояла в церкви во время венчания с Григорием «похорошевшей в сиянии свечей» (кн. первая и вторая, с. 105). Кончаются сифилисом («дурной болезнью») в случайных связях плотские утехи Дарьи, в итоге ставшей добровольной утопленницей [20].

Любовная связь между Аксиньей с ее «порочной красотой»[21] и Григорием вносит разрушительную стихию в их судьбы, в саму традиционную нравственность хуторской казачьей жизни [22].

В богословской литературе есть понятие «сжатие добра» (кенозис добра), характерное для катастрофических эпох с максимальным проявлением зла в мире[23]. Такова война. В «Тихом Доне» это зло в кровавых действиях, в убийствах. «Огрубело сердце, зачерствело, будто солончак в засуху, и как солончак не впитывает воду, так и сердце Григория не впитывало жалости»...

Но жалость – глубочайшее христианское чувство, заповеданное Самим Христом: «Христос увидел множество людей и сжалился над ними, и исцелил больных их» (От Матфея, глава 14, 14). И мы видим, как, казалось бы, мертвый сердцем Григорий испытывает приступ потрясения, безумия от зарубленных им матросов. Григорий с омерзением говорит казаку Чубатому, патологическому убийце: «Волчье у тебя сердце». Неожиданная жалость задевает Григория к пленному Лихачеву, измученному страданиями, просящему пристрелить его.

Есть одно изумительное место в «Тихом Доне», умиротворяющее человеческую душу в переполненном злом мире. По дороге Григорий с ординарцем останавливаются на ночлег в ветхой хате старой казачки. Между ними происходит разговор, когда между белыми и красными «замирение выйдет». Бабка своей въедливостью доводит ординарца до крайности.

«Спи, бабушка, за ради Христа. Мы три ночи без сна. Спи! За такие дела умереть можешь без причастья».

Григорий насилу помирил их. Засыпая, он приятно ощущал кисловатое тепло овчинной шубы, укрывавшей его, сквозь сон слышал, как хлопнула дверь, и холодок и пар окутали его ноги. Потом резко над ухом проблеял ягненок. Дробно зацокали по полу крохотные копытца козлят, и свежо и радостно запахло сеном, парным овечьим молоком, морозом, запахом скотиньего база...

Сон покинул его в полночь. Долго лежал Григорий с открытыми глазами. В закутанной подземке под опаловой золой рдяно светились угли. У самого жара, возле творила, лежали, скучившись, ягнята. В полуночной сладкой тишине слышно было, как сонно поскрипывали они зубами, изредка чихали и фыркали. В окно глядел далекий-далекий полный месяц. На земляном полу в желтом квадрате света подскакивал и взбрыкивал неугомонный вороной козленок. Косо тянулась жемчужная – в лунном свете – пыль. В хате изжелта-синий, почти дневной свет. Искрится на камельке посеребренный оклад иконы...

Пронзительно мекекекнув, козленок скакнул с шубы, потом подошел и долго лизал руку Григория крохотным шершавым и теплым язычком» [24].

От этого соседства с ягнятами, кажется, так и повеяло благодатным теплом двухтысячелетней давности, незримым присутствием Самого Агнца Божиего.

Подготовка к печати и комментарии Т. Н. Окуловой, хранителя рукописей М. П. Лобанова, кандидата исторических наук, ст. научного сотрудника ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.

[1] Статья «Перечитывая «Тихий Дон»» публикуется впервые по автографу.

В рабочих материалах последней автобиографической книги Лобанова «Убеждение» была запись: «Тихий Дон» и Православие <...>». На общей папке статей (к основополагающей статье «Убеждение») рукою Лобанова написано: «1. Тихий Дон Шолохова. 2. Происхождение мастера Платонова 3. Жалость в русской литературе, в моей жизни».

[2] В другой рукописной редакции далее был рассказ о встрече Лобанова с автором «Тихого Дона»: «Приведу из моих воспоминаний фрагмент, может быть, наиболее характерный для моего тогдашнего восприятия любимого писателя.

«Казалось, я ничего не видел и не замечал кроме этого, знакомого по портретам лица, поразившего меня своим немного стеснительным, застенчивым выражением. За столом продолжался прерванный нашим приходом разговор Шолохова с соседом, как я понял, с земляком-казаком. Говорили они о чем-то хорошо известном тому и другому, казак «шутковал», рассказывая историю, случившуюся со станичником, Шолохов слушал, наклонив голову, улыбаясь, подзадоривая рассказчика вопросами. Официантка принесла на подносе тарелки с бутылками, но мне было не до угощения. Сам Шолохов ничего не ел, изредка потягивая шампанское из фужера, перебрасывался шутками с местным писателем Никулиным: оба называли друг друга «Мишами», старший по возрасту Никулин, у которого была какая-то история с белыми в Гражданскую войну, держался независимо, ответил громким смехом на дружеский намек Михаила Александровича на его прошлое.

Когда Шолохов говорил, он делал перед собою руками характерные жесты, как будто лепил слова. Я знал, что дед писателя выехал на Дон из наших рязанских мест, и сказал, что мы, рязанцы, считаем его, Михаила Александровича, своим земляком.

– Я казак, – отвечал Шолохов.

Разговор за столом большей частью был «донской», завеселевший шолоховский земляк не держался норм в казацких выражениях, раз и Шолохов употребил крепкое словцо, но сказано это было не вульгарно, не пошло, а с каким-то сдержанным изяществом. Вступать в «казацкий» разговор в присутствии Шолохова мне было трудно, сидя рядом с ним, я изредка, выбирая момент, задавал ему вопросы. Тогда я увлекался романом Леонида Леонова «Русский лес» и мне было интересно знать отношение Шолохова к писателю. Шолохов рассказал мне, как вместе с Леоновым они были на каком-то конгрессе мира, в Польше. Приходит к нему вечером в номер Леонов. Начинает жаловаться: культура не спасла человечество от войны, от газовых камер. Что может сделать хрупкое вещество культуры перед силами зла? Зачем жить? Шолохову надоело слушать, он говорит: иди-ка ты, Леонид, спать. Этот шолоховский рассказ напомнил мне одно место из «Русского леса», где перед Вихровым открывается в ночной исповеди гостящий у него на лесном кордоне Чередилов: зачем корпеть над наукой, все равно помрешь, зачем жизнь? Вихров в конце концов отвечает на это: «Когда человеку дарят солнце, неприлично спрашивать, к чему оно», – и отправляется спать на сеновал. Я не думаю, что «прототипом» для этого эпизода в «Русском лесе» (даже бессознательно для писателя) послужило то, о чем мне рассказал Шолохов. Сама по себе эта история любопытна для понимания того, как может трансформироваться жизненный материал в художественном произведении. Но для меня важнее здесь другое: честность художника. Сам Леонов (создавший с такой любовью своего Вихрова, самозабвенного ученого-лесовода, незлобивого и твердого в своих убеждениях) как-то говорил мне, что в каждом из нас сидит Грацианский («антипод» Вихрова, натура со своим не только идеологическим, на поверхности, паразитизмом, но и психологическим дном). Может сидеть в каждом из нас и Чередилов, хотя бы с той же вялой унылостью перед тайной жизни...

Странное чувство близости и недоступности испытывал я, слушая Шолохова, глядя на него. Он был рядом, шутил и вместе с тем каким-то щитом жесткости отделял от себя. Неуместно, конечно, было говорить ему, как велик его «Тихий Дон», но я где-то сказал в этом роде и остро почувствовал, как ему эти слова глубоко безразличны, сколько он слышал их. Что-то глубоко скрытое было в нем. Никакая это не была «полоса запоя», как судачили о том обыватели. Пил он понемногу шампанское, был совершенно трезв, хотя по Ростову, конечно же, ходили слухи, что «Шолохов запил».

Пробыли мы у Шолохова часов семь, и это время было для меня сплошным переживанием. И когда уходили, я не сдержал режущих слез: видно, глубоко засел до этого во мне образ автора «Тихого Дона», овеянный трагизмом времени, что вот и теперь, при этой встрече, в живом Михаиле Александровиче я видел, может быть, того Шолохова. На другой день Анатолий Калинин передал мне, что Шолохов спрашивал обо мне, сказал добрые слова. Начинались литературные будни.

Ну вот, что я вспомнил? Ничего вроде значительного. Но для меня это была психологическая встреча, и такие обычно не повторяются. Случись это позднее, и я был бы уже не тот, и мое отношение к Шолохову – более трезвое, не столь восторженное. Но я рад, что была именно такая встреча» (Лобанов М. П. С чем придем к Сергию? // «Слово», 1991, № 6).

[3] Вписано карандашом в текст рукою М. Лобанова: «Того же минувшего столетия».

[4] Далее в черновом варианте было: «Очень характерная черта для умственного движения XIX века в среде тех прекраснодушных поклонников всего нового, об одном из которых хорошо сказано в некрасовской поэме «Саша»:

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет...
...Нынче не знает, что завтра сожнет.
Только, наверное, сеять пойдет».

[5] В черновой редакции далее было: «И в выборе пути не может быть знакомой нам периодической «обновляемости», правдоискательство Григория Мелехова достается ему ценою выжигания в его душе радости «обновления». «Простой бесхитростный ум» Григория Мелехова податлив на разные «влияния» (большевика Гаранжи, с которым раненый Григорий лежал в одной палате лечебницы и который «постепенно, неуклонно разрушал все его прежние понятия о царе, Родине, о его казачьем воинском долге»; Чубатого, проповедующего, что «нам, казакам, нужна своя власть, а не иная» и т. д.). В слабых возражениях Григория тем, кто агитирует его, чувствуется растерянность, действительно бесхитростность ума. По природе своей цельная натура, не знающая расслабляющей волю рефлексии, Григорий Мелехов испытывает мучительное душевное раздвоение. Это не подпольное двойничество, уходящее в иррациональную сферу, а реальность противоречий, тем более трагическая, что есть в ней неизбежность объективной закономерности. Противоречия в Григории Мелехове – исторические, психологические – глубже, чем в Пьере Безухове (хотя и менее сложны), ибо за Григорием Мелеховым – многовековая история крестьянства, тогда как за Пьером – столетие умственных интересов, разбуженных в образованном русском слое. Природа психологизма вызвана немыслимыми для прежних героев социально-историческими обстоятельствами. Между братьями Мелеховыми – старшим Петром и младшим Григорием – происходит разговор, в котором извечные, казалось бы, родственные чувства таинственно разводят, отчуждают людей. «Ты гляди, как народ разделили... Будто с плугом проехались: одни – в одну сторону, другие – в другую, как под лемехом. Чертова жизня, и время страшное! Один другого уже не угадывает... Вот ты, – круто перевел он разговор, – ты вот брат мне родной, а я тебя не пойму, ей-богу! Чую, что ты уходишь как-то от меня... Правду говорю? – и сам себе ответил: – Правду. Мутишься ты... Боюсь, переметнешься ты к красным... Ты, Гришатка, досе себя не нашел.

– А ты нашел? – спросил Григорий...»

Вспоминается знаменитый разговор «русских мальчиков» – братьев Ивана и Алеши Карамазовых в романе Достоевского «Братья Карамазовы».

«...Мы для чего здесь сошлись? Чтобы говорить о любви к Катерине Ивановне, о старике и о Дмитрии? О заграница? О роковом положении России?..» Нет, не для этого. Русских мальчиков не интересуют «роковое положение России» (напомним, что сам Достоевский считал конец 70-х – начало 80-х годов, то время, когда писались «Братья Карамазовы», именно роковой эпохой для России, Россия чудилась ему стоящей на краю бездны).

Разговор «русских мальчиков» (в том обобщающем смысле, который разъяснен самим писателем) и разговор братьев Мелеховых – разница здесь качественная. Об этой разнице можно сказать словами Пьера Безухова (тоже ведь «русского мальчика», занятого теми же «вековечными вопросами»), когда он думает о солдатах, которых узнал накануне и в день Бородинского сражения: «Они все время, до конца были тверды, спокойны... – подумал он. Они в понятии Пьера были солдаты... И они просты. Они не говорят, но делают. Сказанное слово – серебряное, а несказанное – золотое». Григорий Мелехов из тех же людей, которые “не говорят, но делают”... И если он заговорил с братом о том, что все перевернулось в жизни и непонятно, по какому пути идти, то это уже не просто слова...»

[6] Готовя как руководитель семинара прозы профессор Литературного института в начале 2000-х гг. учебное пособие «Тысячелетнее русское слово. Духовное и светское», Михаил Петрович просил меня впечатать постскриптум к приложенной в конце книги статье «"Тихий Дон" и русская классика» (1978), где он писал: «Читать сейчас (после «перестройки-революции». – Т. О.) этот роман страшно, уже не до «литературы». Возобновлять в памяти ужасы Гражданской войны, неисчислимость жертв, море человеческих страданий... Ради чего все это было? Чтобы после великой эпохи сверхдержавы, противостояния мировому злу американизма Россия оказалась в пучине невиданных бедствий, с геноцидом народа, беспримерной социальной несправедливости, под сатанинской властью денег, людоедской «морали». Об этом ли думали герои «Тихого Дона», отдавая свои жизни «за лучшее будущее»?» (см.: Лобанов М. П. Тысячелетнее русское слово: Духовное и светское: учебное пособие по истории русской литературы XI–XX вв. М.: Изд.-во Литературного института им. А. М. Горького, 2005. С. 103).

[7] В Литинститутской анкете 1999 г. руководитель творческого семинара прозы (с 1963 г.) Лобанов так отвечал на вопрос о его отношении к интеллигенции: «В «Тихом Доне» Григорий Мелехов говорит: «запутали нас ученые люди». Но не только мелеховых запутали эти интеллигенты-умники, запутались и сами, оказавшись выброшенными из России после революции. В своей статье «"Тихий Дон" и русская классика» я показал, как за «умственные искания», бесконечные «обновления» (от каратаевщины до масонства) Пьера Безухова расплачивается уже не болтовней, а кровавой рубкой на полях Гражданской войны казак Мелехов, человек «серединного народа». Это о дореволюционной интеллигенции.

А нынешняя? И какая интеллигенция? Научно-техническая – из десятков миллионов инженеров, научных работников и т. д.? Не та ли, которая в годы «перестройки», особенно «на заре демократии» выходила массами на митинги, требовала жизни «как в Америке». Ныне она ходит нищей бродягой, не имея надежды ни на работу, ни на зарплату. Не та ли гуманитарная интеллигенция», не те ли «гуманитарии», о которых Солженицын в своем «Бодался теленок с дубом» с умилением говорит как о неких святых, бескорыстных заложниках «святой свободы»? Так они ведь показали себя без утайки, приветствуя расстрел 4 октября 1993 г., злобно науськивая Ельцина на «решительные действия» (см. газ. «Известия, 5 окт. 1993). Меня в свое время (в

статье «Заклинания духов» (журн. «Юность», № 2, 1968) ругали за то, что я не шибко ценю в себе «интеллигента» (хотя отношусь к «вполне интеллигентным товарищам»), что я тянусь к «опрощению». На это скажу: что интеллигентом себя никогда не считал и не считаю. Мне как-то ближе то, о чем искренне сказал М. М. Пришвин: великое счастье быть простым человеком (не простоватым, конечно, не доверчивым, которых ныне, как баранов, ведут «интеллигенты») (из рукописи Литинститутской анкеты руководителя семинара прозы М. П. Лобанова, 1999 г.).

[8] В черновом автографе была карандашная запись: «Известный историк и писатель С. Н. Семанов, как составитель сборника статей «Шолохов и Православие», попросил и меня написать на эту тему. Вроде бы не по возрасту мне такая задача: пристало бы более важным делом <заниматься> – как деду Гришаке читать Библию, Свящ<енное> Писание, и все-таки согласился заглянуть в бездну испытаний, чтобы резче увидеть то, что произошло в России в новую революцию. Ведь тогда все было так обнажено и открыто, беспощадны отношения людей...» – Добавлю от себя как помощницы в литературной работе мужа, что на Михаила Петровича не возымели действия не только аргументы деда Гришаки, но и мои, женские доводы против нового погружения в ту бездну испытаний его, фронтовика – с девятью десятками лет за плечами и отнюдь не богатырским здоровьем. Но он, обладая даром островидения, на излете своей жизни все же вновь окунулся в море человеческих страданий эпохи Гражданской войны, чтобы резче увидеть то, что произошло в России в новую революцию – «перестроечную». И, может быть, само его Слово тоже стало тем самым Божьим лучом милосердия, который прорывается к нам и в эпоху сегодняшнего «сжатия добра».

В рабочих материалах – запись рукой М. Лобанова: «Сказать о философе Евг. Трубецком, который выход из катастрофы (Гражданской войны) искал в созерцании божественной иконы (умер в 1920-м – от тифа). Русский писатель Б. К. Зайцев признавался, что страдания и потрясения, пережитые им во время революции, позволили ему открыть для себя «Россию Святой Руси», которую без этих испытаний он, может быть, не увидел бы никогда» (Б. К. Зайцев. Молодость – Россия» (Зайцев Б. К. Голубая звезда. М., 1989. с. 44). Обращение И. Шмелева к «Лету Господню» (тоже вследствие пережитого в Гражданскую войну – расстрел красными сына)».

В другом месте рукою Лобанова: «Трагедия Гражданской войны – обратила их (Б. Зайцева, И. Шмелева. – Т. О.) к Святой Руси»... «В альманахе "Вече" поддержали мой призыв к объединению всех здоровых, патриотических сил перед злом "демократов", захвативших власть в России. Ведь Ленин не брезговал проститутками как "передовым революционным отрядом" (беседа с Кларой Цеткин)».

[9] Далее была сноска: «Цитаты даются по изданию: М. А. Шолохов. «Тихий Дон» (два однотомника в четырех книгах). – М., «Художественная лиетература»,1979–1980.

В черновом автографе было: «Эпиграф к статье о «Тихом Доне» о тех, кто «не слушает» слов Христа «и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф., гл. 7, 27).

Далее: «Стихия ветра в «Тихом Доне» (через весь роман) <...>

«А лодка была уже на средине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный» (Мф.,14, 24)».

[10] В черновом автографе далее было: «Замечу, что на этот раз мне виднее стало то, о чем раньше я «как бы и не думал», а именно: та народность в романе, о которой столько наговорено в критике, литературоведении, все-таки народность казачья, в большей степени казачья, чем русская. В «Казачьем словаре-справочнике» в трех томах (Калифорния, США, 1968) приводится несколько версий происхождения казаков. Но, что бы ни говорилось об этих версиях, главным остается одно: преданность казачества

православию». – На другой странице было: «История казачества. По словам <Л. Н.>Толстого, казаки создали русское государство. Но если они расширяли русское государство, открывали для него новые земли, то они же и расшатывали его. И это были не только классовые выступления, но и во имя воли казацкой, против Руси. В «Тихом Доне» три рода «отношения к России» (к целостности ее). Исторические лица <...> Герои из народа говорят о русских <...>».

Далее в том же черновом автографе М. Лобановым (составителем, добавим, широко известного сборника «Сталин» («Великий государственник») – четыре издания: 1995, 2000, 2008, 2013 гг.) затрагивается тема «Шолохов – Сталин»: «Сталину, как это ни парадоксально звучит, могли импонировать в «Тихом Доне» консерватизм казачьего быта, эстетика народной жизни. Ведь и сам он был консерватором... с «тяготением к патриархальности»... В разгул «серебряного века» он пишет простые стихи.

Сталин и природа. «Тихий Дон» мог импонировать Сталину и жизнью природы в нем. В одном из писем 1915 года Сталин просит адресата изредка присылать ему «открытые письма с видами природы» (Евг. Громов. Сталин, искусство и власть». – «Алгоритм», 2003, стр. 17. – Лобанов цитирует далее эту книгу. – Т. О.). «В Сталине крепки были крестьянские гены. Только следовал ли он им в своей внутренней политике?» (с. 17). Далее о сталинской «ближней даче» в Кунцеве под Москвой: «Сад, цветы, лес вокруг – это было самое любимое развлечение отца, его отдых, его интерес» (дочь Светлана Аллилуева).

Сталин и русская литература. Во времена символизма, декадентства Сталин пишет стихи о родном крае, о любимой Грузии, о природе.

В Тифлисской духовной семинарии преподавалась русская словесность со «славянофильским акцентом» (с. 25), «подчеркивались патриотические, державно-государственные тенденции в его творчестве». «Семинарские представления о Пушкине крепко запали в сознание молодого Иосифа» (с. 26).

Сталин и мораль. 30-е годы. В 30-е годы «все настойчивее стали говорить о необходимости укреплять семью и заботиться о детях. Подчеркивается первостепенная значимость моральной чистоты и целомудрия у молодежи. Культивируется спорт, славится физическое здоровье и крепость... устрожается взгляд на разводы. Законодательно запрещаются аборты. За всем этим стоит Сталин. Его имидж приобретает новые черты» (с. 194).

На другой странице чернового автографа Лобанова – о «своей (христ<ианской>) правде» у «мужиков» в романе: «Развернуть эту тему (социальная проблема для христианина).

Сталин в беседе с англ<ийским> писателем Гер<бертом> Уэллсом разделял человечество на бедных и богатых. Надо знать, на себе испытать весь ужас нищеты, чтобы понять, какая ужасная участь – бедность.

См.: Достоевский – Катерина Ивановна в «Преступлении и наказании» мечется в ужасе нищеты.

Но надо быть Сталиным, чтобы, придя к власти, будучи властелином в полмире, не поддаться искусу обогащения, как нынешние «наши властители» ельцины-горбачевы».

Далее в рабочих материалах было: «Религия демократии» (... Н. Страхов. «Борьба с Западом») (речь идет об одноименной книге Н. Н. Страхова – М., Ин-т русской цивилизации, 2010, с. 300. – Т. О.). Рукою Лобанова записано: «<...> Нас, русских, видимо, уже поздно переделывать, и если и заманишь на время соблазном «счастья» комфорта, то дело это не прочное, и все равно вскоре «потянет на свое», «русская печаль по чему-то высшему, вечному (о чем и вся наша великая литература)».

Это, кстати, понимали и лучшие наши западники. Герцен, пересекавший границу с восторгом, познавший вскоре, что такое Запад, кончил горестным признанием: «Вера в Россию спасла меня на краю нравственной гибели».

Сейчас ненависть к России принимает изощренные формы – напр<имер>, через ненависть

к Сталину. Митр. Иларион: Сталин – «духовный урод», «создал преступную систему...» Герцен – о «религии демократии», для которой все другое «нелигитимно». Поражает уровень мышления автора. Кто не знает, что сейчас «мир лежит во зле», и может ли один человек создать «преступную систему». Система-то была как раз беспримерная на планете по высоте идеала, социальной справедливости.

(Ненависть к России (тех же нынешних «наших властителей». – Т. О.) – через ненависть к Сталину, великому государственнику. Митр. Иларион: «Сталин создал преступную систему». Если люди живут в преступной системе, значит, и достойны этого, сами преступники» (?). В другой черновой записи (в связи с тем же, с той же горькой иронией): «Значит, все мы, современники Сталина, в созданном им СССР жили как жертвы, значит, сами преступники. А Запад... не преступник?» (далее приводятся слова о Западе Герцена, сказанные в отчаянии от того, что он там увидел. – Т. О.).

На обратной стороне той же страницы было: «Ненависть против сильных личностей России, против Сталина, Победоносцева. Явно действуют какие-то «идеологические советники» в церковной печати («злой Победоносцев» – привести текст) <...>».

В набросках по этому же поводу: «Кризис православия (см. газ. «Завтра» – июнь 2010 г.). Статья А. Проханова – ответ секретарю митр<ополита> Илариона – ненавистнику Сталина. После Февр<альской> рев<олюции> (март 1917-го) «православные власти» поддержали Временное правительство. Формальное православие <...>

В годы Гражданской войны убивали тело. В нынешней войне убивают душу. Опыт Гражданской войны – все было видно, кто для кого враг. Сейчас этого нет. Судят как уголовника – героя-патриота, обвиняемого в покушении на Чубайса».

В материалах к статье: «Развить мысль: стилизованное православие... (в той же современной литературе. – Т. О.). Кризис православия. Мода на него. Нет выхода из «церковной ограды». Процитировать о. Дм. Дудко.

Против Солженицына. Его церков<ный> «поиск» (обожествление Папы Римского) (Иоанна Павла II. – Т. О.). Ненависть к Шолохову» (См., напр., статью Лобанова «О нашем неведении» в кн.: Лобанов М. П. Твердыня духа... С. 897–910. – Т. О.).

«Ныне, в наше поистине апокалиптическое время», – писал далее Лобанов, – методологией христианства православного «может служить не модное (в литературе. – Т. О.) стилизованное православие (в духе Вл<адимира> Крупина), а взгляд на Достоевского – митр<ополита> Антония Храповицкого (человек у Достоевского, несмотря на все страшные глубины падения, все-таки способен подняться к свету, к вере)». – Процитируем в этой связи отрывок из письма М. П. Лобанова от 11 августа 2009 г. протоиерею, писателю Владимиру Чугунову. «В последнее время заявила о себе литература, которую стали называть «православной». Появился некий манифест, в котором начисто отвергается литература традиционная, реалистическая, а «новая православная литература» регламентируется на манер соцреализма. Мне ближе то, что я увидел в ваших книгах (речь идет о двух присланных автором Михаилу Петровичу книгах «Русские мальчики» и «Городок». – Т. О.) Православие у вас не стилизовано, не замкнуто «церковными стенами».

В земном бытии ничего не случайно, все взаимосвязано – «мелочи» и «вечное». Как в чеховском «Студенте»: затронул конечное звено в двухтысячелетней исторической цепи – отзовется в начальном. И вот у вас чувство земного и небесного. Проходящий, подвыпивший мужичок, остановившись, говорит: «Пастух, не обижай козу!» Когда-то он увидел, как вы, разозлившись на бестолковость отстающей от стада больной козы, «наподдавали» ей, а потом сами переживали. Через мужичка же «укорил меня Господь»: «Не обижай козу, она тоже живая душа». И обострилась жалость к животным. В самом деле:

чем виноваты они, если человек, растлившись, сделал стенающей всю тварь?» (Цит. по: «Вертикаль. XXI век», 2011, вып. 33).

В набросках М. Лобанова читаем: «Но вот апостол Павел: хочу делать одно (добро), а делаю другое (зло)». «Так, Григорий Мелехов – мера испытания человеческого в человеке (показал человека в человеке – вот подлинный реализм. Такой реализм в «Тихом Доне»). Раскольников в «Преступлении и наказании» мучится, что... раздавил вошь, старуху-процентщицу. А в «Тихом Доне»... «Человека убить... легше, чем вшу раздавить. Подешевел человек за революцию».

В другом месте в черновом автографе – в продолжение «сталинской» темы: «Почему такая ненависть к Сталину, которого народ признал первым лицом России (митр. Иларион, Кураевы-Смирновы о Сталине, как «бандите»?»

– Приведу по этому поводу еще один отрывок из вышеупомянутого письма (от 11 августа 2009 г.) М. П. Лобанова протоиерею, писателю Владимиру Чугунову (посещавшему, кстати, в свое время Лобановский семинар в Литинституте, рассказавшему об этом, в частности, в своем романе «Причастие» (Нижний Новгород, 2017)): «Должен признаться, батюшка, что я всегда с благоговением относился и теперь отношусь к священникам, полагаю, что нет более тяжкого, ответственного дела (всегда же стоишь перед Богом и отвечаешь за все!), чем отдание всех сил церкви, служению Литургии. Помнится, когда где-то в 60-х годах я пришел к Марии Александровне Платоновой – жене Андрея Платонова (жили они в квартирке во дворе Литинститута, не раз я был здесь со своими студентами), то встретил у нее старшего брата писателя, как выяснилось потом, Петра Платоновича, доктора каких-то наук. По какому-то случаю он вдруг накинулся на «попов»: «помашут кадилом и гребут деньги». Я смотрел на него и дивился: «Неужели этот примитивный дядя – брат великого писателя?» Священнический сан и ныне для меня – неприкосновенная для критики святость. Но не касаясь священнического сана, догматов, нельзя не видеть того, что стало слишком очевидным в церковной среде – увлечение политикой определенного направления, политиканством. Одно время я частенько слушал православное, как оно само называет себя, радио «Радонеж». Бывают отдельные полезные передачи, но немало – либерально-разрушительного направления. Постоянное проклятие 70-летней советской эпохи русской истории как эдакого 70-летнего Вавилонского плена. Той самой эпохи, которая, несмотря ни на что, останется вершиной в тысячелетней истории русской государственности, беспримерной по своему влиянию на мир, противостоянием финансово-капиталистическому разбою, вот уж истинно «империи зла» – агрессивной Америки. И вот эту эпоху с величайшими деяниями, подвигами старшего поколения, на трудовом, героическом наследии которого паразитирует нынешняя либерально-олигархическая власть, вот это славное наше историческое прошлое и чернит нередко, клевещет на него радио «Радонеж». Тут весьма активны порой и духовные лица. Так, в своих систематических воскресных беседах с радиослушателями протоиерей Дмитрий Смирнов не обходится без грубых язвительных выпадов: «красная тряпка» (о Красном Знамени), «советские привыкли в окопах жить», «какие-то люди несуразные хотели строить новую жизнь», «тридцать лет правил страной бандит, который был недоучившийся семинарист» и так далее. Газета «Завтра» (№ 28, июль 2009-го) приводит такое омерзительное слово этого проповедника о Сталине, что не поднимается рука его повторять. Отец Дмитрий Смирнов не рядовой протоиерей, он председатель Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами, а также главный редактор газеты этого отдела. Выходит, что очернение великой эпохи, связанной с Победой над гитлеровской Германией, отвечает «церковной» задаче «воспитательной работы» среди нынешних воинов?

Не великое ли чудо – десятилетиями беспре-

рывно телевидением, всеми средствами массовой информации население обрабатывается в духе лютой ненависти к Сталину, и вот это население, вопреки тотальному насилию над ним, выбирает в качестве главного исторического «Имени России» Иосифа Виссарионовича Сталина. Казалось бы, факт для раздумья, но он только усиливает сталинофобию.

Недавно в газете «Радонеж» (№ 6, от 25 июня 2009-го) был опубликован отрывок из интервью архиепископа Волоколамского, председателя внешних церковных сношений Московского патриархата Илариона, которое он дал журналу «Эксперт», где, приравнивая Сталина к Гитлеру, так говорит о Сталине: «Я считаю, что Сталин был чудовищем, духовным уродом, который создал жуткую, античеловеческую систему управления страной, построенную на лжи, насилии и терроре». От редакции говорится, что слова архиепископа вызвали в интернете «бурную реакцию», «многие восприняли эти слова с горячим одобрением, другие – с негодованием». Так и кажется, что цель приведенных слов о Сталине – внести в общество раскол, взаимную ненависть, унизить массы «совков», не вписавшихся, не принявших людоедского рынка. Вслед за публикацией в газете «Радонеж» выступивший по радио того же звания (17 июля 2009-го) ведущий по фамилии Марченко, услужливо поддерживая сказанное архиепископом, добавил с запалом, что «Сталин хуже Гитлера» и что он «варится в котле в аду». Понятно, когда имя Сталина обливают грязью либералы-«демократы», ибо для них он воплощение ненавистной им государственности, державной мощи России, а ее-то и хотят они добить. А чего хотят «духовные просветители», прямо-таки соревнующиеся в хулении спасителя Отечества от предвоенной троцкистской пятой колонны (недавних предков нынешних либералов) и Гитлера? В унисон с «Объединенной Европой» (той самой, что давно отказалась от христианских ценностей, которая недавно разродилась «резолюцией» по поводу «жертв сталинизма и нацизма» и нагло отказала нам в Великой Победе). В составленной мною книге «Сталин» (в сорок печатных листов, три издания – 1995, 2000, 2008)) приводится огромное количество высказываний о Сталине политических лидеров мира, полководцев, ученых, деятелей культуры, встречавшихся с ним современников из разных общественных слоев, и какая колоссальная личность вырастает из этих свидетельств, поразительная по своему величию. «Богоданным вождем» называли его патриархи Сергий, Алексий I. Известный священник, церковный писатель отец Дмитрий Дудко, за свои убеждения отбывший при Сталине наказание в лагере, в своих «Мыслях о Сталине» (в упомянутой выше книге) пишет: «Как не кричат, что в советское время много погибло в лагерях, но сколько гибнет сейчас без суда и следствия, безнаказанно, безвестно, ни в какое сравнение не идет та гибель. Весь ограбленный и обманутый народ теперь вздыхает: был бы Сталин, не было бы такой разрухи... Сталин был деспот, да, но он был ближе к Богу... Демократы, как ни объявляют себя верующими... они верующие, только в Золотого тельца, в бизнес, в мамону. А в Евангелии прямо сказано: не можете одновременно служить Богу и мамоне» (Цит. по: «Вертикаль. XXI век», 2011, вып. 33).

[11] В рабочих материалах чернового автографа была карандашная запись: «Есть, конечно, жесткие, по-шолоховски крепкие слова о «попах»... Но в целом русский народ предан православию (цитата из «Истории Русской церкви»), как разнузданные солдаты после Февральской революции встречают патриарха Тихона (имеется в виду эпизод из многотомной «Истории Русской церкви. 1917–1997» (протоиерея Владислава Цыпина. – М., 1997. Книга девятая – с многочисленными пометами, выписками М. П. Лобанова. – Т. О.).

Далее запись: “Голос совести. Григорий Мелехов говорит брату Петру (на его вопрос: «Тебе-то приходилось... убивать?») – «Прихо-

дилось... Меня совесть убивает... срубил зря человека и хвораю через него, гада, душой. По ночам снится сволочь». Петр отвечает: «Ты не обмялся ишо». Это об убийствах на Первой мировой войне с австрийцами, Кн.1–2, с. 267. Потом Григорий вроде бы «обмялся», и все равно голос совести не убит.

с. 279. – Глядя на убитого немца: казаки, проезжая, крестились».

На другом листе – выписки с комментариями Лобанова из вышеупомянутой «Истории Русской церкви. 1917–1997» (Книга 9. – М., 1997). Среди них запись: «С. 12, 14. – С февралем 1917 года «Русская церковь постепенно осознавала, что симфонии с государством нет и не будет, что при существующей неправославной власти необходимо противостоять разлагающему влиянию либерализма в среде духовенства...» (с. 12–13). <...> Как и при февральском (1917) либерализме, не может быть симфонии с государством антинародным, антихристианским и при нынешнем (начало XXI в.) либерализме, тем более что, как и прежде (Керенский), у власти те же либералы-юристы <...>”.

[12] В черновом варианте было: «Евг. Листницкий – монархист. Обаяние величия империи».

[13] В черновом варианте было: «В «Тихом Доне» бушующее море страстей (от любовных до политических)».

[14] См.: Лобанов М. П. Пути прямые и – лукавые // Лобанов М. П. Твердыня духа. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 915–929. Речь идет о книге «История одной старушки» монахини Амвросии (в миру Александры Оберучевой) (Изд.-во храма Святых Косьмы и Дамиана на Маросейке. М., 2006). Книгу эту подарил ему священник Евгений Булин (выпускник Литературного института им. А. М. Горького, где он посещал семинар Лобанова). По словам Михаила Петровича, когда он начал читать ее, «то сразу же почувствовал, как душа... насыщается той простотой подлинности, за которой не видно слов, а встает перед тобой вся жизнь человека, какой она и должна быть по Христу, но почти не бывает по нашему ничтожеству» (Там же. С. 915–920).

[15] Далее прим. автора: «Шолохов, кн. 3–4, с. 362–364 – сердобольная старуха».

[16] В материалах к статье было: «Сострадание (Достоевский о сострадании как высшей форме любви».

«У Шолохова – искры жалости и в жестокости. Народное чувство жалости «Тихом Доне» (в народе говорили – жалеть, а не любить)».

[17] Далее под этой строкой карандашом вписано: «На могиле во дворе дома нет креста».

[18] Под этой строкой карандашом вписано: «Жалость в Евангелии».

[19] В черновых записях далее: «Тихий Дон» и «Война и мир». Наталья в «Тихом Доне» умирает от аборта. Элен Курагина в «Войне и мире» умирает от аборта. «Толстой как бы говорит, что нет большего греха на земле, чем грех женщины, могущей, но не желающей иметь ребенка. И о смерти Элен (хотевшей избавиться от будущего ребенка) Толстой говорит с откровенным пренебрежением как о мелком происшествии, как о светской сплетне (как будто совсем незадолго до этого не было всеобщего примирения в любви подле умирающего князя Андрея» (из статьи Лобанова «Вечность красоты», посвященной столетию выхода в свет романа Л. Н. Толстого «Война и мир», в журнале «Молодая гвардия», 1969, № 12. – Цит. по: Лобанов М. П. Твердыня духа... С. 169–176).

[20] «В «Тихом Доне» Дарья расстреливает красного казака (сама утонула в Доне от сифилиса). Ср. с героиней в пьесе «Любовь Яровая» (К. Тренева) (расстреливает любимого – классового врага). В «Казачьей энциклопедии» фамилия К. Тренева в ряду «выдающихся казаков»). Злобная сатира К. Тренева на епископа Иоанна (Быстрова) (книга митр. Вениамина (Федченкова) («Записки епископа». – Т. О.) – о клевете Тренева».

[21] В рабочих материалах после слов ««порочная красота» Аксиньи» было: «Гоголь о тра-

гическом разладе красоты и морали. (В «Невском проспекте» художник Пискарев ошеломлен красотой девушки, но, оказывается, она проститутка (и художник кончает самоубийством)». – В другом месте в черновых записях Лобанов пишет о художнике: «Он не выдерживает этого разящего несоответствия физической красоты и внутренней порочности. И самого Гоголя мучило это... Так же, как и Достоевского с его страшной загадкой красоты, где «дьявол с Богом борется».

Но в случае с Аксиньей, с ее «порочной красотой» дело проще, но, пожалуй, и глубже, и для уяснения этого резонно обратиться к самому понятию «женщина», данному хотя бы в книге «Русское православие» (М., Ин-т русской цивилизации. Том 1, 2009, с. 625). «Женщина – в традиционных православных понятиях рассматривается двойственно. С одной стороны, совершенно очевиден культ возвышенного женского начала – матери-Земли, Богоматери, человеческой матери и материнства, уважение к женщине как хранительнице семейного очага. С другой – отрицательное отношение к чувственности, которую выражает собой женщина. В этом смысле женщина рассматривается как один из главных источников греха и орудие сатаны. «Начало грехам – от женщины, и от нее же – умираем мы» («Изборник», 1076). «Зло есть женская прелесть». Мотивы подобного отношения к женщине, как потенциальной пособнице дьявола, заметны даже в «Домострое» (XVI). В сознании коренного русского человека главное предназначение женщины – служить хранительницей домашнего очага» (с. 625).

...Л. Толстой: «...Когда я вижу разодетую женщину, я хочу закричать: “Городовой!”» (с. 627).

– Далее карандашная запись: «Наташа Ростова (нет “нравственной преграды”), Элен Безухова и Аксинья». – В другом месте о том же: «Аксинья и Наташа Ростова. Чувственность женщины как признак ее падшего существа <...>». – На отдельном листочке – о Наташе Ростовой: «Сцена в театре, когда Наташа, казалось бы, любящая своего князя Андрея, неожиданно для себя тянется к Анатолию Курагину, почти не известному ей красавцу, чувствуя, что между ними исчезает “нравственная преграда”». (Сбоку приписка рукою Лобанова: «Толстой “уздой” семьи сдержал “женские антиномии” Наташи»). Ср.: Аксинья в “Тихом Доне” – отдается Листницкому (когда уехал на фронт Григорий Мелехов)».

– В статье «Тихий Дон» и русская классика» Лобанов замечал, что в Аксинье – почти биологическая сила чувства: «Она жадно вдыхала исходивший от него смешанный запах терпкого мужского пота и табака, такой знакомый и родной запах, свойственный лишь одному ему. Только по запаху она с завязанными глазами могла бы отличить своего Григория от тысячи мужчин». Хотя в той же Аксинье открывается вся глубина чувства к любимому человеку. Кстати, в той же Аксинье в ее сближении с Листницким (в отсутствие Григория) есть та же загадка женской природы, интуитивно почувствованной художником («Свои неписаные законы диктует людям жизнь»), как и в толстовской Наташе Ростовой <...>. Можно было бы назвать другие подробности в «Тихом Доне», заставляющие вспомнить Толстого (Аксинья рядом с любимым Григорием: «зажмурив глаза так, что в темноте брызнули оранжевые искорки», и Анна Каренина, возвращающаяся домой после вечера, проведенного с Вронским: «Она долго лежала неподвижно с открытыми глазами, блеск которых, ей казалось, она сама в темноте видела»). Общее у обоих художников – почти «языческая» свежесть чувств, с огромной силой подсознательного» (цит. по: Лобанов М. П. Тысячелетнее русское слово: Духовное и светское: учебное пособие по истории русской литературы XI–XX вв. С. 102).

[22] Запись рукой М. Лобанова: «“Если тронуть страсти в человеке, // То. конечно, правды не найдешь” (С. Есенин). Море губительных страстей бушует в «Тихом Доне». И, конечно же, любовных. <...> Когда-то, в конце 50-х годов, писатель Федор Гладков, с которым я, работавший тогда в газете “Литература и жизнь”, встретился для беседы в газету, подивил меня край-

ней неприязнью к Аксинье из “Тихого Дона”, которую с горячностью именовал проституткой. Мнение, что называется, частное, так же, как и небесспорное». <...>

Если «женский вопрос», начиная с 60-х годов XIX века вплоть до нынешнего времени не отпускает общественность (ошалевшие от «эмансипации» всякие там «демократки» лаховы, арбатовы, пр.), то нелишне было бы (ради объективности и, м<ожет> б<ыть>, на пользу самих женщин) вдуматься в смысл слова «женщина» в Православной энциклопедии» (цитата)». Далее запись рукою Лобанова карандашом: «Аксинья готова ради любовника Григория на все: неслучайно она вздрагивает, когда Григорий говорит: «...прикончим...» (кн 1–2, с. 87). (Ей почудилось, видимо: «...прикончим Степана». И если бы Григорий сказал ей об этом («надо покончить со Степаном»), то она «ради любви» своей и пошла бы на это...

Ср<авнить> с рассказом в кн. А. С. Шишкова («Огонь любви к отечеству» – М., Ин-т русской цивилизации, 2011. – Т. О.) – история о том, как знатная дворянка из-за страсти к любовнику вошла в заговор – убить Екатерину II».

[23] В черновом автографе было: «сжатие добра» (Зеньковский, с. 219)... «Чудо участия Бога в мире» (с. 98)... Богослов В. В. Зеньковский в своей книге «Основы христианской философии» (М., 1996) пишет об «участии Бога в жизни мира» (с. 98), о Промысле (с. 269). Можно говорить и об «участии Бога в войне» – в «Тихом Доне». В «Тихом Доне» это терзания совести Григория Мелехова, убившего в бою солдата. Он же, Григорий, «подчиняясь сердцу», спасает в бою своего личного врага Степана (мужа Аксиньи...). Трагизм войны (зло и космических, дьявольских сил и греха в самом человеке (с. 270)). С. 273 – Так и в войнах – рядом с жестокостью, уничтожением людей – «проявления жертвенности, любви и жалости».

[24] В рабочих материалах было: «Тихий Дон» так густо замешан на правде жизни... Мощный поток жизненных картин... Прут, как ледоход на Дону (рыбная ловля).

Исцеление от зла жизни, войны – мирные картины (Григорий ночует в сарае – хлеву). Христос родился в хлеве. Инстинкт жизни, Божий мир, драгоценность дара жизни... Любовь к жизни (Шолохов – скульптору Вучетичу (где улыбка как любовь к жизни)...

Божий луч добра прорывается сквозь ужас войны, людскую ненависть, злобу (сострадание через плач ребенка, когда ведут по улице избиваемого Ивана Алексеевича <...> Сострадание как высшая степень любви на земле... Жалость Григория к Степану <...> Достоевский и Шолохов (Бог и природа – в кн. Николая Сербского <святителя>).

Да, мир лежит во зле, но такой мир давно бы сгнил от гноя зла, если бы в нем же самом не таились семена Мира Божия, не излучались сквозь всю мерзость, ненависть, накопленную человечеством (и что с гордостью именуют ноосферой – без выхода к вечному)».

— В своей статье «"Тихий Дон" и русская классика» Лобанов так писал о «голосе совести» в человеке: «Характер Григория Мелехова впервые открыл и меру способности человека остаться человеком при неисчислимых утратах (гибель почти всей родни Григория) – не в узко личном смысле, а в значении поучительности судьбы Григория Мелехова как элемента народного самопознания» (См. в кн.: Лобанов М. П. Твердыня духа. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 345–346). ■

МИЛОСЕРДИЕ

(Журнальный вариант)

Когда-то, в 1969 году, в журнале «Молодая гвардия» была опубликована моя статья «Боль творчества и словесное самодовольство», в которой речь шла о двух характерных явлениях в тогдашней литературе. Первое выражалось в сопереживании, в писательской чуткости к людскому горю и связывалось с именем В. Астафьева. Тогда Виктор Петрович был совсем не тот, каким стал в годы «перестройки», при режиме «демократов». В шестидесятые годы книги его задевали заветные струны читателей, взывая к состраданию наподобие той пронзительной реакции молодого сибиряка в повести «Где-то гремит война», захлестнутого горем многодетной тетки, получившей в войну похоронку на мужа. Другое явление представляло собою «экспериментаторство» В. Катаева, который в своей повести «Кубик» демонстрировал самодовольную словесную игру в изобретенный им «мовизм».

С тех пор прошло более трех десятилетий, и в жизни нашей произошли разительные перемены. С приходом в девяностые годы к власти «демократов» ограбленный, обездоленный народ оказался обреченным на вымирание. Ежегодно от геноцида русское население страны сокращается на миллион человек. И в этих условиях писатель В. Астафьев расписывал, насколько люди стали жить лучше, богаче и приводил пример, как много, бывая на кладбище, где похоронена его дочь, он видел дорогих иномарок, чего нельзя было увидеть раньше. И это писал автор, которому было так близко то, что переживает герой его книги шестидесятых годов: «Сейчас в нем пробудилась и заговорила российская жалость, та ни с чем не сравнимая жалость, которая много вредила русским людям, но и помогала сохранить душу, оставаться людьми».

Осенью 1989 года, один раз в каждую неделю сентября, я приходил в «Литературную газету», чтобы вычитать шедший в очередной номер свой материал в «Диалоге недели» с другим критиком. И в один из таких дней познакомился с писателем Леонидом Бородиным. Он недавно был освобожден из места заключения, где провел много лет как политический диссидент, и в разговоре со мной вспомнил мою вышеназванную статью в «Молодой гвардии», стихи Бунина, которые приводились в ней. Стихи такие:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые цветы меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Ныне стихи эти воспринимаются как расхожие, но тогда, в 1969 году, в немыслимом, казалось, контексте тогдашнего комсомольского журнала, эти стихи могли действовать совсем иначе – своей, так сказать, контрастной времени религиозностью, все покрывающим Господним милосердием.

Есть изумительные слова о милосердии, сказанные великим французским математиком, физиком, духовным подвижником Па-

скалем. Он говорил о том, что все тела, звезды, земля не стоят самого ничтожного из умов, ибо он знает все это и самого себя, а тела не знают ничего. «Но все тела, вместе взятые, и все умы, вместе взятые, и все, что они сотворили, не стоят обычного порыва милосердия – это явление несравненно более высокого порядка».

Милосердие составляет такую глубочайшую тайну бытия, что ее невозможно вытравить даже там, где ей, кажется, не должно быть места. Вот, например, Ницше, благо этот проповедник «нигилизма» костит «стадного человека» в Европе, его вырождение, лицемерную мораль, обличает «борзопишущих рабов демократического вкуса», видит в демократическом движении не только форму упадка политической организации, но и форму измельчания человека, низведение его «на степень посредственности и понижение его ценности» и т. д. Но при этом, ставя себя «по ту сторону добра и зла», возносясь на воображаемые высоты пророчества Заратустры с их претенциозной риторикой, он со своей «волей к власти» во всем апологетизирует жестокость, войну, в «Антихристе» замахивается на христианство, кощунствует над Христом, вместо «умершего Бога» властелином мира объявляет сверхчеловека и т. д. Кстати, Паскаля он называет «жертвой христианства». И более всего ему, пожалуй, ненавистно сострадание к ближним, больным и обездоленным – вообще к простым смертным, не сверхчеловекам. Сам Ницше никакой, конечно, не сверхчеловек; этого играющего словами базельского филолога по-человечески жаль, когда читаешь его взвинченные тирады против нравственности, о своей несравненной мудрости, гениальности. И совсем уже забываешь о его презрении к нам, малым сим, проникаешься сочувствием к нему, когда думаешь о его пребывании в психиатрической клинике, куда он попадает из-за своей болезни – прогрессивного паралича (последствие сифилиса).

Вспоминаются гоголевские «Записки сумасшедшего», когда читаешь записи в истории болезни Ницше (от 1889 года):

«23 февраля. В последний раз я был Фридрихом Вильгельмом I»; «28 февраля. Улыбаясь, просит у врача: «Дайте мне немножко здоровья»; «27 апреля. Частые вспышки гнева»; «18 мая. Довольно часто испускает нечленораздельные крики»; «14 июня. Принимает привратника за Бисмарка»; «4 июля. Разбивает стакан, «чтобы забаррикадировать вход в комнату осколками стекла»»; «9 июля. Прыгает по-козлиному, гримасничает и выпячивает левое плечо»; «7 сентября. Почти всегда спит на полу у постели».

О «сверхчеловеке»-фюрере, принесшем людям, народам бездну зла, Сталин, узнавший о его самоубийстве, сказал: «Доигрался, подлец».

Как книжный «сверхчеловек», хотя и воинственный в своих химерах, Ницше тоже по-своему «доигрался», став жертвой антихристианских сил.

...Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку, как зверька,
Дразнить тебя придут...
(Пушкин)

Среди афоризмов Ницше есть такой: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже будет смотреть в тебя». Так бездна европейского, без Бога, бытия, в которую так пристально вглядывался Ницше, в свою очередь, тоже смотрела в него, породив чудовищные образы декаданса, «нигилизма».

Кажется, бездной зла смотрит на нас нынешняя «новая Россия», и невозможно отвести глаз от этого чудовища. Отбрасывается, как ненужная ветошь, все, что связано с человеческой моралью. От привычного в прежней нашей жизни «Помоги» – нынешнее «Убей бедного». Вот людоедское кредо одержимого русофобией Чубайса в передаче его преемника

по Госкомимуществу Поливанова: «Ну и что из того, что народ не приспособлен к реформам, вымирает? Ну и пусть вымрет сорок миллионов. Русские бабы еще нарожают».

Утверждающийся в нашей стране тип «экспансиониста», попирающего все моральные нормы, угрожает самой основе русского национального призвания. Если сила может, по Евангелию, в немощи совершаться, то и кажущаяся слабостью в это оголтелое время наша русская способность к состраданию тоже может заключать в себе положительную силу. Ведь слишком велика отмеченная еще Паскалем тайна милосердия, чтобы считать ее по нынешней цене фикцией. Русская литература как выражение национального духа, сознания чутка к этой высшей категории бытия. И здесь прежде всего мы называем Пушкина.

Не так давно вышла книга В. Н. Катасонова "Хождение по водам". Религиозно-нравственный смысл "Капитанской дочки"» А. С. Пушкина». Автор видит главное содержание повести в истории взаимоотношений Гринева и Пугачева. Разбирая встречи, диалоги героев, он заключает, как в их отношении «смешиваются все устоявшиеся понятия». Стоящие в разных станах люди помогают друг другу, один спасает другого. «Пожарище крестьянской войны, беспощадно заглатывающее каждый день сотни и сотни жизней, как будто и не касается совсем наших героев, которые на самом деле, суть явные и сознательные участники этой национальной распри. Что происходит?» И автор для понимания этого обращается к евангельскому образу: хождение по водам. Как при хождении по водам Христа «преодолеваются физические законы мира, так и здесь, в странной истории отношений офицера Гринева и самозванца Пугачева, отменяются законы социальные, законы разделения и вражды». По словам автора, «Капитанская дочка» настолько проникнута духом милосердия, что ее можно было бы назвать «повестью о милосердии». И эта кардинальная христианская ценность, глубоко осознанная, гениально изображенная Пушкиным, «занимает центральное положение в русской культуре».

И в народе нашем, несмотря ни на что, продолжает жить чувство милосердия. Остался в моей памяти один давний случай. Позвонил мне как-то известный литературовед Леонид Иванович Тимофеев и попросил меня как члена приемной комиссии Союза писателей РСФСР поддержать одного критика, живущего в провинции. При этом он заметил, что у этого провинциала с детства парализованы ноги. Сам Леонид Иванович был точно в таком же положении, он двигался, волоча на костылях массивное тело с набрякшими от напряжения кистями рук, с мучительным иногда выражением лица. Трогательно было то, что провинциал обратился к Леониду Ивановичу, видимо, не только как к известному литературоведу, но и как к старшему собрату по недугу, который лучше, чем кто-нибудь другой, поймет его и посочувствует ему. Так и в народе знают, где можно найти понимание и поддержку.

Живет на моей Родине на Рязанщине, в Спас-Клепиках, интересный человек – Евгений Поликарпович Кочетков. Полковник, начальник районной милиции, признанный одним из лучших в стране работников в своем деле. Он страстно любит природу, снимает любительские фильмы о Мещерском крае, часами готов сторожить и выжидать, чтобы заснять удивительный момент из жизни зверюшек, птиц, движения весенней воды. Как-то он сказал мне: «Что такое счастье? Любовь проходит. А когда подумаешь, что у матери было уже четверо детей и больше могло не быть, а вот ты родился пятым – увидел мир, все чудеса в нем – вот это счастье!»

Он же рассказал мне о нашем земляке, которого я хорошо знал, – бывшем директоре местной ватной фабрики Сергее Рощине. В последние годы жизни его постигло горе: ему отняли обе ноги. И он говорил: «Разве главное, что нет ног? Главное, я вижу божий мир». Сергей

Рощин был «калганник» – так у нас в Мещере называют староверов.

***

О, как мы, пишущая братия, легко обольщаемся своим «высоким призванием», готовы поверить нелепому изречению, что капля чернил талантливого писателя равна капле крови мученика. Тешимся своей мнимой известностью, чуть ли не учительством, даже не задумываясь, как все ничтожно перед истинной целью жизни, доступной многим из тех, кого называют «простыми людьми». Не так давно один известный писатель в своей статье назвал ряд писателей старшего поколения (в том числе и меня), которым по возрасту их дано свидетельствовать о героическом прошлом государства. А после этого пожилая верующая женщина сказала мне, что иному человеку долголетие дается для того, чтобы он успел здесь, на земле, избавиться от грехов, прийти к покаянию. И вот при этих двух измерениях долголетия чувствуешь, как второе покрывает, поглощает первое, каким бы важным оно ни было, и сознание, душа остается наедине с вечностью.

Господи, нет предела милосердию Твоему! Ты сохранил мне жизнь на войне, в болезни, дал мне долголетие, и чем я ответил Тебе? Ты знаешь все мои грехи и сохраняешь милость Твою ко мне. Прости мне слабость мою и греховность. Ты же знаешь, как я верую, что если есть во мне что-то доброе, способное к добру, то это не мое. Ты дал мне, как и те неисчислимые дары Благодати, которые по великому милосердию Твоему проливаются на нас, на Твои, Господи, творения. ■

Конец октября 2002 г.

Архив Николая Крижановского

НИКОЛАЙ КРИЖАНОВСКИЙ

Родился в 1974 году в Армавире.
Критик, литературовед.
Член Союза журналистов России. Доцент кафедры публицистики и журналистского мастерства КубГУ. Печатался в «Вопросах литературы», «Москве», «Нашем современнике», «Родной Кубани», «Литературной газете» и других СМИ.
Живёт в Краснодаре.

ДВА ПОДХОДА К СОЗДАНИЮ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ В СЕРИИ ЖЗЛ: Ю. СЕЛЕЗНЁВ И М. КУЧЕРСКАЯ

Проработавший в издательстве «Молодая гвардия» почти четверть века главный редактор Андрей Петров в интервью с Игорем Шараповым, записанном в 2014 году, неоднократно подчеркивал: «молодогвардейская историческая школа», в которую вошли «Аполлон Кузьмин, Вадим Кожинов, Юрий Селезнев, Борис Тарасов, Юрий Лощиц и целый ряд других замечательных историков и писателей» [7], дала лучшие результаты работы и во многом определила «творческую линию издательства» [7].

При этом главный редактор ни разу не упомянул про то, что практически все названные авторы пришли в «Молодую гвардию» с 1976 по 1980 год, когда редактором серии ЖЗЛ, сумевшим привлечь наиболее талантливых историков и писателей, был Юрий Иванович Селезнев. Именно он сплотил вокруг проектов издательства как названных в интервью, так и не названных авторов: Михаила Лобанова, Олега Михайлова, Арсения Гулыгу, Сергея Семанова, Игоря Золотусского, Виктора Петелина и др. Они же образовали, по словам Петрова, «историческое почвенничество» и «славянофильский вектор» развития издательства, который редактору по одному ему ведомой логике видится также «евразийским» [7].

Но не этим привлекло меня интервью редактора «Молодой гвардии», а тем, что в нем названа иная, «не менее славная писательская обойма» [7]. Приведу весь список, озвученный Петровым: Александр Архангельский* и Людмила Сараскина, Алексей Варламов и Дмитрий Быков*, Валентин Курбатов и Захар Прилепин, Владимир Новиков и Майя Кучерская, Юрий Поляков и Лев Данилкин, Павел Басинский и Владислав Отрошенко и еще многие-многие другие» [7]. В «славную обойму», противопоставленную «исторической школе», попали не только несовместимые по убеждениям люди, но и те, кто вообще не писал книг для серии ЖЗЛ, а привлекался издательством в различных проектах. Например, Ю. М. Поляков и В. Я. Курбатов. Остальные писали, и, видимо, они названы Петровым «лучшими из лучших» [7].

О признанных в России иноагентами А. Архангельском* и Д. Быкове* говорить не буду: о них неоднократно упоминал и писал Ю. М. Павлов [10; 13; 14]. Качество и глубину гремевших на всю страну текстов Прилепина и Сараскиной в серии ЖЗЛ также неопровержимо-аргументированно охарактеризовал в своих работах Юрий Михайлович [9; 11; 12]. О провалах в варламовском изложении биографии Василия Шукшина в 2017 году отзывался друг писателя, актера и режиссера А. Д. Заболоцкий [1]. Недостаткам текста Варламова о Василии Макаровиче в контексте других критических работ посвящена моя статья 2019 года «Критическое разноголосье: заметки накануне юбилея Василия Шукшина» [2].

Отмечу также, что названные в предыдущем абзаце авторы биографий – и иноагенты и не иноагенты – ценностно близки друг другу. Укажу и на другое: все эти творцы были неоднократно премированы на самом высоком уровне. Приведу всего три примера: премия «Большая книга» в 2006 году была вручена Д. Быкову* за «Бориса Пастернака», в 2017 году досталась Л. Данилкину, написавшему о Владимире Ленине, а в 2021 году ее получила М. Кучерская за повествование о Николае Лескове.

Конечно, Петров нарисовал в интервью красивую картину, не рассказав о серии ЖЗЛ главного. Основанная в 1890 году серия была в советское время возобновлена по инициативе М. Горького в 1933 и с этого времени страдала серьезным недостатком: советская идеология не позволяла развернуться на страницах изданий правдивому жизнеописанию русских творцов, полководцев, ученых, деятелей иных сфер. Если в жизнеописаниях «святых» советской эпохи – бунтарей, противников самодержавия, всех, кто пострадал от властей до революции, – принято было всячески нахваливать героев, скрывая их человеконенавистничество и другие «слабости», то в биографиях дореволюционных персон, искренне верных Богу, монарху и Отечеству, многое умалчивалось или перевиралось. Приведу два характерных и показательных примера. Выпущенная в серии ЖЗЛ в 1966 году книга Л. Хинкулова «Тарас Шевченко» не содержала даже намека на клиническую русофобию «кобзаря» [17], хотя к этому времени давно были опубликованы и все произведения, и все дневники, и вся его переписка. А в созданной Г. Серебряковым биографии Дениса Давыдова, вышедшей в перестроечном 1985 году, поэту и воину-патриоту, герою многих войн, оставившему прекрасные воспоминания о боевых походах, приписывались антиправительственные настроения, якобы высказанные в 1831 году в компании с Пушкиным, Вяземским и другими приятелями в связи с восстанием в Польше [16, с. 398]. Кроме того, как пишет автор, Давыдов после получения приказа присоединиться к войскам, подавлявшим восстание, проявил сознательное нежелание ехать на театр боевых действий [16, с. 399]. Оставленные же Давыдовым глубоко патриотические «Воспоминания о польской войне 1831 года» Серебряковым игнорируются.

Нечто подобное стало происходить и в постперестроечные времена: только советский дискурс был заменен на либеральный, который стал доминировать в жизнеописаниях самых разных персон, причисленных к сонму «замечательных». А огромные тиражи сменились премиальными наградами от такого же либерального жюри.

В связи со всем сказанным возникает вопрос: в чем специфика «исторического почвенничества» и «славянофильского вектора», проникшего из книг 1970–1980 годов и в издания XXI века? (Вспомним хотя бы книги В. Ганичева о святом флотоводце Федоре Ушакове (1990), отца и сына Куняевых о Сергее Есенине (1995), А. Николюкина о Василии Розанове (2001), Н. Коняева о Николае Рубцове (2001), А. Сегеня о Филарете Московском (2011)). В первую очередь специфика в самом предмете биографии и во взгляде на него. Среди выбранных для жизнеописания персон русские мыслители, государственные деятели, писатели, полководцы, святые, то есть те, кто выступил строителем, идеологом, апологетом, внимательным исследователем, художником русского мира, а в годы советской власти или был оттеснен на задний план общественного внимания, или получил несправедливые оценки от апологетов коммунистической идеологии и социально ограниченного пролетарского гуманизма. К таковым относятся И. А. Гончаров, Дмитрий Донской (Ю. Лощиц), А. К. Толстой (В. Петелин), А. Н. Островский и С. Т. Аксаков (М. Лобанов), Н. В. Гоголь (И. Золотусский), А. В. Суворов и А.Н. Куприн (О. Михайлов), А. А. Брусилов (С. Семанов), В. Н. Татищев (А. Кузьмин), Ф. М. Достоевский (Ю. Селезнев) и др.

Специфика взгляда представителей «исторического почвенничества» на предмет повествования воплотилась в творчестве названных и не названных авторов, и особенно в книге редактора и вдохновителя русского «поворота» в серии ЖЗЛ Ю. И. Селезнева «Достоевский» (1981). Его понимание писательской миссии заявлено уже в эпиграфах как

к первой части повествования о Федоре Михайловиче, так и к первой главе. Селезнев открывает книгу фразой из романа «Герой нашего времени», подчеркивая, что будет смотреть на Достоевского с пристальнейшим вниманием к истории его души, к его внутреннему миру, а писать – «без тщеславного желания возбудить участие или удивление» (М. Ю. Лермонтов). Слова другого эпиграфа из известного письма Достоевского, отправленного брату в 1839 году, проявили задачу автора: разгадывать тайну человека, чтобы стать человеком [15, с. 5]. Два эпиграфа начальной главы книги раскрывают ключевую тональность работы. Первый из них – слова Христа из Евангелия от Иоанна о зерне, которое если «не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Так Селезнев подчеркивал неразрывную соотнесенность судьбы и творчества Достоевского с евангельской идеей жертвенности, христианскими идеалами и выражал свое понимание сущности настоящего жизнетворчества. Второй эпиграф – цитата из книги Томаса Вулфа «Взгляни на дом свой, ангел» – выражал концепцию исторических взаимосвязей, реализованную в биографии: «Каждое мгновение – плод сорока тысячелетий» [15, с. 6]. А эпиграфы последующих частей и глав развивают обозначенные в начале книги евангельские и бытийные смыслы.

Всю книгу о Достоевском пронизывает христианское отношение к миру, соединяющее героя и автора. Селезнев, как бы акцентируя внимание читателя на этом, часто использует в книге прием несобственно-прямой речи, в которой голос и сознание повествователя сливаются с голосом и сознанием героя. Приведу примеры: «С одним не мог согласиться Достоевский: не изображать, а преображать внутренний мир человека и человечества – вот цель, призвание, назначение искусства, его высочайшая миссия. <...> Христос дал идеал новому времени, и человечество стало иным...» [15, с. 101]; «...снял новую квартиру... и, конечно, как всегда, с видом на церковь» [15, с. 111]; «Я принадлежу частию не столько к убеждениям славянофильским, сколько к православным, то есть убеждениям крестьянским...» [15, с. 445]; «...когда накатывало... сомнение, он открывал наугад то свое, заветное, “каторжное” Евангелие и читал первые строки, стараясь отыскать в них вечный ответ на мучающие его вопросы» [15, с. 536].

Дети, семья, дом, народ, Родина, вера, Бог – вот опорные понятия книги Селезнева и отображенной в ней личности Достоевского. Наиболее проникновенные главы написаны именно о семье писателя, его взаимоотношениях с Анной Григорьевной, о переживаниях за здоровье и судьбу детей, а также о любви к Пушкину, к русскому народу, к Богу, о стремлении служить будущему России.

Прямых отсылок к Православию в работе Селезнева немного, но они есть и их количество увеличивается к концу повествования. Например, показана молитва писателя: «Дал бы только Бог (вопреки советскому правилу, напечатано с большой буквы. – Н.К.) дожить до радости – увидеть деток подросшими, окрепшими...» [15, с. 416]. Есть размышление Достоевского о причинах распада общества, где слово «предание» воспринять можно только в религиозном смысле: «Начало зла – в отсутствии предания, высшей идеи, без которой нет ни человека, ни семьи, ни общества, ни нации, ни понимания между ними, хотя идей хоть отбавляй, и все сваливаются на человечество как камни, и что ни идея, то разрушительная» [15, с. 434]. Приведу еще пример, в котором однозначно обозначено поле понимания слов «вера» и «Слово»: «...началась бы жизнь – с ее страданиями, отчаяниями, надеждой, с ее великой верой в неистребимое, вечное, могучее, все возрождающее Слово» [15, с. 435]. Очевидны и обращение к Богу с молитвой, и понимание, что без «предания» жизнь оскудевает и разрушается, и проявленную в контексте эпиграфов мысль, что «все возрождающее Слово» – это Христос. Да, эти смыслы в книге приглушены, как бы спрятаны, но они образуют главные идеи. А если к сказанному прибавить беззаветное служение автора жизнеописания народной правде, Родине, заветам русской классики, то становится очевидной и воплощенная в книге христианская основа личности Достоевского, и органичная близость автора жизнеописания к ценностям Православия.

«Дань социализму» – так можно назвать еще одну важную черту селезневской книги. Эта дань подобна той, которую платила Русь Золотой Орде, когда при внешней чужеземной зависимости народ внутренне, духовно оставался свободным и копил силы для избавления от вражьего ига. В книге есть главы, в которых присутствуют цитаты из работ Ленина, Герцена, Михайловского, декабристов, отсылки к социалистическим идеям. Но они оттеснены на второй план, стилистически приглушены в сравнении с теми, в которых рассказывается о внутренних противоречиях Достоевского, о его взаимоотношениях с Анной Григорьевной, где повествуется о радостях и печалях семьи, о воспринятом с детства народном христианском идеале и о глубочайшей личной скорби от страдания невинных деток.

***

Совсем иного плана биографическая работа М. А. Кучерской «Н. С. Лесков: прозеванный гений». Название книги напоминает иные книги серии ЖЗЛ: «Леонид Леонов. “Игра его была огромна”» (З. Прилепин, 2010), «Ленин. Пантократор солнечных пылинок» (Л. А. Данилкин, 2017), «Евтушенко: Love story» (И. З. Фаликов, 2017), «Шолохов. Незаконный» (З. Прилепин, 2023) и др. В каждом заголовке ощутим вызов читающей публике, эпатаж. У Кучерской он проявился в незаковыченной цитате из стихотворения И. Северянина.

Однако «прозеванность» писателя (то есть невнимание к нему) не подтверждается ничем: ни количеством исследований о его творчестве (они активно создавались и до революции, и в советское время, особенно начиная с 1940-х годов, ни тиражами его книг до 1917 года, ни выпуском произведений Лескова в советское время. Остановимся только на издательском внимании к писателю в СССР. По нашим сведениям, у «прозеванного» Лескова первая советская книга вышла в 1926 г. в «Государственном издательстве» (впоследствии – ГИХЛ), выпустившем ее одновременно в типографиях Москвы и Ленинграда [5]. Редактором и составителем ее был Л. П. Гроссман. Нам не известен тираж издания (количество страниц немалое – 241), но ее выход в серии «Русские и мировые классики», курируемой А. В. Луначарским и Н. К. Пиксановым, свидетельствует, что количество экземпляров, выпущенных «Государственным издательством» книг, было около 10 тысяч или более. Второе издание этой же книги вышло в 1934 г. тиражом 9300 экземпляров и кроме предисловия Гроссмана имело характеристику жизни и творчества, составленную профессором МГУ П. С. Коганом [4]. Третье появилось уже в 1937. А еще были и другие издания книг, выходившие в 1931 (тираж 7000 экз.), в 1932 (тираж установить не удалось), в 1945 (тираж 100 000 экз.), в 1947 (тираж 20 000 экз.), в 1954 (тираж 200 000 экз.). И далее в 1950–1980 годах были выпущены десятки книг с тиражом от 100 тыс. экземпляров. Самое большое число экземпляров было у «Избранных сочинений» Лескова в серии «Библиотека классики русской литературы» – 800 тысяч! Известное собрание сочинений писателя, вышедшее в 1956–1958 гг. [6], опубликовано раньше подобных изданий других русских классиков (например, Ф. М. Достоевского) тиражом 300 тысяч. Такой вот «прозеванный»...

Нельзя сказать, что Кучерская не изучала архивные и литературные материалы и не углублялась в биографию и творчество писателя. Напротив, можно увидеть, что она стремилась на доступном материале раскрыть малоизвестную часть его биографии – молодость. Кроме того, Лесков показан во взаимодействии с современностью и многими современниками. Но главное, как показан. Тут мы подходим к самому интересному: Майей Кучерской (как и ее собратьями из авторской обоймы ЖЗЛ) при написании книги владел дух «тщеславного желания возбудить участие или удивление», о котором предупреждал Лермонтов в «Герое нашего времени». И вместе с этим Кучерская при написании биографии Лескова проявила свою чуждость русской культуре, традиционной исторической России и Православию.

В «возбуждении удивления» Майя Александровна преуспела на разных уровнях своего текста. Во-первых, видимо, для более сильного читатель-

ского изумления, Лесков показан ею и как автор положительных рецензий о себе самом [3, с. 280-281], и как член Ученого комитета Министерства народного просвещения, приспособившийся на службе «стрелять по литературным врагам» [3, с. 383] а так же не пропустивший в русские школы Достоевского [3, с. 385], и как спиритуалист, [3, с. 387–394], и как чудик-коллекционер [3, с. 400–401], и как обманщик [3, с. 409], и как лицемер по отношению к Достоевскому [3, с. 414], и как садист, издевавшийся над сыном [3, с. 439-440], и как разгульный пьяница [3, с. 454, 489-490], и как алчный человек [3, с. 454], и как эфирный наркоман [3, с. 502]. Например, подчеркивая, что самого Лескова «жгли черная зависть, злоба и жадность к деньгам» [3, с. 7], Кучерская собирает нелицеприятные цитаты о нем С. И. Смирновой-Сазоновой, Ф. Ф. Фидлера, П. М. Пильского. Какую главу ни возьми, везде о «прозеванном гении» рассказано что-нибудь «солененькое», да еще с «приправами».

Во-вторых, возбуждать удивление должны некоторые сюжеты, особо привлекающие внимание читателя. Среди них, например, эпизоды «драки в Ревеле» [3, с. 325–326], рассказ о спиритическом сеансе [3, с. 387–394], воспоминания разных знакомых Лескова [3, с. 454, 489-490, 502].

В-третьих, Кучерская в биографии блеснула модными околонаучными словечками и выражениями: «принцип толерантности» (с. 7), «хтоническая российская жуть» [3, с. 115], «триггер» [3, с. 428], «в тренде» [3, с. 435], «трикстер» [3, с. 438] и др.

Поражает и удивляет также количество грубых фактических ошибок, оплошностей, небрежного отношения автора к повествованию в серии ЖЗЛ. Приведу некоторые из них: литератор Петр Пильский назван Павлом [3, с. 8], Меньшиков в первой половине 1890-х годов вдруг стал вдовцом [3, с. 502], хотя таковым он никогда не был, а часть меньшиковских дневниковых записей о Лескове расшифрована некорректно [3, с. 454-455]. При указании на время работы Лескова в Ученом комитете («с 15 января 1874 г. до 5 февраля 1883-го» [3, с. 382]), Майя Александровна утверждает, что прошло десять лет [3, с. 382], хотя любому человеку, освоившему арифметику, понятно, что проходит девять лет и двадцать один день. Значимым упущением в книге стало и невнимание к переписке Лескова и Меньшикова, частично опубликованной еще в первом собрании сочинений в 1950-е гг. Такое пренебрежение к опубликованному материалу стало причиной неглубокого освещения жизни писателя, особенно ее последних лет.

У меня нет цели перечислять все нелепые особенности издания «Лесков. Прозеванный гений», при желании читатель может найти их самостоятельно. Однако же стоит обратить внимание на очень важную и совсем не удивительную для работы Кучерской черту – неприятие традиций русской культуры и Православия. При чтении книги понимаешь: анализ произведений Лескова, наиболее близких отечественному традиционному идеалу и православной вере, Кучерская проводит так, чтобы в них этот идеал никак не был обозначен. Например, характеризуя «Соборян», она, опуская горний смысл произведения, заключает: «...это роман не столько о великой силе добрых и праведных людей, сколько о их бессилии. Все лесковские богатыри с житейской точки зрения оказываются проигравшими: верх одерживают донос, клевета, подлость, чиновничий идиотизм, законы природы и неотвратимый ход времени...» [3, с. 304]. Прячась за лесковской пессимистической мыслью о «недостатке хороших людей на смену Туберозову, Захарии, Ахилле и Николаю Афанасьевичу» и утверждением, что невозможно «обрести их (хороших людей. – Н. К.) на нынешнем переломе в духовенстве русской церкви» [3, с. 304], Кучерская не сопоставляет эти высказывания с реальным историческим контекстом конца XIX – начала XX века. Ведь только манипулятор или слепой не увидят сегодня сияние русской святости в реально живших в указанную эпоху старцах Оптиной пустыни, в святителях Иннокентии Московском и Феофане Вышенском, в святом праведном Иоанне Кронштадтском, в преподобном Серафиме Вырицком, в святителе Луке (Войно-Ясенецком), в сонме пострадавших от революционных зверств святых

мучениках и многих других примерах проявления православного благочестия.

Нечто похожее происходит и с пониманием «Очарованного странника», обозначенного как «повесть о русской бездне» [3, с. 318]. При анализе образа центрального персонажа и в целом произведения Кучерская приходит к выводам: «...повесть об Иване Северьяновиче пронизана мрачным ужасом обыденной человеческой жизни, особенно если человек этот крестьянин» [3, с. 318]; «Насилие – норма и рутина в том мире, который описывает Лесков...» [3, с. 319]. Таким образом, автор биографии при анализе «Соборян» и «Очарованного странника» не видит национального и религиозного русского идеала, воплощенного Лесковым в произведениях. Возникает вопрос: почему не видит? Думается, потому что Кучерская живет левыми политическими штампами, согласно которым К.П. Победоносцев – «опасный, закостенелый враг всему живому, передовому» [3, с. 417], Александр III охарактеризован как «в науках не зашедшийся человек» [3, с. 417], а сворачивание реформ отца, укрепление монархии и борьба с революцией этого императора – «шаг к катастрофе 1917 года» [3, с. 420]. В свою очередь Лесков, названный ею «эксперт в области православия» [3, с. 415], с 1880-х годов и до самой смерти стал идейным последователем антиправославного и антигосударственного анархизма Л. Н. Толстого, о чем сообщает и сама Кучерская [3, с. 468-480].

Показателен еще один сюжет. Ни для кого не секрет, что у Лескова были сложные отношения с Достоевским. Кучерская не раз говорит о них и даже посвящает встречам и взаимоотношениям писателей две небольшие подглавки: «По поводу Достоевского» и «Theodore». Не буду подробно рассматривать эту тему здесь, поскольку об изображенных в книге Кучерской взаимоотношениях Достоевского и Лескова надо писать отдельную статью. Но все же затрону один эпизод: их встречу в феврале 1875 году на спиритическом сеансе госпожи Сент-Клер в доме Александра Николаевича Аксакова, где вместе с ними присутствовали также писатель П. Д. Боборыкин, профессор-химик А. М. Бутлеров, профессор-зоолог Н. П. Вагнер. Обратим внимание на подход Кучерской к описанию поведения двух писателей. Она работает на контрасте: Достоевский – «матово-бледный, с клочковатой бородой и угорелым тревожным взглядом», он кашляет, голос у него «глуховатый» [3, с. 388]. Во время сеанса выбор госпожи Сент-Клер пал на Федора Михайловича, и он «сразу оживился, глаза его вспыхнули каким-то диковатым светом» [3, с. 390], а после того как его слово было отгадано, «он нервно поежился и издал неясное мычание» [3, с. 390], «глядел недоверчивее других» [3, с. 392]. Невозможно не почувствовать в описаниях Достоевского авторской предвзятости и неприязни: они проявились в эпитетах («матово-бледный», «клочковатой», «угорелым», «тревожным», «диковатым», «неясное», «недоверчивее»), во внимании к взгляду, глазам («вспыхнули», глядели «недоверчивее других») и характерных действиям («нервно поежился», «издал мычание»). Лесков, напротив, во время сеанса показан «светским, плавным» [3, с. 389], он «рассеянно думал» [3, с. 391], ощущая некий «вкрадчивый шелест» [3, с. 391], и, в отличие от примитивного Достоевского, его загадка не была разгадана во время сеанса [3, с. 390]. Противопоставление писателей выражено в книге Кучерской предельно ясно на языковом и идейном уровне на протяжении восьми(!) страниц. И в итоге Достоевский в «Дневнике писателя», по ее выражению, «предпочел не уточнять» [3, с. 393], как он относится к спиритизму.

И здесь возникает необходимость сопоставить изображение сеанса спиритизма Кучерской и Селезневым. Последний отвел этому эпизоду в биографии Достоевского крайне мало места. Он прямо не говорил о произошедшем в доме Аксакова (хотя об этом рассказано в «Дневнике писателя» за апрель 1876 года), а лишь сообщил, что модным в 1870-е годы спиритизмом увлекся было и Достоевский. Он вместе с Лесковым, Вагнером, Боборы-

киным присутствовал «на нескольких сеансах, но потом сообщил, что во всех этих “столоверчениях” видится ему какая-то глубокая чья-то насмешка над людьми, изнывающими по утраченной истине» [15, с. 448]. То есть тема утраты истины в жизни и безверия современников писателя стали наиболее важными для писателя. А кроме этого – никакого «полета фантазии», никакого эпатирующего домысливания. Только факты, соединенные с глубоким размышлением о человеке и эпохе.

Подводя итог, хочу, помимо процитированной в начале статьи лермонтовской фразы, напомнить и читателю, и нашей современнице М. А. Кучерской известные слова из статьи «Александр Радищев» А. С. Пушкина: «...нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви». ■

** Минюст РФ признал иноагентом.*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Заболоцкий А. Д. Кому в угоду перелопачивают Шукшина? Вопрос издателям // Наш современник. – 2017. – № 3. – С. 266–273.

2. Крижановский Н. И. Критическое разноголосье: заметки накануне юбилея Василия Шукшина // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_13629.html. Дата обращения: 01.09.2025.

3. Кучерская М. А. Лесков. Прозеванный гений. – М.: Молодая гвардия, 2021. – 621 с.

4. Лесков Н. С. Избранные произведения; Ред. Л. П. Гросмана. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.; Л.: ГИХЛ, 1934. – 382 с.

5. Лесков Н.С. Избранные рассказы; Ред. [и вступ. ст.] Л. П. Гроссмана. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – 241 с. (Русские и мировые классики/ Под ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова).

6. Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. / Под общ. ред. В. Г. Базанова [и др.]; [Вступ. статья П. П. Громова, Б. М. Эйхенбаума]. – М.: Гослитиздат. [Ленингр. отделение], 1956–1958.

7. О серии ЖЗЛ, разнообразии жанров и молодогвардейской исторической школе. Беседа И. Р. Шарапова с А. В. Петровым // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://portal-slovo.ru/history/47669.php. Дата обращения: 01.09.2025.

8. Павлов Ю. М. Дмитрий Быков: Чичиков и Коробочка в одном флаконе // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_4287.html. Дата обращения: 01.09.2025.

9. Павлов Ю. М. Заметки о нескольких сюжетах в книге Прилепина «Есенин: обещая встречу впереди» // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_367.html. Дата обращения: 01.09.2025.

10. Павлов Ю. М. «Календарь» Дмитрия Быкова. Проверено: «мины» есть // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://parus.ruspole.info/node/2725. Дата обращения: 01.09.2025.

11. Павлов Ю. М. Книга З. Прилепина «Шолохов. Незаконный» как эпический и фактологический провал // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_15971.html. Дата обращения: 01.09.2025.

12. Павлов Ю. М. «Пушкинская речь» Достоевского в интерпретации Людмилы Сараскиной // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_13629.html. Дата обращения: 01.09.2025.

13. Павлов Ю. М. Русский герой на «третьей мировой». К 90-летию Станислава Куняева // https://denliteraturi.ru/article/6967. Дата обращения: 01.09.2025.

14. Павлов Ю. М. Словесная диарея Дмитрия Быкова // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_4297.html. Дата обращения: 01.09.2025.

15. Селезнев Ю. И. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 543 с.

16. Серебряков Г. В. Денис Давыдов. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 446 с.

17. Хинкулов Л. Ф. Тарас Григорьевич Шевченко. 1814–1861. – М.: Молодая гвардия, 1957. – 432 с.

Архив Эдварда Чеснокова

ЭДВАРД ЧЕСНОКОВ

Родился в Череповце в 1987 году. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Последние 10 лет работает в «Комсомольской правде» радиоведущим и журналистом-международником. Публиковался в различных отечественных и зарубежных СМИ. Живёт в Москве.

О МНОГОЛЕТНЕЙ АНТИРОССИЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

За последние 15 лет, начиная с попытки «цветной революции» 2011/12 гг., во всех областях российской культуры, в том числе финансируемых государством, на системном уровне прослеживаются последовательные попытки прямо или косвенно дискредитировать нашего национального лидера Владимира Путина, подорвать российские традиционные ценности, а также после 2014-го и особенно 2022 годов – выставить исторический факт воссоединения России с Крымом и Новороссией в качестве якобы «агрессии» и «военного преступления».

Указанные тенденции выражаются в систематическом продвижении русофобских и антигосударственных нарративов в культуре – в виде многолетней финансовой и иной поддержки по линии государства (!) как отдельных деятелей культуры (десятки из которых ныне признаны иноагентами), так и целых «культурных проектов» и институций, имеющих аналогичную задачу. Что хуже всего, данная политика реализуется не столько «западными организациями», сколько российскими бюджетными (либо коммерческими, но тесно связанными с государством) лицами, работающими в антигосударственных интересах.

Значительная часть подобных случаев сопряжена не только с труднодоказуемым (и не имеющим юридического определения) «продвижением русофобии», но и с доказанными фактами многомиллионного расхищения бюджетных средств, выделявшихся на культурную политику.

С началом СВО в результате принятия Государственной Думой юридических норм о защите информационной сферы от деструктивных влияний и совершенствования антииноагентского законодательства ситуация несколько улучшилась, однако системных изменений в сфере культурной политики почти не произошло.

Немногочисленные деятели культуры, открыто поддержавшие СВО, подвергаются травле и замалчиванию со стороны коллег по цеху. Попытки реализовать и продвинуть тот или иной культурный проект, посвященный СВО, проводятся в ручном режиме и сталкиваются с жесточайшим противодействием коммерческих и многих государственных структур на всех уровнях.

Примеров всему вышеизложенному настолько много, что одно их перечисление заняло бы десятки страниц.

В частности, в кинематографии:

Одним из главных идеологов и организаторов телевизионной и кинематографической отрасли в России на протяжение десятилетий являлся Александр Роднянский – украинский националист, в 2022 г. признанный иноагентом и в 2023 г. заочно осужденный за фейки о ВС РФ. Роднянский неоднократно выступал продюсером фильмов с лесбийскими («Дылда») и гомосексуальными («Облачный атлас») мотивами. В дальнейшем Роднянский в интервью [1] открыто признавался, что ставил своей целью насадить деструктивную ультралиберальную идеологию в РФ с помощью кино.

Принадлежащее Роднянскому ООО «Автограф» много лет получало субсидии от Минкульта РФ и Фонда кино, притом что сам Роднянский заседал в экспертном совете Фонда кино (тем самым выдав сотни миллионов бюджетных рублей себе). ООО «Автограф» до сих пор продолжает функционировать, несмотря на свой совокупный (куму-

лятивный многолетний) убыток свыше ₽1 миллиарда [2] – нельзя исключать, что эти деньги были выведены из активов данного юрлица, тем более что до середины 2020 года 100 процентов уставного капитала «Автографа» принадлежало оффшорным юрлицам [3].

В 2014 году та же фирма (тогда называвшаяся ООО «Нон-Стоп Продакшн») на безальтернативной основе выиграла госзакупку Минкульта РФ в размере ₽ 27 миллионов на съемку фильма «Код Дурова». Фильм не снят до сих пор, деньги с большой вероятностью были похищены.

Другой пример. Известная актриса Чулпан Хаматова получила через госзакупки не менее ₽13 миллионов [4] (в основном на «оплату актерской деятельности»), а также совместно со своим бывшим мужем Александром Штейном организовала съемки фильма «ВМаяковский» с собой в главной роли. Государственное финансирование съемок велось через принадлежащее Хаматовой и Штейну ООО «Маяковский» и составило около ₽ 100 миллионов. Одну из ролей в этом фильме исполнил (и, очевидно, получил гонорар из госсредств) Петр Верзилов – продюсер антихристианской группы Pussy Riot, в дальнейшем признанный иноагентом, террористом и экстремистом за участие в войне в Донбассе на стороне ВСУ. Фильм вышел в 2019 г. и закончился кассовым провалом – количество зрителей составило 11 тысяч, кассовые сборы – ₽ 3 миллиона. Однако, по данным публичной отчетности, в 2020–2021 гг. из активов той же фирмы Хаматовой-Штейна была выведена сумма, близкая к миллиону евро [5]. Есть основания предполагать, что это могли быть государственные средства, полученные для съемок фильма (точные данные могут быть получены лишь в случае внешнего расследования). В дальнейшем в 2022 г. Хаматова эмигрировала и выступила с резкими антироссийскими заявлениями.

Уже упомянутый «Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии» («Фонд кино» – госорганизация, выделяющая субсидии на киносъемки) не имеет финансовой отчетности в публично-понятном виде (суммы денег, потраченные фондом на те или иные кинокартины, и финансовые результаты можно узнать только косвенно – из случайных публикаций в СМИ). Механизм отбора кинопроектов является непрозрачным, коррупционно опасным и не имеет предохранительных механизмов для недопущения финансирования русофобии. Так, в начале 2010-х гг. фонд и Минкульт РФ выделили примерно по ₽ 40 миллионов каждый на съемку антироссийской и антиправославной агитки «Левиафан», режиссером которого был Андрей Звягинцев (осудил присоединение Крыма и позже СВО, эмигрировал во Францию), а продюсером – уже упомянутый Александр Роднянский.

В 2024 г. «Фонд кино», пользуясь высокой ставкой ЦБ, заработал в виде процентов по вкладам ₽ 1,7 миллиарда [6], из чего следует, что миллиарды рублей вместо финансирования российской кинематографии «прокручивались» на депозитных банковских счетах фонда.

Все перечисленное – это лишь весьма малая часть вопиющих случаев государственного финансирования русофобских проектов и/или нецелевых трат по линии «господдержки кинематографии».

Более того, за три прошедших с начала СВО года количество патриотических фильмов соответствующей тематики, снятых и вышедших в широкий прокат, исчисляется единицами.

Один из лучших документальных фильмов об СВО – «У края бездны» Максима Фадеева – столкнулся с прямым саботажем кинопрокатных сетей [7] и фактически был запрещен к широкому показу в РФ по соображениям «антироссийской цензуры» (притом что на онлайн-площадках фильм набрал 8 из 10 пользовательских баллов, что считается высоким результатом, и стал лидером просмотров).

В сфере театра факты финансирования антигосударственной деятельности за государственный счет столь многочисленны, что одно их перечисление заняло бы десятки страниц. Отметим лишь наиболее вопиющие.

Режиссер Иван Вырыпаев выигрывал [8] госзакупки у театра «Практика», где сам же работал арт-директором и худруком. Всего, несмотря на последовательную антироссийскую позицию с 2014 г., на 2022 г. его пьесы шли в 40 российских театрах. В настоящее время Иван Вырыпаев признан иноагентом и заочно приговорен судом за фейки о ВС РФ.

Пьесы по текстам Бориса Акунина, еще в 2011 г. призвавшего к ампутинации России и поддерживающего оппозицию, годами шли напротив Государственной Думы – в Российском академическом молодежном театре. В одном лишь 2020 г. Акунин получил через госзакупки го-

норар за эти пьесы от РАМТа в размере около ₽ 9 миллионов. Пьесы Акунина, многократно осудившего СВО и призывавшего к свержению Владимира Путина, были сняты с репертуара лишь в конце 2023 г. [9].

Театр Российской армии (!) в 2016 г. выплатил через госзакупки свыше ₽ 200 тысяч [10] «на создание пьесы» Павлу Финну-Хальфину, еще в 2014 поддержавшему «Евромайдан» и выступившему против воссоединения с Крымом.

Режиссер Владимир Мирзоев, участник «Координационного совета российской оппозиции», осудивший присоединение Крыма и СВО, вплоть до 2021 г. получил через госзакупки на «постановки пьес» (в том числе от РАМТа) ₽ 6,7 миллиона.

Уральский режиссер Николай Коляда, в «Коляда-театре» которого до самого последнего времени велась гей-пропаганда, получал миллионные гранты от областного правительства и свыше ₽ 8 миллионов через госзакупки. В 2017 г. Николай Коляда и актеры его театра снялись в ультрарусофобском фильме украинского режиссера Сергея Лозницы «Кроткая». В следующем году актеры «Коляда-Театра снялись в еще более русофобском фильме того же режиссера «Донбасс» [11].Режиссер Виктор Рыжаков, ставивший в Саратовском театре драмы пьесы ультрарусофоба и будущего иноагента Ивана Вырыпаева, являлся директором Театрально-культурного центра имени Всеволода Мейерхольда (Москва) и одновременно соучредителем АНО «Июньансамбль», которое выиграло у ТКЦ имени Всеволода Мейерхольда 36 госзакупок на ₽ 31,5 миллиона. [12]

В настоящее время из примерно 640 российских театров пьесы об СВО идут не более чем в 15–20, и то на нерегулярной основе.

В литературе:

Главная литературная премия РФ, де-факто государственная «Большая книга», с номиналом до ₽ 3 миллионов за первое место, годами выдавалась будущим иноагентам, один из которых, Дмитрий Быков, в 2012 г. являлся членом «Координационного совета российской оппозиции», ставившего задачей свержение национального лидера Владимира Путина. Куратор «Большой книги», украинский националист Георгий Урушадзе, в 2022 г. бежал из РФ и был объявлен иноагентом.

Де-факто государственная организация «Институт перевода» (имеющая организационно-правовую форму АНО с госучредителями) и созданная в 2011 году для «продвижения и переводов русской литературы за рубежом» за последние 10 лет получила от государства на эти цели свыше миллиарда рублей и не перевела на зарубежные языки ни одного произведения о Донбассе или СВО. В 2020 г. директор «Института перевода» Евгений Резниченко выплатил свыше $3 тысяч «на переводы» украинской издательнице Анетте Антоненко, которая в 2017 г. публично призывала «бороться с рашкинстаном» и «запретить в Украине русскую книгу», а после 2022 г. перечисляла деньги на нужды ВСУ. Также, будучи директором де-факто государственной организации, Евгений Резниченко от ее имени заключал «подрядные договоры» на миллионы рублей с юридическими лицами, учредителем которых он сам же и являлся [13].

В книгоиздательском, книготорговом и книго-ярмарочном деле сложилась многолетняя практика открытой антироссийской цензуры.

Так, «главная интеллектуальная» литературная ярмарка «Non/Fiction» регулярно подвергала цензуре (запрещала презентовать) издания патриотической направленности, в том числе:

До 2022 года:

– книгу [14] ведущей госрадио Анны Шафран «Государство чести. Монархия – будущее России»;

– книгу [15] всемирно известного русского пранкера Лексуса «По ком звонит телефон»;

– книгу [16] крупного современного писателя, экс-главреда «Литгазеты» Юрия Полякова «Желание быть русским»;

– книги [17] Егора Холмогорова, консервативного философа, автора термина «Русская весна 2014 года».

После февраля 2022 г. на «Non/Fiction» запрещались презентации книг «донбасской лирики» поэтов Анны Ревякиной, Ольги Старушко и Игоря Караулова, а также книги военной публицистики ведущего госрадио [18] Армена Гаспаряна.

В апреле 2023 г. Елена Шубина, куратор наиболее престижной издательской серии современной русской литературы «Редакция Елены Шубиной», исключила [19] из данной издательской серии писателя Захара Прилепина за его поддержку СВО. При этом весной 2025-го та же «Редакция Елены Шубиной» издала новый роман Гузели

Яхиной, в феврале 2022 г. разместившей антивоенную колонку в швейцарском СМИ [20] и уехавшую в «политическую эмиграцию» в том же году [21].

По сей день книги на тему СВО принципиально не выкладываются [22] на «продаваемых» (самых видных) местах в торговых сетях.

Частный магазин патриотической и интеллектуальной литературы «Листва», единственный книжный магазин во всей стране (!), публично поддержавший СВО и отправлявший бойцам ВС РФ гуманитарную помощь, неоднократно подвергался [23] атакам и попыткам поджога со стороны неизвестных проукраинских радикалов. Заявления владельцев магазина в полицию не дали результатов.

На рынке книгоиздательского дела фактически сложилась «оффшорная монополия» – крупнейшие издательства художественной литературы сосредоточены в одних руках.

Так, одно из крупнейших – ООО Издательство «АСТ» (ИНН 7710899593) – на 90 процентов уставного капитала принадлежит оффшорным фирмам (Панама, Кипр, Сейшелы). За 2024 год обороты этого ООО превышают ₽ 9,5 миллиарда; доходы и дивиденды – ₽ 2,2 и ₽1,1 миллиарда соответственно (то есть, учитывая офшорное происхождение учредителей, около миллиарда рублей издательских доходов было совершенно легальным образом выведено в офшор) [24]. Аналогичные по размеру дивиденды (₽ 1 миллиард) были «выплачены в офшор» и в 2020 году. Эти факты являются особенно вопиющими, учитывая, что то же самое ООО за 10 лет выиграло около 2,5 тысячи госзакупок на общую сумму ₽ 871 миллион, то есть бюджетные деньги, получаемые от госзаказа, выводятся в офшоры.

Фактическим руководителем и бенефициаром данной издательской монополии является олигарх Олег Новиков, владеющий миноритарными, а в некоторых случаях мажоритарными пакетами акций более чем 80 юрлиц – типографий, крупнейших книжных сетей и издательств, включая вышеупомянутое АСТ и еще одно крупное издательство – «Эксмо».

Последнее в 2020 г. издало книгу Тилар Маццео «Дети Ирены» с упоминанием о якобы фактах массового изнасилования бойцами Красной армии при освобождении Восточной Европы в 1944–1945 гг. [25]. Книга была снята с продажи лишь в 2025 г. после скандала в соцсетях. За публикацию этой чудовищной клеветы на ветеранов никто не понес даже административной ответственности.

При этом государственный сектор (и контроль) в такой важнейшей отрасли отсутствует.

Ведомственное издательство Министерства обороны «Воениздат», в советское время огромными тиражами выпускавшее патриотическую литературу, ликвидировано (исключено из ЕГРЮЛ) в 2010-х годах. В 2024 году Министерство обороны РФ фактически отказалось вести какую-либо деятельность по возрождению издательства [26].

Работа легендарного госиздательства «Художественная литература» (ранее – ФГУП "Ордена Трудового Красного Знамени Издательство «Художественная Литература»") дефакто развалена, его годовые обороты составляют около ₽ 50 миллионов (уместно сравнить эту цифру с ранее приведенными 10-миллиардными оборотами всего одного из издательств – «книжной империи Олега Новикова»).

При этом в 2021–2022 гг. в РФ через книготорговые сети, вопреки действующему законодательству, было легально продано свыше 200 тысяч экземпляров «детской» книги «Лето в пионерском галстуке» о гомосексуальной любви подростка и пионервожатого. В настоящее время оба автора книги признаны иноагентами, книга была изъята из торговых сетей лишь после ужесточения Госдумой законодательства о запрете пропаганды нетрадиционных ценностей.

В сфере кодификации и сохранения гуманитарного знания:

С 2019 года в целях создания отечественного аналога «Википедии» (где зачастую встречается лживая и антироссийская информация) по инициативе государства была начата работа над «патриотическим аналогом» – «Большой Российской Энциклопедии» в онлайн-виде.

Финансирование и функционирование данного проекта осуществлялось через госорганизацию «Автономная Некоммерческая организация "Национальный Научно-Образовательный Центр "Большая Российская Энциклопедия"» (АНО «БРЭ»), учредитель – Роспечать (в дальнейшем – Минцифры РФ, с которым Роспечать была слита в 2021/2021 гг.).

За период 2020–2024 гг. общая сумма финансирования АНО «БРЭ», в основном из госсредств, составляла [27] ₽ 4,2 миллиарда. Расходы достигали ₽ 1 миллиарда в год (в том числе на «содержание аппарата управления» – ₽ 100–130 миллионов в год). На финальном этапе существования АНО «БРЭ», в 2024 году, у ее дирекции возник-

ли трудности с выплатой зарплаты сотрудникам, в связи с чем свыше 40 человек [28] подали иски к бывшему работодателю (пока руководство проекта «получало по ₽ 500 тысяч», некоторым обычным сотрудникам «не платили зарплату 10 месяцев» [29] ; часть этих дел рассматривается в судах до сих пор), то есть из-за бесхозяйствования дирекция БРЭ нарушила элементарные, гарантированные Трудовым кодексом права десятков гуманитарных работников на оплату своего труда.

Как сообщал ТАСС [30], «[за время своей работы] команда АНО подготовила всего 98 тысяч энциклопедических статей, а до публикации дошла только половина из них», из чего следует, что одна статья обходилась примерно в ₽ 43 тысячи. При этом, например, статьи об СВО по состоянию на 2025 год в «БРЭ» так и не появилось.

В настоящее время юридическое лицо АНО «БРЭ» находится в стадии ликвидации, реализуется альтернативный проект «Рувики». Таким образом, свыше ₽ 4 миллиардов потрачены нецелевым образом и без ощутимых результатов. Нельзя исключать, что часть этих денег могла быть выведена (похищена) из активов БРЭ.

* * *

Исходя из вышеизложенного, считаем целесообразным сделать хоть что-то, потому что так, как сейчас, – хуже, чем никак. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. https://t.me/larkin_doc/7249
2. По данным публичной финансовой отчетности. https://focus.kontur.ru/contracts?query=1097746671220&type=Participant.
3. Там же. https://focus.kontur.ru/founders?query=1097746671220.
4. https://t.me/chesnokmedia/7685.
5. https://t.me/chesnokmedia/8003; https://t.me/chesnokmedia/8004.
6. Согласно строке 2320 «проценты к получению» из публичной финотчетности. https://focus.kontur.ru/forms?query=1037739682925.
7. https://vk.com/wall-202010919_15590.
8. https://t.me/gorillanewsrw/166.
9. https://www.rbc.ru/politics/27/12/2023/658c2f609a7947104c40df26.
10. https://t.me/gorillanewsrw/49.
11. https://gorillanews.rw/faggots_in_theatre.
12. https://t.me/chesnokmedia/5220.
13. https://gorillanews.rw/institut-perevoda-vydaval-granty.
14. https://mysea.livejournal.com/4909061.html.
15.https://tsargrad.tv/news/argument-u-nih-odin-tak-reshili-jeksperty-pranker-leksus-napomnil-o-vyborochnom-otbore-jarmarki-non-fiction_172106.
16. https://rossaprimavera.ru/news/8682ed66.
17. https://tsargrad.tv/experts/intelligentam-zapad-dal-prikaz-otkuda-vzjalas-monopolija-na-slovo-u-liberalnyh-vlastitelej-dum_458468.
18. https://prilepin.livejournal.com/2963703.html.
19. https://vnnews.ru/za-uchastie-v-svo-pisatelya-zakhara-prile/.
20. https://t.me/gorillanewsrw/77.
21. https://t.me/chesnokmedia/15509.
22. https://t.me/reporter_shturmovik/743.
23. https://www.kp.ru/daily/27378/4561179/.
24. По данным публичной отчетности https://focus.kontur.ru/forms?query=1117746849648.
25. https://t.me/chesnokmedia/15026.
26. Следует из ответа Минобороны РФ в адрес писательской организации «Союз 24 февраля» https://t.me/union_24feb/144.
27. Цифры приведены по данным публичной финансовой отчетности. https://focus.kontur.ru/forms?query=1207700033529.
28. По данным картотеки судов общей юрисдикции. https://focus.kontur.ru/sudrf?query=1207700033529&type=Defendant.
29. Как сообщила в беседе с нами один из этих бывших работников Дарья Заморина.
30. https://tass.ru/obschestvo/22736387.

Архив Елизаветы Утки

ЕЛИЗАВЕТА УТКА

Родилась в 2006 году в Геленджике. Студентка 2-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в журнале «Родная Кубань», на сайтах «Завтра», «День литературы», «Русское поле» и других СМИ. Живёт в Краснодаре.

КАК ЛЮК БЕССОН В «ДРАКУЛЕ» ОСКВЕРНИЛ СВЯТЫНИ

Люк Бессон, западный фабрикант гламурного ширпотреба, окончательно потерявший берега, решил, что ему тесно в рамках «боевичков» про убийц в обтягивающих костюмах. Он вознамерился покуситься на святое – на архетипическую битву Добра и Зла, греха и покаяния, ту самую, что составляет основу христианской и, в частности, православной картины мира. И что мы получили? Получили не фильм, а духовный выкидыш, двухчасовой плевок в душу верующего человека под претенциозным названием «Дракула». Это не просто плохое кино, а руководство на тему, как извратить вечные истины и подменить ценности, что для утонувшего в грехе Запада стало абсолютной нормой.

С первых же минут, когда нам показывают не падшего ангела, восставшего на Бога, а какого-то капризного, вечно ноющего эмобоя, становится ясно: Бессону глубоко наплевать на метафизическую суть образа Дракулы. Граф у него – это не воплощение горделивого, абсолютного зла, а жалкий психологический калека. Вместо ужаса перед бездной греха мы получаем патологическое, слюнявое желание режиссера его пожалеть, оправдать и возвести в ранг трагического, романтического героя. И вот здесь начинается главное запланированное кощунство.

Весь «духовный» стержень этой пародии построен на чудовищной наглой подмене. Бессон, словно плохой школьник, пытается натянуть сову на глобус, втиснув священные христианские понятия в свою убогую, прожженную насквозь релятивизмом схему «любовь все спишет». И звучат цитаты, от которых у человека, знакомого с Евангелием, возникает желание выключить это безобразие и омыть глаза святой водой.

Вот граф с надменностью декадента из салона для опустившихся богемщиков бросает священнику: «Я воюю с Богом и мне неинтересны его прислужники». В подлинной, традиционной истории, будь то роман Стокера или православное понимание демонического, – это трагедия гордыни, ведущей в адскую бездну. Это крик души, добровольно отринувшей свет. У Бессона же – это брутальная пижонская поза, которую мы, зрители, должны воспринимать как «глубину» и «интеллектуальность». Нет, господин режиссер! Война с Богом – это не красивый жест для постеров, а путь в духовное небытие, и «прислужники» Бога – это не слабаки в рясах, а воины Христовы, столпы, на которых держится мир. Ваш Дракула не воюет с Богом – он просто бежит от себя, как малый ребенок, устроивший истерику.

Но верхом цинизма, настоящим актом духовного вандализма становится ключевой диалог, где священник, пастырь, вместо того чтобы обличать нечисть силой данной ему благодати, бормочет ей слащаво и капитулянтски: «Покайся, Дракула, и будешь спа-

сен». И это подается не как акт безграничного милосердия Божьего, доступного даже самому падшему, а как некая магическая, почти шаманская формула. Бессон либо невежественно забывает, либо сознательно игнорирует тот факт, что покаяние – это не волшебное слово «сим-сим», открывающее двери рая по щелчку. Это глубочайшее, мучительное, ежедневное преображение всей души, полный отказ от греха и обретение смирения – той самой добродетели, которую ваш гордец-вампир отвергает с первого кадра. Какое смирение может быть у существа, находящего свое «спасение» не в Боге, а в земной женщине? Вот он, апофеоз бессоновской ереси! Спасение человека (или вампира) не в искупительной жертве Христа, не в благодати Божией, подаваемой через Церковь и таинства, а в сугубо земной, плотской, романтической привязанности к «спасительнице». Это откровенное, неприкрытое язычество, приправленное дешевой поп-психологией из глянцевых журналов! В ответ на призыв к Божьему милосердию он заявляет: «Она мое спасение», – наглядный пример всей бесовской прелести! Веками Церковь учила, что спасение – только во Христе. Бессон же и его Дракула провозглашают новую ересь: спасение – в твари, в земной страсти, в другом падшем человеке. Это прямая подмена жертвы Христа культом «спасительницы», что является чистейшей воды идолопоклонством.

И самый сильный ход, который окончательно обнажает всю глубину падения создателей, – реплика Мины, возлюбленной Дракулы, которая весь фильм показывалась как «святая добродетельница»: «Бог есть любовь, он поймет. А если нет, пусть идет к черту». И это не просто глупая строчка из сценария. Это квинтэссенция всей духовной болезни, которую Люк Бессон преподносит как откровение. Это основа современного неоязычника, облеченная в псевдодуховную форму. Да, «Бог есть любовь» [1 Ин. 4:8] – это одна из фундаментальных истин христианства. Но в устах персонажа Бессона эти слова вырываются из контекста и лишаются своего смысла. Здесь они служат не исповеданием веры, а оправданием своеволия. Это типичный прием: взять святую истину и сделать ее приманкой, за которой последует отравленный крючок. Любовь Божия – это не вседозволенность. Это любовь Родителя, который любит свое дитя настолько, что наказывает его, чтобы уберечь от гибели. «Ибо кого любит Господь, того наказывает» [Притч. 3:12]. Бессон и его герои предлагают иную, извращенную трактовку: «Бог есть любовь, а значит, Он должен быть удобным. Он должен "понимат" мои грехи, мои слабости, мой сознательный выбор против Него». Это философия падшего Адама, который прячется от Бога в раю и оправдывается: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел» [Быт. 3:12]. Вины нет, есть лишь ожидание, что Бог «войдет в положение». Но Бог есть и Истина. Он не может понять и принять ложь, грех, бунт – так же, как врач не может «понять» и оставить рану гноиться, потому что пациенту лень лечиться.

«...А если нет, пусть идет к черту», – вот она, кульминация! Маска сброшена. Если святой, всеправедный и всемогущий Бог не соответствует моим личным греховным представлениям о «любви», если Он осмеливается требовать от меня покаяния и изменения жизни, тогда Ему место в аду? Эта фраза – духовный диагноз нашей эпохи. Это объявление Богу войны от лица комфорта и самодовольства. Это циничное провозглашение: «Я мера всех вещей. Если Бог мне подходит, я с Ним. Если нет – я сам отправляю Его в небытие». Это та самая гордыня, которая низринула с неба дьявола, заявившего: «Не буду служить!»

Персонаж Бессона идет дальше: «Не только не буду служить, но и Того, Кому не служу, отправлю к черту».

Где здесь традиционные ценности, которые так усердно стараются прививать в нашем государстве? Где понимание, что зло никогда не бывает «романтичным» или «оправданным», что гордыня – это смертный грех, а не повод для сочувствия? Вместо этого нам, русским зрителям, чья культура пропитана православным пониманием борьбы со страстями, подсовывают больную западную идею о том, что Бог где-то ошибся, что Церковь – это тюрьма, а истинное спасение – в своеволии, грехе и поклонении твари вместо Творца. Согласован ли выход этого «шедевра» кинематографии с Министерством культуры Российской Федерации, в курсе ли Ольга Борисовна Любимова, что сейчас транслируется во всех кинотеатрах нашей страны? Интересно то, что конкретный прокатчик фильма в РФ нигде не указан. Полтергейст... Как этот бездуховный смрад попал на наши экраны?

А таким «гениям», как Люк Бессон и его подельники, хочется ответить его же перевернутой с ног на голову фразой, но в ее истинном, православном смысле: «Бог есть любовь, Он поймет». Да, Он поймет нас, зрителей, возмущенных этим пасквилем. Поймет наше праведное отторжение, нашу боль за поруганные святыни. «А если нет, пусть идет к черту» – это уже прямая и недвусмысленная дорога для тех, кто сознательно, с холодным сердцем извращает вечные истины, подменяет веру суррогатом и несет этот яд в массы.

«Дракула» Бессона – это не кино. Это манифест. Манифест общества, которое больше не воюет с Богом открыто, как в XIX веке, а пытается Его «переписать», сделать удобным, «понятливым» слугой человеческих страстей. Россия со своим тысячелетним опытом стояния в вере, с памятью о мучениках, не отрекшихся от Христа, должна дать этому продукту духовной деградации ясный и недвусмысленный ответ: мы видим в нем ту самую ложь, против которой боролись наши святые. Смотреть это – значит добровольно осквернять собственное сознание, соглашаться с этой подменой. Кайтесь, создатели этого «фильма», в своих грехах против искусства и веры. А людям, сохранившим малейшую адекватность, остается разве что перекреститься, выбросить его из памяти и пойти помолиться о вразумлении заблудших душ. ■

Архив Екатерины Ивановой

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВА

Родилась 25 января 2006 года в городе Мурманске. Студентка 2-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в журнале «Родная Кубань», на сайтах «Завтра», «Русское поле», «Российский писатель». Живёт в Краснодаре.

«Извинительная водолазка» – «тренд», который появился в декабре 2023 года среди звезд российского шоу-бизнеса и эстрады, посетивших именитую вечеринку, в народе называемую «голой».

Пользователям Рунета сложно забыть многочисленные извинения, которые прозвучали из уст приглашенных гостей, словно исповедь. Помимо признания обвинений всех тех, чьи бесы тогда вышли наружу в одном из московских ночных клубов, соучастников «раута» объединял один атрибут. Им стала водолазка. Помимо самой «хозяйки» бала мерзости, алчности и других гадостей, извиняться за «вход не в ту дверь» стали и другие селебрити. Так, народный артист России Филипп Киркоров тогда тоже покаялся за то, что поддался чарам демона-искусителя Аластора. В конечном итоге история о «голой вечеринке» стала утихать, причастные были наказаны. Но понятие «извинительная водолазка» навсегда обрело смысл в сознании российских интернет-пользователей.

И вот в начале сентября сетевые пользователи предположили, что в «извинительной водолазке» появилась сбежавшая из России Алла Пугачева. На канале «Скажи Гордеевой»* (ведущая интервью Катерина Гордеева внесена Минюстом России в список иностранных агентов) Алла Борисовна, так быстро удалившаяся с территории России после начала спецоперации на Украине, пообщалась с журналистом на вечные темы: семья и карьера, любовь и дружба, жизнь и смерть. Конечно, как и стоило ожидать, не обошлось без разговоров о России.

После первых публикаций в СМИ, касающихся данного видео, захотелось лично ознакомиться с ним. После просмотра выявила несколько противоречий в рассуждениях «о важном» героини и интервьюера и решила дать комментарии, ссылаясь на факты и раннее сказанные слова певицы. Их я и постараюсь изложить ниже.

Примадонна после долгого молчания предстала перед зрителями в объемном алом свитере. Для водолазки, конечно, не хватило горла. Но эта вещь все равно смогла выполнить функцию «извинительной». Психологический комфорт был обеспечен:

АЛЛА ПУГАЧЁВА: ГОЛОС ПРЕДАТЕЛЯ РОДИНЫ

закрытая одежда дает чувство защищенности, позволяет почувствовать себя увереннее и не выдает статус и финансовое положение своего хозяина. В общем, от яркого, пестрящего дорогими аксессуарами образа Пугачевой не осталось и следа.

О цели интервью Алла Борисовна сказала: «Я хочу, чтобы дети знали правду». Так давайте и мы скорее узнаем всю «правду» Пугачевой.

Вспоминая о своем отъезде из страны, певица несколько раз акцентирует внимание, что она не собиралась никуда уезжать, что это были «каникулы, отпуск и лечение», но никак не эмиграция. Опуская момент того, что ее муж тогда уже вовсю гастролировал по Европе, шутил шутки, смешанные с помоями о своей Родине, о власти, о НАРОДЕ. Он, не сдерживаясь, колко шутил о конфликте на Украине. «Оказывается, Украина была нашпигована натовскими базами, где геи-террористы и лесбиянки-каннибалы в перерывах между обогащением урана для создания «грязной бомбы» скрещивали коронавирус с обезьяньей оспой», – говорил как-то Галкин** со сцены, иронизируя над спецоперацией [1]. Еще Алла Борисовна забывает упомянуть, что после своего видеоответа, размещенного в запрещенной на территории РФ социальной сети, протоиерею Андрею Ткачеву, который отметил, что после отъезда артистки из страны даже воздух очистился, она так и не вернулась. Хотя грозилась «вернуться и разобраться», «сходить в церковь и помолиться» за Ткачева, назвав его «богохульником».

Учитывая сказанное певицей в интервью, главным рычагом к действиям стал «троллинг» детей Пугачевой в школе другими учениками. Мол, мама и папа – шпионы, иноагенты, а вы плохие. Вот как, оказывается, бывает... Детский лепет сподвиг бросить замок и сбежать всего с тридцатью тысячами долларов в неизвестность. Наверное, это было сделать легче, чем доказать своими действиями несоответствие реальности и слухов. Или так просто было удобнее? Ведь буквально через пару секунд Алла Борисовна заявляет, что лучшим исходом для нее и детей стал выезд из страны. Говоря о несуществующей (по мнению Пугачевой) свободе слова в России, героиня упоминает и свое обращение в Минюст РФ, размещенное на личной странице в Instagram***. Цитирую: «Прошу зачислить меня в ряды иноагентов, <...>, ибо я солидарна со своим мужем,<...>, желающим Родине процветания, мирной жизни, свободы слова и прекращения гибели наших ребят за иллюзорные цели...» «Иллюзорными целями» певица называет спасение миллионов жизней жителей ЛНР, ДНР и других областей Украины (на момент начала спецоперации). Спецоперация, по мнению певицы, делает нашу страну изгоем. Кажется, она совершенно забыла о событиях конца прошлого столетия, когда из России действительно хотели сделать изгоя.

«Лихие 90-е», народ брошен на произвол судьбы в совершенно дикий капитализм, люди пытаются заработать себе на жизнь, бандитизм, воровство. Вечно пьяный глава государства, который неоднократно вызывал чувство стыда у своего народа. Начался разгар эпохи преклонения перед западной «культурой». После тех времен понадобилось немало времени и усилий, чтобы с русскими снова начали считаться, чтобы Россия заняла твердые позиции на мировой арене. И игнорировать просьбы о помощи от русских людей стало невозможным для нас. Но откуда Пугачевой знать, чем жил народ в 90-е? Ей явно было не до этого: в 1990 году Пугачева в качестве гостя участвовала в церемонии вручения премии World Music Awards в Монте-Карло, 1992 год – регистрация фирмы «Алла», которая выпускала одноименные духи, 1993 год – основа-

ние журнала «Алла», в 1994 году она вышла замуж за Филиппа Киркорова, а спустя год, видимо, утомилась и ушла в творческий отпуск. Официально на сцену вернулась в 1997 на конкурсе «Евровидение». А в 1999-м Борис Ельцин лично наградил ее орденом «За заслуги перед Отечеством». Поэтому навряд ли Алле Борисовне было дело до простых смертных.

«Совесть дороже славы... в последнюю минуту ты будешь думать о том, как относился к людям», – говорит Пугачева. Вспомним, что же сказала сама Примадонна свой публике после побега в Израиль. «Какое счастье, что меня ненавидят те люди, которых я всегда терпеть не могла», – заявляет в октябре 2022 года певица. «Всегда терпеть не могла» – фраза, которая стала последней каплей даже для самых преданных фанатов Пугачевой. Лишь получать многомиллионные гонорары, государственные награды, почести и внимание народа было «терпимо» для нее. Российский Forbes подсчитал заработок Пугачевой с 2005 по 2015 год: за эти 10 лет она нарастила свои счета на 41,5 миллиона долларов [3]. Большая часть денег была инвестирована в недвижимость и перечислена на банковские счета, что, видимо, тоже тяжело «терпела» Алла Борисовна.

Пугачева говорит, что «Родине нужно прийти и помочь». Но в понимании певицы помощь заключается в дебатах и дискуссиях. Невольно вспоминается русская поговорка «Сделал дело – гуляй смело». Так вот, хочется выделить: «сделал дело». А чем помогла сама народная артистка своей стране? Написала о своем народе «были холопами, стали рабами»? Другое дело, помощь самих «холопов». Они встали на защиту своей семьи, своего Отечества, своей истории и своего будущего. Они бесстрашно ведут тяжелые бои с врагом, который посягнул на святое – на жизнь человеческую.

«Было тяжело, у нас не было даже виллы в Израиле», – говорит далее Пугачева. Наверное, тяжело... Нам «рабам» этого не понять. Пока наши соотечественники защищают Русский мир, пока матери и жены ждут своих мужчин с фронта, пока добровольческие отряды собирают по всей стране гуманитарную помощь, наверное, им действительно тяжело думать о роскоши и богатстве. Ведь все их мысли едины. И едины они мыслями о победе.

На моменте, когда Алла Борисовна говорит о России как о стране запретов и приводит в пример надписи в метро «не прислоняться», возникло большое желание выключить интервью, ведь оно все больше и больше начинало походить на фарс, пропитанный глубокой ненавистью к России, а не на интервью с талантливой артисткой (вопросов о творческом пути Пугачевой было существенно меньше, чем о политике).

Но я продолжила просмотр, ведь хотела лично услышать ее обращение к россиянам, отрывок которого я увидела на просторах интернета. «Я их люблю и страдаю из-за них», – утверждает Пугачева. Она переживает: нам «что скажешь, тем и гордимся, истории не знаем, но гордимся». И здесь эстрадная певица снова не права. Нам всегда было и есть чем гордиться. Как раз сейчас силы настоящих русских людей направлены на то, чтобы не допустить фальсификации истории, не допустить к власти людей, ненавидящих все русское и народное, не допустить победы нацистов, западников и прочих, стремящихся уничтожить Русский мир целиком.

«Терпеливый народ... на все согласны», – еще одно высказывание бывшей россиянки. И таких высказываний, увы, полно. К сожалению, Алла Борисовна стала не единственной, кто так быстро сбежал, кто так быстро предал Россию, кто так легко поливает грязью своих соотечественников и страну.

К слову, давняя подруга и по совместительству еще одна гостья на «званом ужине» Ивлеевой – певица Лолита в беседе с «Абзацем» поддержала коллегу по сцене: «Я не нашла в ее интервью никакого разрыва связей с Россией» [4]. «Я хочу сказать всем критикующим: дай Бог нам всем в ее возрасте так выглядеть, иметь такую память и степень уважения к тем людям, которые были с самого начала» [4], – заявляет Милявская. Интересно, «иметь такую степень уважения к тем людям» – это она о ком? О террористе Дудаеве, перед которым извинилась Алла Борисовна, так как не смогла помочь ему выжить?

Примадонне стоит восстановить в памяти, что в 1991 году Дудаев силой захватил власть в Чечне и

провозгласил ее независимость от России. Именно его действия привели к началу Первой чеченской кампании и гибели десятков тысяч человек. Оправдывать убийц Пугачевой не в первой. Достаточно вспомнить, что сказала артистка после того, как выступила в качестве переговорщика во время теракта на Дубровке в 2002. «Пока эти люди не стреляют, то к ним можно относиться как к людям, которые в отчаянной попытке пытаются привлечь интерес к своим политическим убеждениям» [2]. По ее словам, Россия должна была признать поражение, а также согласиться на любые условия боевиков, ведь они просто выражают свое мнение... Никакой ответственности за поддержку террористов Алла Пугачева тогда не понесла. И у нее еще хватает совести упрекать Россию в жестокости и в отсутствии великодушия. На высказывание о Дудаеве быстро среагировал глава Чеченской Республики. В своем Telegram-канале Рамзан Кадыров отметил, что «схожие с Пугачевой предатели, такие как Березовский, начали эту войну, заработали на ней миллиарды, а затем сбежали за границу» [5], назвав Аллу Борисовну предателем, врагом народа и провокатором.

Пока псевдопатриоты пытаются указать путь к миру и гармонии, настоящие патриоты терпеливо ждут. Ждут домой родных и, не обращая внимание на либеральную антиросссийскую пропаганду, мысленно повторяют замечательные слова Алексея Толстого: «Ничего, мы сдюжим». ■

P. S. *Последние слова героини интервью: «Если хоть что-нибудь осталось в ваших сердцах, то большей награды для себя я не желаю». Но по отношению к вам, Алла Борисовна, ничего хорошего не осталось. И здесь даже «извинительная водолазка» не будет в силах что-то поменять.*

** Катерина Гордеева – внесена Минюстом России в список иностранных агентов.*

*** Максим Галкин – включен Минюстом России в список иностранных агентов.*

**** Instagram – принадлежит корпорации Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории России.*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Галкин оскорблял Россию на своих концертах и довел немцев до истерики // Официальный канал портала Известия, 2025. – URL: https://dzen.ru/a/Z_O8DJ2EI0uSYE7N.

2. Лучше признать поражение // Официальный канал портала Аргументы недели, 2002. – URL: https://dzen.ru/video/watch/660fb8645fe3d44e1b9ba08c?f=video.

3. Напела на 14 миллиардов: куда инвестировала Алла Пугачева свои заработки за годы карьеры // Пятый канал, 2024. – URL: https://dzen.ru/a/Zhom_LNXCEuKuTKa?ysclid=mfh24lul87395005235 .

4. Савина А. Лолита назвала Пугачеву величайшим русским достоянием после интервью экс-примадонны / А. Савина // Абзац, 2025. – URL: https://absatz.media/news/133759-lolita-nazvala-pugachevu-velichajshim-russkim-dostoyaniem-posle-intervyu-eks-primadonny.

5. Telegram-канал Рамзана Кадырова // – URL: https://t.me/RKadyrov_95.

КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

ГОРА ЁЖИК. Архипо-Осиповка. Осень 2025 г. *Фото Светланы Пищенко.*

ОДИНОКАЯ ЧАЙКА. Приморско-Ахтарск. Осень 2025 г. *Фото Дарины Игнатенко.*

СПЕЛЫЙ БАРБАРИС.
Краснодар. Сентябрь 2025 г. *Фото Мариам Тамразян.*

БАБОЧКА-ГОЛУБЯНКА НА ЦВЕТКЕ БАРХАТЦА.
Краснодар. Сентябрь 2025 г. *Фото Мариам Тамразян.*

ОДИНОКАЯ ВОРОНА НА ПОСТОВОЙ.
Краснодар. Сентябрь 2025 г. *Фото Мариам Тамразян.*

ХРИЗАНТЕМЫ.
Краснодар. Осень 2025 г. *Фото Елизаветы Баевой.*

ЗАКАТНАЯ ДОРОЖКА. Приморско-Ахтарск. Осень 2025 г. *Фото Дарины Игнатенко.*